КИНОПРЕМЬЕРА МИРОВОГО МАСШТАБА

МАРК ШУЛЬЦ

при участии
ДЭВИДА ТОМАСА

Подлинная история убийства моего брата, безумия Джона Дюпона и погони за олимпийским золотом

Охотник на лис

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

26 января 1996 г. олимпийский чемпион 1984 г. и чемпион мира по вольной борьбе Дэвид Шульц был в упор застрелен меценатом и филантропом Джоном Дюпоном, наследником основателей корпорации DuPont. Расстреляв гордость спортивной Америки на глазах его жены, Джон Дюпон забаррикадировался в своем роскошном поместье «Фокскэтчер» и два дня вел переговоры с полицией (спонсором которой он также являлся) о сдаче. Эта история потрясла страну, и долгое время не сходила с первых полос.

Брат покойного чемпиона – Марк Шульц, тоже борец и тоже олимпийский чемпион, – вспоминает обстоятельства трагедии, историю взросления, побед и поражений двух выдающихся спортсменов, последовательно восстанавливая всю цепочку событий, которые привели к кровавому финалу.

Джон Дюпон стал самым богатым убийцей в мире – суд признал его виновным, одновременно признав сумасшедшим. Что творилось в голове у сумасбродного, амбициозного, себялюбивого миллиардера, который, не сумев прославиться личными спортивными достижениями, решил примерить на себя блеск золотых наград других спортсменов? Точно ответить на этот вопрос невозможно, но никто не подошел к ответу ближе Марка Шульца.

- Марк Шульц, Дэвид Томас
  - ○
  - ○ Действующие лица
  - ○ Пролог
  - ○ Часть первая
    - ■ Глава 01
    - ■ Глава 02
    - ■ Глава 03
    - ■ Глава 04
    - ■ Глава 05
    - ■ Глава 06
    - ■ Глава 07
    - ■ Глава 08
    - ■ Глава 09
    - ■ Глава 10
  - ○ Часть вторая
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12

        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
        - Глава 16
        - Глава 17
        - Глава 18
        - Глава 19
    - Эпилог
    - Библиография
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34

- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39

Марк Шульц, Дэвид Томас
Охотник на лис

Написано для моих детей и посвящено моему брату Дэйву

Mark Schultz
With David Thomas
FOXCATCHER
Copyright © 2014 by Mark Schulz.
All rights reserved including the right of reproduction in whole or in part in any form. This edition published by arrangement with Dutton, a member of Penguin Group (USA) LLC, a Penguin Random House Company.

© Калинин А. А., Мовчан А. Б., перевод на русский язык, 2014

© Издание, оформление. ООО Издательство «Эксмо», 2015

Действующие лица

Стэн Абел – главный тренер команды борцов Оклахомского университета, за которую выступали Марк Шульц и Дэйв Шульц; внесен в списки Национального зала борцовской славы.

Алан Олбрайт – главный тренер команды борцов в университете Бригэма Янга («Би-Уай-Ю»); нанял Марка Шульца на работу в качестве своего помощника.

Дэйв Обл – тренер Марка Шульца и Дэйва Шульца в спортивном центре Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе; внесен в списки Национального зала борцовской славы.

Эд Банак – занимался борьбой в университете Айовы вместе со своим старшим братом Стивом и его близнецом Лу; в финале чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта 1982 года проиграл Марку Шульцу.

Брюс Баумгартнер – товарищ Марка Шульца по национальной сборной на Олимпийских играх 1984 и 1988 годов, на которых завоевал две из своих четырех олимпийских медалей.

Дэйв Бенето (известен как «Опасный Дэйв») – боец смешанных боевых единоборств, которому Марк Шульц помогал тренироваться в рамках подготовки к турниру «Чемпионата по боям без правил».

Тим Браун – тренер по борьбе; тренировал Марка Шульца в средней школе в Ашленде, штат Орегон.

Роб Калабрезе – первый борец, вошедший в состав созданной Джоном Дюпоном команды «Фокскэтчер»; вместе с Марком Шульцем был тренером в университете Вилланова.

Дэн Чэйд – товарищ Марка Шульца и Дэйва Шульца по команде борцов Оклахомского университета; вместе с Марком Шульцем был тренером в университете Вилланова, часто тренировался с ним как в университете Вилланова, так и в команде «Фокскэтчер».

Джон Дюпон – наследник состояния семьи Дюпонов, нанявший Марка Шульца в качестве помощника тренера по

борьбе в университете Вилланова и в качестве борца и тренера созданной им команды «Фокскэтчер»; в январе 1996 года убил Дэйва Шульца; в декабре 2010 года умер в тюрьме.

Дэн Гэбл – один из борцов и тренеров, удостоенных наибольшего числа наград в истории борцовского спорта в США; в качестве тренера подготовил команду борцов университета Айовы к 16 национальным чемпионатам Национальной ассоциации студенческого спорта; был главным тренером американской команды борцов вольного стиля на Олимпийских играх 1984 года, когда Марк Шульц завоевал золотую медаль.

Пэт Гудейл – начальник службы безопасности Джона Дюпона, один из двух свидетелей по делу об убийстве Дэйва Шульца.

Гари Гудридж (известен как «Большой папаша») – соперник Марка Шульца в его единственной схватке на турнире «Чемпионата по боям без правил».

Садао Хамада – тренер по гимнастике в Стэнфордском университете; тренировал Марка Шульца до того, как тот стал заниматься борьбой.

Эд Харт – тренер Марка Шульца и Дэйва Шульца в средней школе в Пало-Альто (Калифорния).

Крис Хорпел – абсолютный чемпион Америки по борьбе; тренер Марка Шульца в Стэнфордском университете в начале его борцовской карьеры; в качестве помощника тренера в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе тренировал Марка Шульца и Дэйва Шульца; впоследствии нанял их в качестве своих помощников в Стэнфордском университете.

Джим Хамфри – помощник тренера в Оклахомском университете, за команду борцов которого в то время выступали Марк Шульц и Дэйв Шульц; был также главным тренером американской команды по вольной борьбе, за которую Марк Шульц выступал на Олимпийских играх 1988 года; позднее работал тренером в команде «Фокскэтчер».

Валентин Йорданов – семикратный чемпион мира по борьбе; спортсмен из Болгарии; тренировался в команде «Фокскэтчер» в то время, когда брат Марка Шульца жил и работал тренером на

территории поместья «Фокскэтчер».

Решит Карабаджак – турецкий борец, занимавший в рейтингах в своей весовой категории перед Олимпийскими играми 1984 года первое место; победа Марка Шульца над Карабаджаком была аннулирована после того, как Марк сломал Карабаджаку локоть во время схватки.

Ли Кемп – трехкратный чемпион мира по борьбе; являлся, как и Марк Шульц, рекордсменом среди американских борцов, завоевавших больше всего титулов в международных чемпионатах по борьбе.

Андре Метцгер – товарищ Марка Шульца и Дэйва Шульца по команде борцов Оклахомского университета, в составе которой он четырежды завоевывал титул абсолютного чемпиона Америки по борьбе; впоследствии работал тренером в университете Вилланова.

Владимир Модосян – чемпион мира по борьбе; спортсмен из СССР.

Крис Ринке – канадский борец, проигравший Марку Шульцу в борьбе за золотую медаль на Олимпийских играх 1988 года.

Марио Залетник – один из высокопоставленных чиновников Международной федерации объединенных стилей борьбы, международной организации, развивающей олимпийские виды борьбы[1]; какое-то время жил на территории поместья «Фокскэтчер».

Дэйв Шульц – старший брат Марка Шульца; в числе его достижений – первое место на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта США, золотая олимпийская медаль и титул чемпиона мира.

Нэнси Шульц – жена Дэйва Шульца.

Филип Шульц – отец Марка Шульца.

Майк Шитс – занимался борьбой в Оклахомском университете, где он на соревнованиях выступал и против Марка Шульца, и против Дэйва Шульца; после окончания университета был соперником Марка Шульца в основных схватках

национального уровня.

Израэл Шеппард – дважды абсолютный чемпион Америки по борьбе и товарищ Марка Шульца и Дэйва Шульца по команде Оклахомского университета.

Жанин Сен-Жермен – мать Марка Шульца и Дэйва Шульца.

Рикки Стюарт – борец команды «Ловкачи из Оклахомы», к схваткам с которым Марку Шульцу приходилось часто готовиться.

Грег Стробел – главный тренер борцов команды «Фокскэтчер».

Тарас Уочок – в течение длительного времени адвокат Джона Дюпона.

Чак Ярнолл – главный тренер борцовской команды университета Вилланова во время переезда туда Марка Шульца.

Пролог

26 января 1996 года

– Привет, тренер!

Улыбающийся Дэйв приветственно помахал рукой, спускаясь к подъехавшему по аллее к стоянке серебристому «Линкольну Таун-кар» Джона Дюпона. В тот день была его очередь забирать двоих детей из школы, и он только что закончил чинить радио в машине.

Дюпон, опустив стекло, не ответил на приветствие.

– У тебя ко мне претензии? – спросил он.

Возможности ответить Дюпон Дэйву не дал.

Первая экспансивная пуля, выпущенная Дюпоном из револьвера «Магнум» 44-го калибра, попала Дэйву в локоть (возможно, Дэйв пытался прикрыться руками) и продолжила путь по спирали через сердце в легкие.

Дэйв закричал от боли и грудью бросился на стрелявшего, надеясь, по-видимому, вырвать из его рук пистолет.

Дюпон, правая рука которого все еще была вытянута, снова спустил курок. Вторая пуля попала Дэйву в желудок, а потом, выйдя через спину, пробила заднее стекло машины Дэйва и вдребезги разнесла ветровое стекло.

Дэйв рухнул лицом вниз на заснеженную аллею. Услышав первый выстрел, жена Дэйва Нэнси бросилась к парадной двери дома.

– Остановись, Джон! – закричала она.

Дюпон вышел из машины и направил револьвер на нее. Нэнси нырнула обратно в дом. Дюпон снова направил ствол на Дэйва, который полз к своей машине, оставляя на снегу кровавый след. Ублюдок выстрелил в спину моему умирающему брату.

В моем кабинете зазвонил телефон. Это был еще один день в середине борцовского сезона. Такие дни перед началом тренировок команды я проводил, читая почту и отвечая на телефонные звонки.

Этим я занимался и в тот день, пока не позвонил отец, который сказал:

– Дюпон стрелял в Дэйва и убил его.

Я не повесил телефонную трубку – я бросил ее и закричал. Сгреб лежавшие передо мной бумаги и швырнул их в стену. За бумагами последовали блокноты, ручки и все, до чего я мог дотянуться. В стену полетели часы и награды, стоявшие в шкафу

возле письменного стола. Я изрыгал ругательства настолько громко, что их могли услышать на небесах.

Рыдая, я просидел целый час один до тех пор, пока помощник тренера не открыл дверь. Я рассказал ему о звонке отца, и он заплакал вместе со мной.

К тому моменту Джон Дюпон, наследник состояния семьи Дюпонов, считавшийся лучшим другом американских борцов-любителей, спрятался в своем огромном особняке. Полицейские бросились к поместью «Фокскэтчер», которое им было хорошо знакомо. Некоторые из них тренировались на стрельбище, которое оборудовал для этого Дюпон. Они носили пуленепробиваемые жилеты, купленные для них Дюпоном, они общались друг с другом по рациям, купленным Дюпоном.

Дюпона, всегда извлекавшего преимущества из своей репутации филантропа, на протяжении всей его взрослой жизни славили как щедрого дарителя. Но я знал его лучше. Я знал, что он дарил для того, чтобы получать. Джон Дюпон дал мне средства для занятий борьбой, а потом отобрал у меня карьеру борца. А в тот день он отобрал у меня и брата.

Полицейские, развернувшиеся для операции, которая превратится в продолжавшуюся 48 часов осаду особняка, послали мне предупреждение и попросили меня не приезжать на место трагедии, хотя я находился в двух тысячах миль оттуда.

Предупредив меня, полиция поступила правильно. Если б я поверил в то, что у меня есть шанс добраться до Джона Дюпона, я мог бы совершить еще одну поездку в его поместье. Чтобы убить его.

Часть первая
Становление чемпиона

Глава 01
Шанс бойца

До того как Джон Дюпон убил моего брата, тот был одной из постоянных величин в моей жизни.

Дэйв защищал меня, подавал мне пример и разделял мои страдания. Хотя Дэйв родился на 17 месяцев раньше, мы были почти близнецами.

В СМИ любили указывать на наши различия. Внешне мы были непохожи. Большую часть своей взрослой жизни Дэйв щеголял густой черной бородой, а я был чисто выбрит, что подчеркивало мои скулы и подбородок. Мои волосы были густыми и волнистыми, а у Дэйва была короткая стрижка. Время сделало его шевелюру еще короче. Я был заметно более мускулистым, а Дэйв выглядел скорее как профессор химии.

Если верить СМИ, боролись мы тоже по-разному. На ковре Дэйв демонстрировал блестящую технику. Возможно, он был величайшим мастером техники борьбы. Я же полагался более на силу, даже на грубую физическую силу.

Однажды журнал *Sports Illustrated* назвал Дэйва «магистром Йодой борцовского ковра», который мог перехитрить соперников. А я был «молотом», «идущей в лобовую атаку массой мышц». Дорогу к победе я преодолевал благодаря силе.

Отличные истории строятся на контрастах. Возможно, именно поэтому мы, давая интервью, резвились от души. Но, несмотря на очевидные физические различия, подлинной историей было то, насколько мы были похожи. А еще лучшей историей был бы рассказ о том, насколько сильно это сходство было запрограммировано, поскольку я пытался подражать старшему брату во всем, в чем только мог.

Наши истории писались как будто по лекалам «Золушки». Начав наши карьеры очень скромно, мы проложили себе дорогу в жизни и в борцовском мире, вместе одержав победы на четырех чемпионатах Национальной ассоциации студенческого спорта, выиграв две золотые олимпийские медали и трижды завоевав титулы мировых чемпионов по борьбе. Однако мы так и не разбогатели. Мы завоевали много золота, но так и не нашли того волшебного колечка, которое позволило бы нам заниматься борьбой, не полагаясь на помощь людей, подобных Джону Дюпону, мультимиллионеру-неудачнику, который жаждал признания, престижа и власти. Я ни за что не связался бы с Дюпоном, если бы Федерация спортивной борьбы США

предоставляла своим самым успешным борцам бóльшую финансовую поддержку.

Правда в том, что ни у Дэйва, ни у меня никогда не хватало денег. С этого факта и начинается наша история.

Когда мне было три года, родители развелись. Наш отец, профессиональный комик, и наша мать расстались без обычных в таких случаях скандалов, так что нам не пришлось иметь дела с родителями, которые ненавидели бы и поносили друг друга. Кроме того, мы на самом деле были очень близки к родителям нашей матери, и в той мере, в какой разводы родителей сказываются на детях, мы в детстве не слишком сильно страдали.

Когда я пошел в школу в Пало-Альто, штат Калифорния, мне еще не было пяти лет. Поскольку я родился в октябре, в классе я был самым младшим. Дэйв учился классом старше, и в своем классе он, в отличие от меня, был одним из наиболее крупных мальчиков. Однако Дэйв, который ел все подряд, был рыхлым и страдал плохой координацией движений. За это его дразнили «толстяком».

Расстройство координации движений было у Дэйва следствием дислексии. У него не было главенствующего полушария головного мозга, как у всех людей, а это влияет на то, как люди мыслят и действует. У людей, страдающих дислексией, преобладание полушарий неустойчиво, и эта неустойчивость отрицательно сказывается на организации работы мозга.

Неудивительно, что Дэйв читал с огромным трудом. Когда он читал, буквы B, D, и P опрокидывались то вперед, то назад или скакали вверх и вниз. Впрочем, учителя Дэйва сочли его умственно отсталым и отправили его на коррекционные занятия. Дэйв ненавидел коррекционные занятия. Подобно многим дислектикам, на самом деле Дэйв был очень умным.

> Однажды, когда Дэйв учился в третьем классе, мальчишка из его же класса стал издеваться над ним из-за того, что он ходит на коррекционные занятия по чтению. Дэйв разозлился, повалил обидчика на землю и стал колотить его головой о бетонный пол. Мальчишка потерял сознание, и в школу приехала машина «скорой помощи», на которой мальчишку увезли в больницу. Дэйв разбил ему череп.

После этого Дэйв стал известен как самый крутой парень в школе. Неудивительно, что ему больше не доводилось сталкиваться с насмешками. Впрочем, мы в школе много дразнились, до сих пор не пойму, почему. Помню, как-то группа девчонок упорно называла меня «чванливым». Они могли

повторять это слово по меньшей мере десятки, а то и сотни раз в час.

Не думаю, что я был чванливым или самодовольным. Я был хорошим спортсменом, да, неразговорчивым, но не скажу, чтобы я был самодовольным. Впрочем, я был маленького роста, что делало меня объектом насмешек.

Меня особенно задирал один громила, и тогда за меня вступился мой защитник. Дэйв повалил парня на пол и лупцевал его до тех пор, пока тот не разревелся. Тогда Дэйв дал ему подняться, и малый убежал домой.

В школе Дэйв столкнулся еще с одним мальчишкой по имени Джон. Не могу вспомнить, с чего там у них началось, но думаю, что Джон не уважал Дэйва. Они решили подраться на спортплощадке после школы. Среди учеников прошел слух о том, что Джон будет драться с Дэйвом, и исход этой драки вызвал большой интерес, потому что Дэйв был самым крутым парнем в школе, а Джон был одним из лучших спортсменов школы, очень быстрым и ловким.

После уроков мальчишки окружили Дэйва кольцом. Вскоре выяснилось, что Джон Дэйву не соперник. Они упали на землю, Дэйв оседлал Джона и начал его бить. Мелькали кулаки Дэйва, Джон пытался защититься руками, и оба ревели – подмятый Дэйвом Джон потому, что его били. А сидевший на нем Дэйв ревел, как я думаю, потому, что это был один из тех случаев, когда мальчишка дерется и испытывает такой выброс адреналина, что после драки не может вспомнить, что, собственно, произошло. Учитель услышал шум и растащил дерущихся.

Не понимаю, каким образом Дэйв так быстро повалил такого физически развитого парня, как Джон, но Дэйв, должно быть, нашел слабое место Джона и ударил в эту точку. Дэйв изумительно владел техникой боя задолго до того, как пришел в борьбу.

Хотя из-за маленького роста я был скорее на периферии событий, драки стали для нас обоих средством защиты. Преимуществ у нас было немного, но выносливости и упрямства вполне хватало для того, чтобы никогда не уступать.

Родители рассказали мне, что когда мне исполнилось четыре года, у меня были хорошо развитые, рельефные мышцы живота и хорошие мускулы, но я впервые почувствовал свои спортивные таланты во втором классе, когда другой ученик стал хвастать, что обгонит меня в беге через поле. Он стартовал прежде, чем я, но, несмотря на его большой отрыв в начале, я нагнал его и пришел к финишу первым.

Этот забег дал мне необходимую уверенность: хотя я и был

самым младшим в классе, я понял, что в спорте могу быть лучше других. Я был еще слишком мал для того, чтобы знать научные объяснения, касающиеся быстро сокращающихся мышечных волокон. Об этом я узнаю в колледже, но выяснение того, насколько я быстр по сравнению с другими учениками моего класса, позволило понять имевшееся у меня преимущество во взрывной силе. После этого подъема уверенности в собственных силах я стал вратарем в играх в футбол, которые мы проводили тайком на переменках между уроками. После бросков за мячом я возвращался в класс грязным. Так впервые я узнал радость от того, что в спорте я – лучший.

* * *

Наша мать снова вышла замуж и поступила в аспирантуру Стэнфорда. До того как я перешел в четвертый класс, мать приняла предложение стать костюмером Орегонского шекспировского фестиваля в Эшленде, штат Орегон, городке, который был ближе всего к Калифорнии, если ехать по связующей два штата автомагистрали 5. Переезд от отца и бабушек и дедушек в Орегон из Пало-Альто занял более шести часов.

У нас были хорошие отношения с отцом. Когда я родился, отец и мать дали мне второе имя отца – Филип. А свое первое имя я получил от дяди Марка Бернстайна, но пока я рос, мне это имя не нравилось, поскольку «Марк» звучало как лай косматого пса. Потом я узнал, что мое имя происходит от имени древнеримского бога войны Марса, и подумал, что здорово носить имя воителя.

Отец, закончивший Стэнфордский университет, был профессором комедии и драмы. Когда мы были рядом с ним, он постоянно смешил нас. В первые годы нашей жизни в Пало-Альто у меня появилась любовь к комедии. Я наизусть помнил альбом Стива Мартина «Дикий и безумный парень». Наши дедушка и бабушка, Уиллис и Дороти Рич, были умными, состоявшимися людьми: дед был профессор в Стэнфорде, а бабушка была врачом. Пока мать работала в летние месяцы, мы оставались у деда и бабки, которые жили неподалеку в Менло-Парк, и всякий раз, когда мы оставались у них, они изливали на нас свою любовь. Особенно близкие отношения у меня сложились с бабушкой. Но потом мы переехали в Орегон.

Я ненавидел Орегон. Даже не Орегон сам по себе, а то, что переезд разрушил позитивное влияние деда и бабушки. Недавно я сказал Жанин Сен-Жермен, нашей матери, что все еще испытываю негативное отношение к Орегону и хотел бы, чтобы мы никогда

туда не перебирались. Потому что именно в Орегоне моя жизнь начала становиться трудной.

У матери и нашего отчима было еще двое детей. Потом мать снова развелась. Ее родители умерли. У нее был брат, который жил далеко и не мог особенно помогать сестре (или нам). Работа матери на Шекспировском фестивале была одной из лучших театральных работ в США, но не оставляла ей много времени на детей.

Наш дом в Эшленде был очень мал, площадью, возможно, около 112 квадратных метров. Там была комната матери, комната, где жили наши маленькие сводные брат и сестра, и комната, которую Дэйв и я могли сделать своей. Но у этой комнаты были стеклянные стены. Она была застекленной террасой. Большую часть года там было холодно, так как комната не имела теплоизоляции. Так что наше житье там началось со строительства на заднем дворе того, что мы назвали «сторожкой».

Эта сторожка была неудобным и холодным жилищем. Кроватей там не было. Мы спали на раскладушках, закутавшись в спальные мешки. Стены были утеплены, но дверная ручка оторвалась, и из открытой двери сквозило холодом. В сторожке был маленький электрический обогреватель. Чтобы согреться по утрам, перед тем как собираться в школу, мы со спальным мешками на спинах скрючивалась в потоке идущего из обогревателя теплого воздуха.

Мы жили в грязи. Дорога к дому, вся в рытвинах и ухабах, была сплошной грязью. Некоторые из наших соседей были овцеводами. Одежды у нас было немного, да и та оставалась почти все время грязной: стирали мы редко. В шестом классе я носил пару носков до тех пор, пока их подошва не стала черной и твердой.

Когда одна из учительниц увидела мои носки, она сказала: «Шульци, от такого зрелища стошнить может».

Это было мучительно неудобно. Ужасные времена, но то, что мы прошли через них, сделало Дэйва и меня упорными и независимыми. Нам надо было взрослеть быстрее, чем остальным ребятам.

* * *

Переезд из Пало-Альто в Эшленд был тяжелым. Я терпеть не мог начальную школу в Эшленде. Я находился в четырехстах милях от отца, деда и бабушки, а зимы в этой сторожке-морозилке были такими холодными. Я дождаться не мог

потепления – тогда я мог обходится без обуви, а мои подошвы становились достаточно грубыми, чтобы босым ездить на велосипеде на гору Эшленд за Литиа-Парк.

В школе я мучился от скуки. Тогда я открыл в себе переданный мне отцом ген комедианта, чтобы развлекаться. Дома я снова и снова слушал виниловые пластинки Билла Кросби, заучивая наизусть его истории, которые я мог повторить товарищам по школе и заставить их смеяться. Помню одну учительницу – миссис Миллер. Она преподавала в пятом классе. Она заставляла нас очень напряженно работать на уроках. В тот год благодаря миссис Миллер я научился многому и понял выгоды, которые дает напряженный труд.

Дэйв и я были хорошими спортсменами, но у нас обоих были закрепощенные плечи, и мы не могли бросать мячи так далеко, как это делали другие ребята. И ни один из нас не был хорошим бегуном.

Для меня шестой класс был годом важных спортивных достижений: я побил 20 из 25 школьных спортивных рекордов для шестиклассников. Одноклассники выбрали меня «самым вероятным будущим олимпийским чемпионом по прыжкам в длину». Завоевать эту награду было здорово, потому что я помнил, как мы с Дэйвом смотрели Олимпийские игры 1968 года в Мехико, на которых американец Боб Бимон совершил один из величайших подвигов в истории спорта, побив мировой рекорд в прыжках в длину: он прыгнул на поразительную длину – 21 и $^{3}/_{4}$ дюйма (8,90 м. – *Прим. ред.*).

В то время я не смотрел Олимпийские игры и не мечтал когда-нибудь выступить на них. В то время я все еще пытался решить, какой вид спорта выбрать. Мне давались многие виды, поэтому, когда я думал о том, на каком именно виде спорта я буду специализироваться, я думал, что таким спортом должен быть тот, в котором я смогу заработать много денег. Ведь мы были так бедны.

В шестом классе я прочитал книгу *American Miler: The Life and Times of Glenn Cunnigham* («Американский бегун на милю: жизнь и времена Гленна Каннингэма») об одном из лучших американских бегунов на дистанции в милю 30-х годов. Каннигэм участвовал в двух Олимпийских играх и на играх 1936 года в Берлине завоевал серебряную медаль в беге на полторы тысячи метров.

В результате произошедшего в школе взрыва ноги Каннигэма были страшно обожжены, и врачи сказали ему, что он никогда больше не будет ходить. Книга рассказывала о том, как Каннигэм научился снова ходить и как он выработал особый стиль бега, при котором он ставил одну ступню точно перед другой, так, словно

он бежал строго по прямой. Я скопировал этот стиль, который придал мне немного иную походку. В 1988 году я имел удовольствие и честь встретиться с Каннингэмом и смог рассказать ему о том, как он оказал влияние на мою манеру ходить и бегать. Через неделю после нашей встречи Каннингэм умер.

Дэйв выбрал борьбу в седьмом классе. Он стал членом университетской команды борцов-юниоров прежде, чем дорос до этой категории, и в первом же сезоне поставил рекорд: три победы, три поражения, одна ничья. Дэйв сразу же буквально влюбился в борьбу. К тому времени одноклассники догнали его ростом и размерами, так что Дэйв использовал борьбу для того, чтобы поддерживать свой статус самого крутого парня в школе. Мне страшно нравилось, что Дэйв – самый крутой парень, особенно потому, что я был самым младшим и самым маленьким в моем классе. Когда меня задирали, Дэйв немедленно вступался за меня.

Думаю, приход в борьбу стал для Дэйва моментом прозрения. В борьбе его проблемы с чтением не имели значения, значение имела брутальность, а ее у него было в избытке. Кроме того, поскольку Дэйв был таким умным, он мог делать то, что делали другие, причем лучше, чем это делали другие, а потом изобретать собственные приемы. Даже когда он начал бороться, он мог перехитрить соперников, заставить их занимать позиции, в которых, как они думали, имеют преимущество, – и только для того, чтобы быстро узнать, что вместо этого они попадали в подстроенную Дэйвом ловушку. Но к моменту, когда до них это доходило, было уже слишком поздно.

Единственная забота Дэйва заключалась в том, чтобы стать лучшим борцом. Он постоянно носил с собой свои борцовки, а под одеждой носил спортивное трико – просто на случай встречи с кем-то, кто пожелает бороться.

Когда Дэйв занялся борьбой, мы обнаружили: поскольку у него как у дислектика ни одно из полушарий головного мозга не было доминирующим, это, по-видимому, давало ему преимущество: он одинаково свободно владел обеими руками. Он писал и бросал левой рукой, пинал правой ногой, а при стрельбе целился преимущественно правым глазом. Не будучи ни левшой, ни правшой, Дэйв мог одинаково хорошо выполнять движения с обеих сторон. Противникам было трудно определить стойку Дэйва, и они были уязвимы перед ним – он мог одинаково успешно атаковать слабую сторону противника, какой бы она ни была.

Поскольку Дэйв жил, по сути, только борьбой, он

стремительно прогрессировал. В восьмом классе он вошел в университетскую юниорскую команду и занял четвертое место в штате. В девятом (у нас старшая школа начиналась с десятого класса) он выступил на Мировом чемпионате по борьбе для мальчиков в столице Перу Лиме, где занял второе место, уступив борцу из Великобритании.

Меня восхищала стремительность прогресса Дэйва в столь сложном виде спорта. Впрочем, сам Дэйв свои успехи оценивал скромнее. Его обычная манера поведения не позволяла посторонним догадаться, успешно ли идут дела или очень плохо.

Дислексия Дэйва, по-видимому, давала ему еще одно преимущество. Дэйв привык с лихвой компенсировать ее – хотя бы для того, чтобы не уступать одноклассникам, не выделяться среди них. А когда Дэйв догонял одноклассников, он не прекращал прикладывать сверхусилия. Эта особенность проявилась и на ковре: Дэйв сначала догнал, а затем превзошел своих ровесников, а потом превзошел и борцов, которые были старше него. Его достижения среди борцов-учащихся старшей школы до сих пор остаются непревзойденными.

> Мое знакомство с борьбой было не таким убедительным, каким оно было у Дэйва.

Борьба входит в обязательную программу физического воспитания для седьмого класса. На следующий же день после изучения различных приемов начался турнир, участие в котором было обязательным для всех семиклассников.

Поскольку схватки проводили только во время уроков, турнир затянулся. Моя схватка должна была состояться в конце первого тура, и меня это злило. Чем дольше я ждал схватки, тем больше времени я размышлял о последствиях, которые может иметь поражение для моего статуса лучшего спортсмена. Это был не первый раз, когда у меня перед соревнованиями возник мандраж, но так сильно под ложечкой никогда прежде не сосало. (Это ощущение я испытывал перед каждой схваткой на протяжении всей моей борцовской карьеры. Никогда не думал о том, как избавиться от этого чувства, но я научился контролировать и даже использовать его для того, чтобы вызывать приливы адреналина перед схватками.) Поражение было бы унизительным, и я ежедневно думал об этом, наблюдая за схватками одноклассников.

Наконец, когда пришел мой черед, я смог провести бросок через спину с захватом руки и шеи противника и положить его на лопатки. Но радости от победы не было, потому что я сразу начал чувствовать тяжесть того, что случится, если я проиграю схватку

во втором туре.

Понятно, в седьмом классе соревнования были так себе – ведь никто из нас не был опытным борцом. Все мы прошли одинаковый краткий курс подготовки. Хотя борьба – спорт, не основанный на интуиции, в котором способен преуспеть любой, благодаря моим физическим возможностям я победил во всех четырех схватках, успешно проводя броски через спину и укладывая противников на лопатки.

Всякий раз, когда я одерживал победу в школьном турнире, на меня нападал страх перед следующим туром. И когда я победил в заключительной схватке, я испытал огромное облегчение, но и только.

Позднее в том же седьмом классе я решил войти в команду борцов. Но через несколько дней после этого Дэйв и я вернулись жить с отцом в Пало-Альто. Я любил мать, но всегда считал родиной Пало-Альто. У отца дом был лучше, и мне больше не надо было трястись от холода в сторожке. К тому же работа отца позволяла ему оставаться дома и заботиться о простых вещах вроде стирки. Это звучит просто, но одно то, что я ходил в чистой одежде, позволило мне тренироваться интенсивнее, до седьмого пота, обычно по несколько раз в день меняя одежду. Однако возвращение в Пало-Альто означало, что я лишался шанса бороться в седьмом классе.

В Пало-Альто я вступил в команду восьмого класса. Наш тренер был также тренером по плаванию, и основным видом спорта для него было плавание. Наши занятия борьбой проходили неорганизованно, и мы почти не изучали технику. Сезон продолжался всего шесть недель, в течение которых были проведены три турнира: районный, турнир северной части округа и окружной. В каждой весовой категории в каждом турнире участвовали 4 парня. Во всех трех турнирах я проиграл одному и тому же парню и закончил с результатом 3:3. Сезон был ничем не примечателен, и я не считаю его тем годом, когда я «начал бороться».

Когда сезон закончился, у меня не было ощущения того, что как борец я многому научился. Мне не нравилась борьба: этот вид спорта был слишком изнурительным.

Борьба не захватила меня в мере, сколько-нибудь близкой к той, в какой она захватила Дэйва.

* * *

Однажды, когда я учился в девятом классе, я сходил

посмотреть, как тренируется команда старшей школы Пало-Альто, в составе которой боролся Дэйв, и познакомился с Эдом Хартом, который был тренером Дэйва. Харт был также школьным тренером по гимнастике и научил меня делать кувырок назад. Я сразу же подумал, что, помимо того что это интересно и повышает самооценку от того, что я могу делать что-то такое, чего не могут делать другие, гимнастика пойдет мне на пользу в плане общего физического развития, повысив мою гибкость, чувство равновесия и силу мышц.

Для меня гимнастика стала тем, чем борьба стала для Дэйва. Я решил стать гимнастом на всю последующую жизнь, а такие решения я считаю лучшим способом подхода к делу, в чем человек хочет добиться успеха. Я начал тренироваться дважды в день и познакомился с работавшим в Стэнфорде тренером Садао Хамада, одним из наиболее уважаемых тренеров по гимнастике в мире. Хамада начал работать со мной. Я быстро освоил длинный список гимнастических элементов и мог сказать, что я получил пользу в тех трех сферах, в которых, по моему мнению, гимнастика должна была помочь мне. В борьбе шквал приемов может вызвать у борца головокружение. Гимнасты ничего подобного не испытывают, потому что у них есть кинестетическое ощущение тела. Это причудливое выражение означает, что гимнасты всегда знают, где они находятся. Гимнастика сделала меня настолько гибким, что я мог выполнять шпагаты. Гимнастика сделала меня настолько сильным, что в какой-то момент я мог подтягиваться 55 раз подряд передним хватом. Гимнастика помогла мне также понимать и преодолевать страхи. Хорошие гимнасты бесстрашны, и чем больше страхов я преодолевал, тем сильнее становилась моя уверенность в собственных силах и способностях.

Чтобы победить страх, я выбрал опасное место для отработки кувырка вперед. В Пало-Альто есть старинный железнодорожный мост через Сан-Франциско Крик. Его высота над речкой – где-то около 15 метров. Я взбирался на стальную балку на вершине моста и поджидал, когда на мост въедет поезд. Тогда-то я и делал кувырки вперед на балке шириною в 60 сантиметров над поездом, чтобы доказать себе, что я могу преодолеть страх.

Большую часть свободного времени в девятом классе я проводил с тренером Хартом, который охотно продолжал работать со мной и дал мне возможность соревноваться с командой старшеклассников. С помощью Харта я выиграл чемпионат Спортивной лиги Южного полуострова по гимнастическому многоборью с максимальным количеством баллов за всю историю этих соревнований. Но поскольку я все

еще не был старшеклассником, директор чемпионата не дал мне ни одной из завоеванных мной медалей. В ответ на это и в знак поддержки мои товарищи по команде Пало-Альто отказались получать завоеванные ими награды.

Тренер Хамада работал со мной в двух местах. Одним из них был гимнастический зал поблизости от моего дома, а другим – гимнастический зал Энсина в Стэнфорде (в этом зале тренировались университетские команды по гимнастике и борьбе). В зале Энсина я работал в одном конце помещения, а Дэйв занимался борьбой в другом конце. Гимнастам была свойственно после тренировок сразу же уходить домой, а борцам нравилось еще побродить по залу после тренировок. Закончив свои гимнастические упражнения, я оставался в зале и принимал участие в играх и соревнованиях на батуте с некоторыми борцами.

Позднее в том же году я выиграл чемпионат Северной Калифорнии по многоборью среди юношей 15–16 лет. На этот раз я получил медали.

Тренер Хамада был выдающимся тренером и моим другом. Он научил меня тому, как следует развивать лучший комплекс спортивных качеств, о каком я мог мечтать. Думаю, чувство равновесия, гибкость и сила (эти качества я обрел благодаря занятиям гимнастикой) заложили лучший фундамент для занятий любым видом спорта.

Важны и психологические преимущества, которые дала мне гимнастика. Ведь абсолютно все коренится в сознании человека. Мы живем в размышлениях, поэтому все наши мысли становятся для нас реальностью. Однако между телом и сознанием нет границ. Человек – единый организм, и уверенность должна основываться на фактах. Тот факт, что я научился делать то, чего не могли делать другие борцы, очень сильно помог мне.

Значительную часть моего успеха как борца я объясняю двумя факторами – основами физического развития, полученными в гимнастике, и соперничеством с братом Дэйвом, которое сочеталось с нашей братской любовью. Понимание того, что мы навсегда останемся братьями, что бы между нами ни случалось, делало наши схватки очень жестокими и безжалостными.

Гимнастика и Дэйв подготовили меня физически и психологически ко всему, что могло произойти во время схваток.

Глава 02
Из зрителей в чемпионы

Однако гимнастика не могла дать мне уверенности – качества, в котором я нуждался.

Уверенность Дэйва в собственных силах возрастала по мере его успехов в борьбе. А я пошел другим путем. Я не испытывал счастья в жизни. Мои медали за гимнастику казались пустыми цацками. Потерянный, не понимающий самого себя и мучающийся вопросом о том, кто я и кем стану, я вступал в споры с отцом и подумывал о прекращении занятий гимнастикой.

Где-то в глубине души я понимал, в чем моя проблема. Она заключалась в самолюбии. Хотя я преуспевал в гимнастике, мой брат добивался еще больших успехов в борьбе. Он получал больше внимания, и люди, искавшие студентов для университетов, просто слюни пускали от мысли о том, что смогут залучить Дэйва к себе. Однажды я пожаловался на это отцу, а тот залепил мне пощечину.

Отец думал, что после того, как я выиграл чемпионат Северной Калифорнии, гимнастика станет моим пропуском в высшее учебное заведение. Так думал и я. Но я перестал заниматься спортом и не знал, чем буду заниматься дальше.

> В возрасте 15 лет я снова переехал в Эшленд к матери, потому что начал покуривать марихуану, отец узнал об этом и начал вмешиваться в мою жизнь настолько энергично, что я почувствовал: меня лишают свободы.

Возвращение к матери означало, что мне придется жить с матерью, ее дружком и моими сводными братом и сестрой. Мы были так бедны, что в школе мне пришлось пойти в отдел потерянных и найденных вещей и взять там куртку, в которой я ходил в холода. Я начал регулярно подпадать под дурные влияния, особенно со стороны одного соседского мальчишки, с которым я курил марихуану и который кончил печально: он умер от передозировки наркотика.

Одного из парней, с которыми я болтался, арестовали за кражу чека из машины, подделку подписи владельца чекового счета и попытку получить по этому чеку наличные. Он не предлагал мне денег, и ничего плохого я не совершил, но меня арестовали как соучастника или пособника преступления. Меня выпустили на поруки и предупредили, чтобы я держался

подальше от всяких неприятностей. Я получил урок: не водись с плохими людьми. Мне следовало сказать тому парню, чтобы он не пытался обналичить чек, хотя я понимал, что он не стал бы меня слушать. Ему надо было проверить, с ним ли я или не с ним.

Арест заставил меня провести небольшой анализ своих действий, и я понял две вещи. Во-первых, я сам себе не нравлюсь. Во-вторых, единственный способ обрести счастье – получить способность одолеть любого в мире. Последнее желание нельзя отбрасывать просто как размышление пятнадцатилетнего подростка. Это желание двигало мною вплоть до последних в моей жизни спортивных соревнований, последней схватки, состоявшейся в 1996 году.

И то же самое желание подтвердило, закрепило мое решение бросить гимнастику. Я был хорошим гимнастом, но воспоминание о том, как Дэйв защищал и себя, и меня на игровой площадке, заставляло меня понять, что надо найти другой путь к физическому совершенству, которым я хотел прославиться.

В то время был популярен Брюс Ли, и, глядя, как он вышибает дух из двадцати парней в фильмах вроде «Кулак ярости», я пришел к убеждению, что контактные боевые искусства – то, что мне надо. Но близ Эшленда не было студии Брюса Ли, поэтому я остановил выбор на школе тансудо Чака Норриса, которая находилась в Медфорде. Занятия гимнастикой дали мне преимущество – я мог держать ногу почти над головой в самом буквальном смысле этих слов.

Занятия проходили в додзё, выглядевшем как танцевальная студия. Там были деревянные полы, а на стенах – огромные зеркала. Первые четыре месяца я усердно занимался в этой школе. То, что я отдавал время тренировкам, оградило меня от дурных влияний, и я чувствовал, что становлюсь более дисциплинированным. У меня было ощущение того, что я нашел свое призвание, и это ощущение не оставляло меня до тех пор, пока осенью на мой день рождения не пожаловал Дэйв. Мы подрались – не помню даже, из-за чего. Обычно когда мы с Дэйвом проводили время вместе, он говорил что-то такое, что било по одному из моих больных мест, и тогда мы начинали схватку.

Я считал, что благодаря четырем месяцам занятий боевыми искусствами в школе тансудо я готов дать взбучку Дэйву и преподать ему урок.

Мы вышли на передний двор матушкиного дома. Я встал в стойку и начал подступать к Дэйву. Сблизившись на расстояние удара, я размахнулся изо всех сил, но Дэйв поднырнул под мои руки, быстро повалил меня на землю, уселся на меня и стал бить

меня по голове и лицу так, как он расправлялся с другими на моих глазах. (Поверьте мне, с позиции поверженного это выглядело гораздо хуже.) Вид Дэйва, вершившего надо мной кулачное правосудие, заставил меня понять, что большинство схваток заканчивается на земле и умение бороться в таких ситуациях приходится кстати.

Я хотел стать великим бойцом потому, что мне недоставало уверенности в себе и меня запугивали. Надо мной издевались. У меня не клеилось с девчонками. Единственным решением моих проблем было стать самым крепким парнем в мире.

Я бросил школу тансудо и через две недели после этого попытался попасть в команду борцов Эшлендской старшей школы.

> Когда я впервые пришел в зал на тренировку, я напевал тупую песенку собственного сочинения. «Борьба – для борцов», – эту строчку я повторял снова и снова. Думаю, так я внушал себе, что *собираюсь стать борцом. Стать борцом или костьми лечь в попытках стать им*.

Каждый день я стремился дойти до пределов моих физических возможностей. Я не любил бегать, но бегал до изнеможения, до тошноты. Я изучал правила и любые приемы, какие мог узнать. Я стремился к железной уверенности в том, что никто в команде не может работать дольше, чем я.

Я понял, что борьба на самом деле – простой вид спорта. Не легкий, но простой. И этот вид спорта не для людей, слабых физически или в психологическом отношении.

В концепции борьбы нет ничего слишком сложного: кладешь противника на лопатки, и ты – победитель. Зачетное касание пола, известное также как фол, происходит тогда, когда ты валишь противника на ковер, переворачиваешь его и прижимаешь его лопатки к ковру. В вольной и греко-римской борьбе контакт лопаток с ковром называют касанием. Когда я боролся, все, что надо было сделать, это на мгновение прижать лопатки противника к ковру. В юношеской борьбе лопатки противника надо было прижимать к ковру в течение секунды.

Если схватка заканчивалась, но никто из соперников так и не укладывал противника на лопатки, победителем называли борца, набравшего в схватке больше баллов. Приемы, за проведение которых начисляли баллы, менялись от одного вида борьбы к другому. Но, говоря вообще, способы заработать баллы включали броски противника на ковер из положения стоя (такие броски назывались тейкдаунами), выход из-под контроля противника (освобождение), переворачивание противника из положения под

ним с последующим установлением контроля над ним (переворот), неполное прижимание лопаток противника к ковру (неполный фол). А снимали баллы за разные нарушения, допущенные при борьбе. Назову лишь некоторые из таких нарушений – неспортивное поведение, незаконные захваты и пассивное ведение схватки (уклонение от борьбы).

Повторю, что все это общая характеристика. В вольной борьбе, например, не дают баллов за освобождение. К тому же в те времена, когда боролся я, в вольной борьбе перестали снимать баллы за уклонение противника от борьбы (пассивное ведение поединка). Когда за пассивность одного начисляли баллы другому, в вольной и студенческой борьбе были даже разные методы начисления баллов. Команды прекратить борьбу из-за уклонения одного из соперников отдавали судьи, что давало огромную власть рефери (судье на ковре), порой – слишком большую власть.

Неполный фол – еще один хороший пример того, насколько сильно расходились трактовки правил в разных стилях борьбы. В юниорской борьбе неполный фол засчитывали в случае, если одному из борцов удавалось опрокинуть противника на спину и лопатки брошенного на спину борца в течение по меньшей мере двух секунд находились под углом 45 градусов к ковру. Если борец удерживал противника в таком положении в течение двух секунд, он получал два балла за неполный фол, а если время удержания достигало 5 секунд, то борец получал три балла. В вольной борьбе мы называли эту ситуацию «разворотом». Можно было получить два балла за разворот лопаток противника более чем на 90 градусов. Можно было даже полностью перевернуть противника, так, что он снова оказывался лежащим на животе. Если при этом положение его лопаток соответствовало стандарту в 90 градусов, за разворот можно было заработать два балла.

Количество баллов, присуждаемых за проведение разных приемов, в разных стилях борьбы тоже было разным, но обычно составляло от одного до трех баллов за успешно проведенный прием.

Схватки состояли из периодов. До 1982 года в вольной борьбе первый период продолжался две минуты, а второй и третий – по три минуты каждый. Затем формат изменился: первый период стал длиться три минуты, а второй и третий периоды длились по две минуты. В вольной борьбе до 1981 года схватки продолжались три периода по три минуты каждый, а с 1981 года продолжительность схваток была сокращена до двух периодов по три минуты каждый.

Борцов делили по весовым категориям, причем борцам не

разрешали весить больше, чем они должны были весить в соответствии с заявленной ими весовой категорией. Когда я соревновался, в программе Олимпийским игр по вольной и греко-римской борьбе было 10 весовых категорий. В настоящее время весовых категорий осталось семь. В юниорской борьбе весовых категорий осталось десять, как и было.

Соревнования проводили в двух форматах. Были командные соревнования, в которых обе команды выставляли по одному борцу в каждой весовой категории. Каждая схватка приносила команде до шести баллов, которые начислялись в зависимости от типа победы. Команда, набравшая больше баллов, побеждала в парном соревновании.

Вторым форматом соревнований были турниры с участием многих команд, как на национальные студенческие чемпионаты и соревнованиях борцов-студентов. Чемпионаты конференций или штатов проходили в соответствии с этим вторым форматом. Турниры проходили по правилу выбывания после двух проигрышей. Борец, потерпевший одно поражение, все же мог одержать победу в своем весе, успешно, без единого проигрыша проведя утешительные схватки, и мог все же занять третье место по итогам соревнований.

Турниры по вольной борьбе тоже проходили в соответствии со вторым форматом. На международных соревнованиях, в том числе на Олимпийских играх, борцов делили на две группы. Все борцы одной группы боролись друг с другом, и тот, кто набирал в этих внутригрупповых схватках больше всего баллов (которые начисляли на основе типа одержанной победы), выходил в матч за звание чемпиона.

Когда я решил переключиться на борьбу, я отдался ей со всем жаром. Я дал себе слово тренироваться настолько интенсивно, насколько смогу, даже если такие тренировки меня прикончат. И я не преувеличиваю. Я был жутко недоволен собой, поскольку злоупотреблял наркотиками и болтался в компании неудачников, которых не уважал. Чтобы добиться успеха в каком-либо деле, надо уважать тех, кто уже кое-чего в этом деле стоит. В противном случае перестаешь уважать то, чем хочешь стать. Я был настолько несчастен, что перестал проводить различие между жизнью и смертью. Мне на самом деле было наплевать, жив я или нет. Я хотел начать отношения с людьми, которых я уважал. К счастью, борьба предоставила мне такую возможность.

Нашим тренером был Тим Браун, борец-тяжеловес и тренер по футболу. Он был хорошим тренером и хорошим человеком. Впрочем, в Эшленде программа борьбы была куцей, секцию

посещал едва ли десяток парней. Тренер Браун понимал важность работоспособности и борьбы, а потому гонял нас как сумасшедший для того, чтобы мы пришли в хорошую физическую форму.

Насколько я помню, в то время, когда я участвовал в соревнованиях, в секции борьбы в старшей школе у нас было 12 весовых категорий. Так как отсутствие борца в какой-либо весовой категории автоматически приносило команде противника шесть очков в командных соревнованиях, тренерам приходилось проявлять изобретательность, чтобы заполнить своими спортсменами максимальное количество категорий. В каждом весе от школы мог выступать только один борец, так что тренерам приходилось переводить в другие, «вакантные» категории кого-то из тех, кто делил с единственным счастливчиком весовую категорию, которую тот уже «застолбил».

Я начал бороться в весовой категории до 130 фунтов[2]. Тогда-то я и испытал одну из худших составляющих борьбы – сгонка веса.

Сгонка веса – процесс снижения (обычно очень быстрого снижения) веса до предела, установленного для определенной весовой категории. Сгонка предусматривает очень интенсивные тренировки, заставляющие спортсменов очень сильно потеть, ограничения на еду и даже полный отказ от нее, а то и провоцирование рвоты с помощью засовывания пальца в горло. Неправильная сгонка может быть опасна для здоровья. Но эта процедура – часть спорта с тех давних пор, с каких я помню его объяснение.

Когда я боролся, считалось, что значительная потеря веса дает борцу преимущество: он окажется мощнее борца, который пренебрег сгонкой. В сущности, сбросивший вес борец теряет жир для того, чтобы снизить вес, и его относительная мышечная масса будет больше, чем у другого борца.

Я считаю эту философию нелепой, особенно для человека поджарого, каким я был в результате занятий гимнастикой. Я весил 136 фунтов (около 62 кг. – *Прим. ред.*). Шесть фунтов кажутся не слишком большой разницей, но поскольку я был худым, при сбрасывании веса тело пожирало мои мышцы. Когда тело не получает калорий извне, оно получает энергию оттуда, где она хранится внутри тела. Углеводы сжигаются во время действий, сопряженных с большим поглощением кислорода, а животные белки сгорают при анаэробных действиях, которые протекают без кислорода. Поскольку у меня было немного жира, единственным возможным для меня способом снижения веса было сжигание энергии, содержащейся в протеине (животном

белке) мышц, и обезвоживание организма за счет потоотделения. В результате мои возможности бороться существенно снизились.

Уэйд Йетс, один из моих лучших друзей, был спортсменом, занявшим в предшествующем сезоне второе место на районных соревнованиях среди борцов моей весовой категории в Эшленде. Тренер Браун придумал правило, согласно которому два борца одной весовой категории должны еженедельно проводить схватки за право выступать за университет в этой категории. За 10 недель я провел 11 схваток с Уэйдом и одержал победу в десяти. Мне пришлось повысить интенсивность моих тренировок настолько, что, каждую неделю борясь с Уэйдом, я терял силы, необходимые для дальнейших соревнований.

Первые же четыре официальные схватки я проиграл, как мне кажется, и при этом понятия не имел о том, почему я начинаю бороться все хуже.

Дэйв славился фундаментальным знанием техники. Это считалось залогом его спортивных успехов. Я был новичком в борьбе и не знал никаких приемов, а потому решил изучить их как можно больше. У Дэйва и у меня был общий друг по имени Джим Гоген, который занимался борьбой в Колледже южного Орегона в Эшленде (теперь это колледж стал университетом Южного Орегона).

Я отправился в студенческий городок, где Джим ознакомил меня с концепцией завоевания свободы рук в оборонительной позиции в партере. Свобода рук была необходима для того, чтобы вывернуться из-под противника, находящегося сверху. Я назвал эту концепцию возвращением в стойку с помощью свободы рук.

Концепция эта работала так. Вы повержены на ковер, и противник держит вас в захвате. Вы захватываете его пальцы так, чтобы он не мог сцепить свои руки в замковом захвате или захватить ваши руки так, чтобы самому заполучить этот контроль. Затем надо было выставить вперед ногу, прогнуться так, чтобы отодвинуть свои бедра от бедер противника как можно дальше, и резким движением стряхнуть противника с себя. Это было эффективным способом освобождения от захвата.

Эффективность этого приема подтверждал один простой факт: ваш затылок всегда крепче лица противника. Джим сказал: если лицо противника находится за моим затылком, я головой ударю его в лицо. Никто не захочет виснуть на противнике, если тот может разбить лицо удерживающему.

После того как Джим научил меня этому приему, почти никто не мог удержать меня в оборонительной позиции на ковре. Я применял его на протяжении всего времени моих выступлений за старшую школу и колледж и в начале моих выступлений на

национальных и международных соревнованиях. В студенческих соревнованиях давали балл за время контроля над противником. Это время отсчитывали с момента, когда борец устанавливал контроль над повергнутым на ковер противником до момента потери такого контроля. В конце схватки, если у одного из борцов время контроля над противником было на минуту больше, чем у другого, к количеству его баллов добавляли еще один балл. После второго курса колледжа ни один противник не мог в схватках со мной завоевать такой дополнительный балл.

Если борец оказывался сверху противника, концепция свободы рук оказывалась столь же эффективной. Если я мог контролировать руки противника, я мог успешно удерживать того в захвате. Простота этой концепции была даже забавной. Я понять не мог, почему ее не применяло больше борцов. Да, собственно говоря, непонятно, почему ее не применяли все борцы. Я никогда ни с кем не делился секретом выхода в стойку с помощью контроля над руками.

Благодаря урокам Джима я стал лучше уходить от захватов противников. И я тренировался с предельным напряжением. Несмотря на все это, побед не было. Я совершил ошибку, поверив в то, что если я изучу приемы так, как их изучил Дэйв, я тоже стану побеждать. Но до тех пор, пока я не понял, что к приемам надо приложить взрывную силу, резкость, без которой приемы не действовали, большой разницы не было.

После того как к середине сезона я проиграл четыре схватки подряд, мой показатель составил 4:6. Тогда-то тренер Браун и решил заменить меня Уэйдом, для того чтобы укрепить команду, хотя я по-прежнему выигрывал у Уэйда еженедельные схватки за право представлять колледж.

Мне не понравилось, что тренер сначала ввел свою систему отбора, а потом перестал ей следовать. Тренер установил правила игры, а потом отбросил их для того, чтобы вместо меня на соревнованиях выступал Уэйд.

В довершение всего нашу команду оштрафовали за то, что мы не выставляли борцов в тяжелых весовых категориях. У нас просто не было борцов-тяжеловесов. Наша команда была дерьмо-дерьмом, и я не принял объяснения, сводившиеся к мантре «для блага команды». Команда меня более не интересовала. Конечно, другие члены команды приносили баллы команде на турнирах, но в той мере, в какой это касалось меня, борьба была индивидуальным видом спорта. В схватке сходились я и мой противник. И это было единственным, что меня интересовало.

Вместо того чтобы поговорить с тренером Брауном, я напрямую обратился к директору, который велел тренеру вернуть

меня в состав университетской команды. Так что неловкая ситуация возникла отчасти по моей вине. Мне следовало сначала поговорить с Брауном, поскольку он был хорошим тренером. Он вынес решение, с которым я был не согласен, но ничего с этим поделать было нельзя.

По крайней мере, на первый взгляд.

Но когда я оглядываюсь на прошлое, я думаю, что причиной, побудившей меня обратиться сначала к директору, было, в сущности, то, что душой я уже покинул Эшленд. Мне никогда не было хорошо в Орегоне. Я хотел вырваться оттуда, и если для того, чтобы вырваться из Орегона, нужен был скандал, я был готов его спровоцировать.

Я начал пропускать занятия. Я влез в драку на уроке физкультуры и, отвесив одному парню подзатыльник, сломал себе руку. Из этого происшествия я извлек единственный урок: никогда больше никого не бить по затылку; затылок жесткий. Поскольку рука у меня была в гипсе, я провалил экзамен по машинописи. Потом гипс мне надоел, и я сорвал его. Рука срослась неправильно.

Я не мог дождаться отъезда из Орегона, но до истечения срока моего условного освобождения вернуться в Пало-Альто я не мог. Казалось, что ожидание конца этого срока существенно замедлило течение времени. В любом случае у меня было ощущение того, что вследствие моего ареста и моего условного освобождения на поруки я был дочиста обобран. К этому добавлялись проблемы в команде борцов, сломанная рука и острое нежелание жить под одной крышей с любовником матери.

После окончания спортивного сезона Дэйв нанес очередной визит матери. Этот визит был связан с набором в высшие учебные заведения. Казалось, что Дэйва готов взять любой колледж, в котором была борцовская программа, и это вызвало у меня зависть к Дэйву. От природы я всегда был более спортивен, чем Дэйв, и победил на чемпионате по гимнастике в Калифорнии. Я смотрел на Дэйва, думал о том, насколько нескоординированным он был прежде, и дивился тому, как он в такой короткий срок добился выдающихся успехов в борьбе. Успех Дэйва смущал меня, но одновременно открывал мне глаза на возможности, которые я имел как борец. Если это о чем и говорило, то только о том, что стало понятно: если я всецело отдамся борьбе, лучшего спарринг-партнера я найду в своем брате.

В течение недели, которую Дэйв провел с нами, поговорить с ним приезжали Рон Финчли, тренер Орегонского университета, и Боб Рейм из университета Южного Орегона. И в их присутствии мой брат назвал меня «наркошей».

* * *

Результаты, которых добился Дэйв в год окончания старшей школы, – лучшие в истории американского юношеского спорта.

В ноябре он пропустил несколько соревнований, в которых участвовала команда его школы, из-за того, что принимал участие в престижном турнире Великих равнин по вольной борьбе, который проводился под эгидой Федерации спортивной борьбы США, организации, руководящей борьбой олимпийских стилей. Будучи старшеклассником, Дэйв пробился в финал, где боролся с Чаком Йаглой. Старшеклассник против человека, который годом ранее завершил карьеру борца академического стиля в университете Айовы. Йагла победил в чемпионатах Национальной ассоциации студенческого спорта 1975 и 1976 годов, и в последний год обучения в университете его назвали Выдающимся борцом соревнования.

Когда Дэйв сошелся в схватке с Йаглой, он отставал от соперника на несколько баллов. Дэйв взял двукратного чемпиона Национальной ассоциации студенческого спорта в полный захват с выходом вперед, сделав большой шаг левой ногой и подсечку правой ноги соперника. Затем Дэйв повалил Чака точно на спину, удерживая его правую ногу своей левой ногой, и четко положил его на лопатки.

Победа на турнире Великих равнин дал Дэйву право выступить на турнире в Тбилиси, в советской Грузии. Этот ежегодный турнир считался лучшим в мире, поскольку в нем участвовали все советские борцы, которые составляли самую могучую команду мира и Олимпийских игр. На том турнире Дэйв занял второе место, обойдя всех остальных американских борцов.

Первый и второй курсы Дэйв закончил четвертым в штате, но соревнования в Тбилиси не позволили ему принять участие в турнирах борцов-студентов, успех на которых дал бы ему возможность выступить на чемпионате штата Калифорния. Тренер Харт обратился в ассоциацию тренеров штата с просьбой все же разрешить Дэйву выступить на этом чемпионате, но в более тяжелой категории до 170 фунтов[3]. Тренеры дали согласие, зная, что Дэйв победит в чемпионате. Что он легко и сделал, в финальных схватках добившись преимущества 12:1.

После чемпионата штата Дэйв принял участие в Открытом национальном чемпионате по греко-римской борьбе. В греко-римской борьбе запрещено использовать ноги при нападении и атаковать ноги соперника. Дэйв выиграл этот турнир и завоевал приз Горриарана, который вручают борцу, за минимальное время сделавшему больше всего фолов.

К Дэйву выстроилась очередь из вербовщиков высших учебных, делавших Дэйву самые выгодные предложения.

Сделав акцент на технику, Дэйв произвел революцию в борьбе. Прежде большинство тренеров делали упор исключительно на физическую силу. В те времена схватки в вольной борьбе продолжались 9 минут, а в академической борьбе – 8 минут. В девятиминутных схватках физическая форма была решающим фактором, поскольку более сильные борцы одолевали хороших «технарей», уступавших соперникам в силе.

Дэйв изменил это положение. Он был в отличной физической форме и обладал техническим превосходством. Именно благодаря такому сочетанию качеств Дэйв, учась в последнем классе средней школы, мог побеждать лучших борцов мира, имея телосложение, которое, как сказал один из наших друзей, принадлежит, казалось, «профессору химии». Телосложение Дэйва вводило в заблуждение. На самом деле он от природы был невероятно силен.

* * *

Срок моего условного освобождения закончился в середине первого курса, и я перебрался обратно в Пало-Альто. Впрочем, произошло это слишком поздно, что не позволило мне пройти отбор в команду борцов. Я обратился к другому другу Дэйва, борцу Крису Хорпелу, который недавно закончил Стэнфордский университет и завоевал национальные награды по борьбе. Крис был на семь лет старше меня. Поначалу наши отношения носили характер отношений младшего и старшего братьев. Я пытался понравиться Крису, заставляя его смеяться над моими имитациями Стива Мартина. Спустя какое-то время он и сам стал хорошо имитировать Стива. Стив Мартин был самым лучшим, и мы с Крисом до упаду смеялись над его комедиями.

До окончания мною первого курса и в течение последовавшего за этим лета Крис тренировал меня и был моим спарринг-партнером. Он также организовал мне тренировки вместе с некоторыми из борцов команды Стэнфордского университета, что дало мне огромное преимущество перед другими борцами моего возраста. Не имея возможности бороться в составе школьной команды, я еженедельно участвовал в любительских турнирах вольной борьбы. По большей части я проигрывал первые две схватки и выбывал из борьбы. Но в то время я стал очень быстро расти и в конце лета выиграл довольно крупный турнир колледжа Вест-Вэлли в категории до 145

фунтов[4]. Победить на турнире было здорово, но моей единственной целью в занятиях борьбой уже было желание стать лучшим борцом в мире.

Тренер Харт, который работал с Дэйвом, знал, что в следующем учебном году я буду бороться за его команду старшей школы Пало-Альто, и внимательно фиксировал мои успехи. Он также боролся со мной, и я десятки раз валил его на ковер.

Дэйв усердно вел дневник борца, и в этом дневнике было много заметок и наблюдений. Я стремился скопировать то, что делал Дэйв в последнем классе средней школы, поскольку думал (и продолжаю думать до сих пор), что путь к успеху в любом деле заключается в том, чтобы найти тех, кто уже добился успеха, и копировать то, что такие люди делают. Как и Дэйв, я решил превратить борьбу в профессиональное занятие.

Свою записную книжку я организовал по категориям движений или положений, в которых я оказывался перед выполнением приема или после его выполнения. Например, захват запястья противника – это движение. Но захват запястья и использование сделанного захвата для притягивания всей руки к одной ноге составляли одну связку движений, направленную на эту ногу. Я заметил, что у большинства борцов есть свойство делить атаки на три части – подготовку (выход в позицию), проход и завершение атаки.

Выход в позицию обычно выполняют кистями и руками, которыми противника ставят в положение, удобное для нападения и вывода его из равновесия. Такое положение открывает противника для атаки. Проникновение, которое часто называют рывком, – это собственно атака. Завершение – движение, венчающее связку движений, которая рассчитана на завоевание очков, а в идеале – на достижение победы.

Например, в основном движении вроде захвата руки моя подготовка заключалась в том, чтобы дать противнику возможность захватить мое правое запястье левой кистью. После чего я опускал запястье для того, чтобы рука противника оказалась в нужном мне положении. Затем я левой рукой сзади захватывал его трехглавую мышцу и отбрасывал его руку прямо в сторону, что срывало его захват. Я отбрасывал руку соперника так сильно, что она оказывалась в положении, почти горизонтальном по отношению к ковру, в результате чего верхнюю часть корпуса противника просто отбрасывало от меня.

Дело тут было не столько в проникновении. После того как я приводил руку противника в горизонтальное положение, я должен был включить бедра и сделать бросок, который и был моим проходом. А в завершение, после того как рука противника

приведена в горизонтальное положение, я широко, как сеть, разводил руки, чтобы поймать все, что удастся поймать (обычно удавалось захватить обе ноги, но иногда в захват попадала одна нога противника). Делая проникающий шаг, я ставил ногу за левой ногой противника, ловил ее и делал подножку, одновременно нажимая левым плечом на его живот или пах. Подножка приводила к тому, что я или валил противника с ног, или вынуждал его падать навзничь на ковер.

В своей записной книжке я убрал стадию проникновения, поскольку проникновение было само собой разумеющимся, и превратил трехзвенный процесс в двухзвенный.

Если у какого-то приема не было названия, я придумывал ему.

Каждая страница моей записной книжки была посвящена одной связке движений. Примерами таких связок были захват одной ноги, захват двух ног, захват верхней части бедра, захват тела противника одной рукой сверху, а другой снизу, захват обеих рук противника сверху, бросок с захватом руки и шеи вперед и связка с забавным названием «вертушка». В начале страницы я писал название связки, а ниже перечислял все способы ее завершения. Они включали броски, опрокидывания и проходы. Я обнаружил семь базисных категорий завершения всех атак в ноги: отрыв от ковра, захват, выход в захват сзади, переход к другой связке, сваливание противника на бедро, удержание одной ноги противника и его сваливание на ковер и уклонение от такого же приема, проводимого противником. На обороте страницы я указывал контрприемы на каждую связку движений. Отдельные страницы были отведены разворотам, комбинациям укладывания противника на лопатки и выскальзываниям. На обороте обложки я перечислял приемы, позволявшие уменьшить психологическое давление, сохранять сосредоточенность и воспринимать реальность. Мой ум шестнадцатилетнего юнца изобрел все это ради того, чтобы как можно быстрее прогрессировать в борьбе.

Я изучал свою борцовскую записную книжку интенсивнее, чем большинство из моих школьных учебников, изучал до тех пор, пока не запомнил каждую из сделанных мною записей. В зрительной памяти у меня отпечатались моментальные снимки страниц, и когда в схватке я начинал какую-нибудь связку, у меня в уме высвечивалась соответствующая страница: я мог «видеть» набор возможных вариантов действий и делать выбор из этого набора. Прежде чем выполнять прием, я принимал решение, как и чем его завершу, так что на ковре не испытывал колебаний.

К моменту, когда я перед выпускным классом летом уехал в

лагерь Джо Сиэя Байкерсфилд-Экспресс, в моей записной книжке было уже много записей. В лагере я жил в одной комнате с Джеффом Ньюменом, который тоже должен был закончить среднюю школу Пейли, как часто называли нашу школу. Когда Джефф увидел, что я делаю записи, а я объяснил, что делаю, у нас состоялась забавная дискуссия о пользе ведения таких записей. Джефф был хорошим борцом. Мы стали спарринг-партнерами и добрыми друзьями, но я был уверен, что ведение записей принесло пользу моему старшему брату, а успех был единственным, о чем я думал.

В лагере я изобрел один из самых строго охраняемых секретов – концепцию «цепной борьбы», то есть перехода от одного движения к другому, потом – к следующему, затем – еще к одному и так далее по бесконечной цепи движений. Я вкратце записал много таких цепочек в записной книжке, а потом до меня дошло, что у этих цепочек нет предела, и тогда я перестал их записывать. С того момента я сосредоточился на наиболее эффективных связках, и в конечном счете мои самые лучшие атаки стали моими самыми главными секретами. Моя самая эффективная атака была настолько засекреченной, что я даже не представлял, насколько часто применяю ее, до тех пор, пока не увидел себя на видео.

Большое влияние на меня оказала пар книг более традиционного содержания. Одна из этих книг была написана Бобби Дугласом, афроамериканцем, преодолевшим расовые барьеры в борьбе и закончившим карьеру борца с рекордным показателем (303 победы и 17 поражений). Он стал членом Национального Зала славы борцов.

Второй из оказавших на меня влияние книг была книга индийского наставника Дж. Кришнамурти *You are the World* («Ты – целый мир»). Я читал вдохновляющие истории о мастерах дзен, совершавших невероятные подвиги физической и нравственной силы, в том числе историю монаха, который проводил дни в медитации, похлебывая чай и расслабляясь, а потом вставал, выходил в темный коридор, стрелял из лука в кромешной темноте и попадал в центр мишени. Как я выяснил, эта книга была, по-видимому, изложением философии дзен. При просмотре книги особый интерес у меня вызвала глава о преодолении страха, и я начал читать эту главу, которая настолько меня заинтриговала, что я прочитал всю книгу, а потом и другие книги Кришнамурти.

Поначалу мне было трудно понимать этого автора. Его книги не предлагали, например, шесть простых и легких шагов к преодолению страха. Он ставил вопросы, но не давал ответов. Его

книги не рассказывали мне, что мне следует думать и о чем думать не следует. Вместо таких советов он писал так, словно он шел рядом со мной и учил, как жить без него и не зависеть от него.

До того как я прочитал Кришнамурти, я ни разу не слышал выражений вроде «каждый миг становится прошлым», «наблюдай то, что есть, а не то, что должно быть, в том числе и мои мысли, без суждений и смотри, что происходит» или «живи только настоящим».

Книги Кришнамурти научили меня следить за собственными мыслями и за миром, не делая оценок. Я научился понимать себя с полным вниманием и смотреть на то, что происходит. Я понял, что мои внутренние разногласия и конфликты, существовавшие в моей душе между фактически существующим и тем, что должно существовать, порождены теми же источниками, что порождают разногласия и конфликты в мире. И я узнал, что единственно важным для меня было то, что происходит в данный, текущий момент. Я научился жить настоящим и забывать о прошлом.

Осознав, что в любви нет разделения между наблюдающим и наблюдаемым, я начал любить все и всех, в том числе моих противников. У меня больше не было причин для недовольства. Это избавило меня от препятствий, прежде мешавших моему успеху. Поскольку горести прошлого в моем настоящем отсутствовали, у меня появилась энергия, необходимая для движения вперед и совершенствования во всем, в чем я мог совершенствоваться.

Научившись жить всецело настоящим и предавать прошлое забвению, я смог лучше тренироваться, поскольку всякий раз, когда я ловил себя на мысли о том, что мое тело больше не выдержит боли, которую испытывает, я говорил себе, что вся боль, которую я испытал до сих пор, осталась в прошлом. А мое прошлое умерло, оно ушло.

Жизнь ежесекундно начинается заново, и эта философия в сочетании с борьбой вывела меня из мрака и сделала меня снова счастливым.

* * *

Перед тем как я пошел в последний класс школы, мне понадобилась спортивная форма для тренировок, и я попросил отца купить мне спортивную тренировочную фуфайку. Он купил первую попавшуюся, насколько я знаю, и она оказалась зеленой. Зеленый и белый были цветами нашей школы. Я носил эту

фуфайку каждый день. Натягивая ее, я ощущал что-то вроде щелчка переключателя, превращавшего меня в человека, которым я хотел стать: уверенным и пребывающим в ладу с самим собой.

В тренировках я доводил себя до абсолютных пределов моих возможностей. Я тренировался интенсивнее, чем все остальные, и привел себя в состояние, которое было лучше, чем у кого-либо. Тренировался я дважды в день, а иногда по три и даже четыре раза. И так каждый день, все больше и больше. Я видел, что становлюсь бойцом, каким я хотел стать.

За один год я набрал 30 фунтов веса и в начале последнего года школьного обучения весил 157 фунтов (71,2 кг. – *Прим. ред.*). В Калифорнии в течение сезона, вплоть до чемпионата штата я прибавлял по фунту в месяц. В начале учебного года я весил 154 фунта, в конце – 159 фунтов (69,8 кг и 72,1 кг соответственно. – *Прим. ред.*). Я рассчитал, что если благодаря интенсивным тренировкам сброшу вес и войду в более легкую весовую категорию, это и будет моим идеальным весом. Чтобы выступать в категории до 154 фунтов[5], мне надо было сбросить всего лишь фунт или два.

В течение короткого периода у Стэнфордского университета была клубная команда по борьбе, тренировавшаяся в старшей школе Ганн, которая соперничала со школой Пейли на уровне города. Благодаря отношениям с Крисом Хорпелом я после тренировок в Пейли мог тренироваться с командой Стэнфорда. Боб Макнил, один из борцов команды Стэнфорда, мастерски выполнял нырок в сторону, и это движение, которому я научился у него, станет моим коронным приемом.

Джефф Ньюмен и я тренировались вместе каждый день, но он боролся в более тяжелой категории – до 165 фунтов[6]. Джефф, одерживавший победы в каждом турнире, был непобедим. Он победил и в схватке с Джо Гиллори, отстаивавшим титул чемпиона Центрального побережья в моем весе.

Тем временем я не выиграл ни одного из трех наших регулярных сезонных турниров. В первой же схватке первого турнира за звание чемпиона я проиграл. Тренер Харт вывел меня из команды, выступавшей на втором турнире, потому что я сломал палец ноги. А на третьем турнире я занял третье место.

Я успешно боролся с Джеффом на тренировках, а потому знал, что могу справиться с Джо Гиллори и другими борцами, с которыми справлялся Джефф. Но в психологическом отношении я испытывал сложности. По-видимому, соревнования изнуряли меня. Не помогало и то, что я был *младшим братом* Дэйва Шульца и что в прошлом году я одержал четыре победы, потерпев шесть поражений в полулегкой весовой категории.

Потом что-то изменилось. Не знаю, что, но что-то определенно изменилось. Самым драматическим образом. Я выиграл турнир девяти команд Спортивной лиги Южного полуострова, в финале уложив противника на лопатки, что дало мне право выступить на региональном чемпионате, в котором участвовали борцы примерно из двадцати школ. На том чемпионате я снова одержал победу и получил право выступить на чемпионате Центрального побережья, в котором участвовали борцы примерно из 90 школ. На тех соревнованиях я победил противника, который одерживал победы надо мной в течение обычного сезона, и вышел в финал, где должен был встретиться с Джо Гиллори.

Гиллори повалил и почти весь первый период контролировал меня – он попросту сидел на мне. Во втором периоде я сделал кувырок в сторону, которому научился у Макнила, и развернул Гиллори на спину, заработав пять очков. Я выиграл схватку с преимуществом в одно очко, был назван лучшим борцом чемпионата и получил право выступать на чемпионате штата в университете Сан-Диего.

В большинстве штатов турниры дробятся на дивизионы или квалификационные соревнования, в зависимости от размеров школ, поэтому там проводят несколько чемпионатов штатов в каждой весовой категории. В Калифорнии более восьмисот школ, в которых занимаются борьбой, но в этом штате соревнования проводят не так. Школы, независимо от их размеров, соревнуются в рамках одного соревнования, и в каждой весовой категории один человек получает титул чемпиона штата. Борец, завоевавший титул чемпиона штата в Калифорнии, это действительно *чемпион штата.*

Джо Гиллори проиграл в первом туре. Я заканчивал школу, и тот сезон был, вероятно, моим последним борцовским сезоном. Я готовился к первому матчу на моем первом турнире на первенство штата, и борец, который, как я знал по собственному опыту, был одним из лучших борцов штата, сразу же вылетел из соревнований.

«*Да меня разыгрывают!* – подумал я. – *В турнире участвуют крепкие ребята. Я крепко влип!*»

Я положился на учение Кришнамурти и велел себе жить только настоящим. Я сосредоточился исключительно на первом матче и даже не заглядывал в турнирную таблицу, чтобы узнать, что последует после первого поединка. Продвигаясь через турнир, я продолжал думать только о следующем сопернике. Эти приемом я пользовался в течение всей моей карьеры, чтобы сосредоточиться только на том, что происходит в данный момент.

Моим первым соперником был борец, занявший пятое место на чемпионате Южного подразделения. Он так и не сумел ни разу сделать что-то серьезное против меня, так что в конце схватки я решил отказаться от чистой победы, выиграв с преимуществом в один балл.

Моим следующим противником был Тим Джонсон из старшей школы Хоган в Вальехо. Джонсон был непобедимым и считался фаворитом среди кандидатов на титул чемпиона. За 10 секунд до конца он опережал меня на один балл, но потом я вывернулся из захвата, количество баллов у нас сравнялось, и нам пришлось бороться в дополнительное время. Перед началом дополнительного времени был минутный перерыв. Я истратил столько сил на то, чтобы удержать равенство счета, что, добравшись в свой угол, просто рухнул. Я был так изнурен, что меня почти рвало.

Примерно на сорок пятой секунде перерыва тренер Харт посмотрел на меня, потом на моего противника, который отдыхал, стоя на одном колене, и разговаривал со своим тренером. Казалось, Джонсон совсем не устал, а я, задыхаясь, хватал воздух ртом. Тренер Харт отвесил мне хороший шлепок и поставил меня на ноги. Я никогда не видел, чтобы он делал что-то подобное, но полученная затрещина изумила меня. Я ощутил прилив необходимого адреналина. Тренер знал, что делает!

Дополнительное время состояло из трех периодов продолжительностью по минуте каждый. Мы закончили первый период, не набрав баллов, но в каждом из двух следующих периодов я набрал по три балла и выиграл дополнительное время со счетом 6:0. Между прочим, Джонсон пробился в финальную пульку через утешительные бои и занял третье место.

В полуфинале я встречался с Керри Хайаттом из школы Поуэй. Хайатт не знал поражений, и его школа завоевала четыре командных титула. Кроме того, школа Поуэй находилась поблизости от университета Сан-Диего, и на тех соревнованиях было много болельщиков из школы Поуэй. Хайатт повалил меня и ломал меня весь первый период. Но во втором периоде я решил начать борьбу в нижней стойке и подловил Хайатта, сделав кувырок в сторону, который использовал во всех критически важных схватках того сезона. Я уложил Хайатта на спину, заработав на этом пять баллов, и контролировал его весь третий период, одержав победу со счетом 5:2.

Когда рефери поднял мою руку в знак победы, я оглянулся на тренера Харта и показал ему поднятые большие пальцы. Тренер понял, чего я прошу. Живший во мне старый гимнаст в ознаменование крупных побед выделывал на ковре сальто назад,

а победа в полуфинале была для меня большим успехом. Но тренер Харт сделал мне запрещающий жест и крикнул: «Нет!» Когда я подошел к Харту, он сказал: «Прибереги это. Сейчас не время».

В финале мне предстояла схватка с Крисом Боудайном из Плезант-Хилл, другим борцом, не потерпевшим поражений. Он был юниором, но нам обоим было семнадцать лет.

В начале третьего периода счет был 4:4, и Боудайн решил бороться в партере. В сущности, все, что ему надо было сделать для выигрыша чемпионата штата, это выйти из захвата. Я около минуты сидел на нем, а потом он поднялся, разорвал мой захват и повернулся ко мне лицом. В последний момент перед тем, как он вышел из захвата, я отпустил его корпус, захватил его левую ногу и вцепился в нее. Я не знал, что делать дальше, но понимал, что если отпущу противника, он одержит победу. Мы оба с ног валились от усталости, и я подумал, что это, возможно, последняя в моей жизни схватка.

Но момент, когда я обеими руками вцепился в ногу Боудайна, уже был в прошлом. «Ты еще не умер», – сказал я себе, а потом рванулся и сделал нечто такое, чего никогда не делал: я оторвал противника от земли одной рукой и прогнулся назад. Мы оба начали падать. Я извернулся и в момент, когда Боудайн упал на ковер, сел на него. Он лежал на спине, и я одной рукой провел полунельсон, другой захватил его ногу и сцепил руки в замок. В этом положении я удержал его на спине, заработав три балла. За несколько секунд до конца схватки он перевернулся со спины, но я оставался сверху и выиграл чемпионат штата со счетом 7:4. Победу я отметил сальто назад.

Чемпионат штата Калифорния по борьбе 1978 года был самым чудесным турниром в моей жизни, даже по сравнению со всеми моими будущими турнирами на национальном и международном уровнях. Победа на чемпионате штата заставила меня подумать, что Бог, пожалуй, все-таки есть.

Двумя годами ранее я был гимнастом, а не борцом. Затем всего за 16 месяцев я прошел путь от личного показателя 4:6 и потери места в команде до выхода на пьедестал почета в качестве чемпиона штата Калифорния. На пьедестал я шел в зеленой спортивной фуфайке, которую купил мне отец и которая впитала десятки литров моего пота.

После церемонии награждения я пошел в душевую и посмотрел на себя в зеркале. Я вглядывался в свои глаза добрых пять минут. Я хотел понять, как мой мозг позволил мне выступить лучше всех в штате.

Почему я?

Должно быть, все совершенные мной грехи были прощены, потому-то я и удостоился такой невероятной благодати. За это я мог только благодарить и обещать прилагать все силы к тому, чтобы сохранить это ощущение и поднимать планку на еще большую высоту.

Меня снова одолевал вопрос: *«Почему я?»*

Другие борцы знали не меньше, чем я, тренировались так же интенсивно, как и я, и, вероятно, стремились к победе так же сильно, как стремился к ней я. И все же у меня каким-то образом было то, чего не было у них.

Я не знал, в чем заключается мое отличие от других, но, продолжая вглядываться в зеркало, я увидел кого-то, кто дал мне этот дар, преимущество, суть которого невозможно было определить. Более того, я увидел того, кого я любил. Я испытывал счастье от того, что я – это я.

Когда я вернулся в Пало-Альто, отец устроил для меня вечеринку с тортом, воздушными шариками и транспарантом, на котором было написано: «Поздравляем!». Впервые в жизни я почувствовал, что достиг чего-то такого, что отец и вообразить не мог. Мой отец-комик заставлял меня смеяться, пока я рос. Но в тот день я заставил его улыбаться и смеяться!

Моя победа на чемпионате штата, во всей своей незапланированной славе, была самой большой удачей, случившейся в моей жизни. Если бы я не победил тогда, я бы бросил борьбу и завербовался в морскую пехоту США.

Глава 03
Джон Дюпон

У Джона Элютера Дюпона было совсем другое детство, прошедшее на другом побережье и намного раньше. Он вырос в особняке, где было 40 с лишним комнат. Особняк находился в поместье Ньютон-Сквер, раскинувшемся на 800 акрах земли в Пенсильвании, точно на западе от Филадельфии. Особняк был точной копией находящегося в Виргинии дома Монпелье, который когда-то занимали президент Джеймс Мэдисон и его жена Долли и который был спроектирован Томасом Джефферсоном, другом семейства Дюпонов.

Деловая хватка Дюпонов, связанных по большей части с носившей их имя компанией, которая производила химическую продукцию и взрывчатку, а позднее с компанией General Motors, позволила семейству французских эмигрантов подняться в круги американской аристократии и занять место в одном ряду с Рокфеллерами, Асторами и Вандербильтами.

Один из сотен наследников состояния Дюпонов, Джон родился с серебряной ложкой во рту. Однако он превратил свою жизнь в неудачную погоню за олимпийским золотом и продолжал эту погоню даже после того, как стало до боли ясно, что его дарования и способности никогда не дадут ему заслужить шанс на такой успех.

Джон Дюпон был богат от рождения. Его прапрапрадед, родившийся во Франции Элютер Иренэ Дюпон, в 1802 году построил пороховой завод в Уилмингтоне, штат Делавэр. Этот завод со временем превратился в компанию E. I. du Pont de Nemours, которую стали кратко называть DuPont.

Умение основателя компании производить порох позволило его компании стать ведущим поставщиком пороха вооруженным силам США. Позднее компания начала производить бездымный порох и динамит.

В 1902 году, во время празднования столетия компании, смерть президента компании Юджина Дюпона привела к сделке, которая положила начало новой эре в истории компании и создала условия для ее поразительного роста.

Т. Коулмен Дюпон, Пьер С. Дюпон и Альфред А. Дюпон, приходившиеся друг другу двоюродными братьями, купили семейный бизнес и превратили его в химическую корпорацию, использовавшую самые передовые научные достижения. Прибыли компании DuPont позднее позволили Пьеру купить контрольный

пакет акций испытывавшей трудности General Motors. DuPont вложила средства в автомобилестроительную компанию и, возможно, спасла General Motors от банкротства и исчезновения. Став президентом General Motors, Пьер Дюпон выжал максимальную прибыль из своих инвестиций и инвестиций компании DuPont, превратив General Motors в крупнейшего в мире производителя автомобилей.

Компания DuPont, делавшая акцент на научных исследованиях, начала производить синтетические волокна и достигла еще большего процветания. В 30-х годах компания добилась особенно крупного успеха, поставив на рынок женские чулки из синтетики. Во время Второй мировой войны DuPont стала крупным поставщиком материала, который использовали при производстве парашютов и шин бомбардировщиков «Б-29». DuPont играла также важную роль в Манхэттенском проекте, результатом которого стало создание первой атомной бомбы.

Присущая семье деловая хватка сделала Дюпонов одной из богатейших и наиболее влиятельных семей Америки.

Джон Э. Дюпон происходил от основоположника компании по линии, шедшей через Генри, сына Элютера Иренэ Дюпона, к внуку Уильяму и правнуку Уильяма-младшего.

Джон родился в 1938 году в Филадельфии и был самым младшим из четырех детей Уильяма-младшего и Джин Лайзетер Остин, которая тоже происходила из весьма зажиточной семьи.

Отец Джин отдал молодоженам поместье «Лиситер-Холл» площадью более 600 акров в Ньютаун-Сквер, к западу от Филадельфии. Потом отец Уильяма-младшего построил для молодой четы особняк, который был точной копией принадлежавшего президенту Джеймсу Мэдисону и его жене Долли дома Монпелье в штате Виргиния, где вырос Уильям-старший, который в 1899 году купил Монпелье.

В 80-х годах XX века поместье Монпелье стало одним из предметов семейной судебной свары, в которую был замешан Джон Дюпон. Это дело обошлось семье в миллионы долларов на судебные издержки.

Дюпоны решали семейные проблемы, нанимая юристов. Я и Дэйв решали наши споры кулаками.

Отец Джона Уильям-младший был президентом Delaware Trust Co. и владельцем чистокровных лошадей, участвовавших в скачках под флагом конюшни «Фокскэтчер». Кроме того, отец Джона был крупным строителем ипподромов и трасс для стипль-чезов и завоевал международное признание как проектировщик двадцати таких сооружений. Любовь Уильяма-младшего к охоте на лис привела к созданию хорошо известной своры собак-

охотников на лис. Мать Джона занималась разведением валлийских пони и собак-биглей, участвовавших в соревнованиях и становившихся чемпионами. Благодаря своим «лиситерским» пони она пользовалась большим уважением в кругах любителей верховой езды, и за 70 лет проведения выставок ее лошади завоевали более 32 000 призов.

У Джона было две сестры и брат. Когда родился Джон, младшему из этих детей было уже одиннадцать. Родители Джона расстались, когда Джону было всего два года. Его мать по условиям развода сохранила «Лиситер-Холл». Сестры и брат Джона разъехались по школам-пансионам, потом обзавелись собственными семьями, а Джон ходил в местную частную школу и жил с матерью в поместье.

Через шесть лет после развода отец Джона женился на звезде тенниса Маргарет Осборн. У них родился сын, Уильям-третий, но когда Джону было хорошо за двадцать, его отец развелся и со второй женой.

Уильям-младший не общался с подраставшим сыном. Однажды Джон сказал одному из репортеров, что «всю жизнь искал отца». Мать Джона, волевая и умная женщина, больше не выходила замуж и жила в особняке, управляя делами фермы до своей смерти в возрасте 92 лет. Без отца и в отсутствие старших детей Джон рос, в сущности, в одиночестве. Им занималась мать. Возможно, это стало (по меньшей мере, отчасти) причиной его пожизненной неспособности выстраивать нормальные отношения с другими людьми.

Застенчивый и до взрослого возраста заикавшийся Джон столкнулся с тем, что его дразнили в престижной мужской школе Хейверфорд. Интересно, что одноклассники считали его одновременно и самым ленивым студентом, и, вероятно, человеком, который преуспеет в жизни. В Хейверфорде Джон занимался плаванием и борьбой. Однажды Джон с гордостью показал мне фотографию, на которой он был запечатлен в составе команды борцов в первый же год учебы в Хейверфорде. На снимке он, в борцовском трико школы, стоял в самом конце ряда. Это была единственная фотография школьных лет, на которой я видел Джона в форме борца.

Джон старался установить нормальные отношения с другими учащимися, но он веселился на вечернике, которую закатил в поместье по случаю окончания школы, несмотря на то, что провалил классную работу и не смог окончить школу вовремя. Приглашенным парням Джон сказал, чтобы никто не приводил с собой подружек. Во время вечеринки несколько ребят попробовали поездить по бассейну поместья на машине.

Впоследствии Джон повторит эту выходку, но с гораздо более зловещей целью.

* * *

Джон Дюпон окончил среднюю школу в 1957 году и поступил в университет Пенсильвании, но бросил учебу, не закончив даже первый курс. Он получил диплом о высшем образовании по специальности морская биология в университете Майами, за команду пловцов которого он выступал.

Дюпон мечтал об участии в олимпийских заплывах, и у него были деньги на то, чтобы тренироваться в Калифорнии в лучшем клубе пловцов Америки – Клубе пловцов «Санта-Клара».

Джон купил дом в Атертоне, Калифорния, чтобы иметь жилье на время тренировок. За 20 лет до того, как я впервые услышал имя Дюпона, он жил менее чем в пяти милях от меня и Дэйва.

В Клубе пловцов «Санта-Клара» готовили спортсменов олимпийского класса. В то время в списке пловцов, тренировавшихся в клубе и завоевавших олимпийское золото, значились имена Марка Спитца, Линн Бёрк, Донны де Вароны, Криса фон Зальтца и Стива Кларка.

Дюпон был в лучшем случае хорошим пловцом, но не мог соревноваться на уровне олимпийской сборной.

В 1963 году Дюпон решил заняться современным пятиборьем, которое включает следующие спортивные дисциплины: кросс по пересеченной местности, фехтование, плавание вольным стилем, стрельба из пистолета и конкур.

Я слышал две истории о том, как Джон пришел к этому решению.

Согласно одной истории, тренер по плаванию из Клуба «Санта-Клара» убедил Джона в том, что он не подходит для олимпийской сборной по плаванию, и дал совет: если Джон хочет достичь своей цели и соревноваться на Олимпийских играх, пятиборье, пожалуй, его лучший шанс.

Согласно другой версии (она принадлежала самому Джону), он посетил дом Линн Бёрк, чемпионки Олимпийских игр 1960 года в плавании брассом, и ее отец сказал ему, что поскольку он уже умеет плавать, стрелять из пистолета и ездить верхом, ему следует попробовать силы в пятиборье. И познакомил Джона с тренером по фехтованию.

Обе истории могут быть правдой.

Для Джона, мечтавшего об участии в Олимпийских играх, идея пятиборья имела смысл, поскольку в этом виде спорта не

было особой конкуренции. Занятия пятиборьем требовали денег. Надо было платить тренерам, которые подготовят спортсмена к борьбе в различных дисциплинах, и это обстоятельство ограничивало число подающих надежды пятиборцев. Джон мог платить за подготовку, и у него были деньги на то, чтобы построить необходимые для тренировок объекты в поместье матери.

Дюпон построил стрельбище, расчистил трассу для кросса. В поместье был крытый бассейн олимпийского класса. Дюпон оплатил и мозаику, которую выложили на стене за бассейном. Мозаика изображала самого Джона, занимающегося каждой из пяти дисциплин пятиборья. Крошечные кусочки этой мозаики были доставлены в поместье матери Джона из Флоренции, Италия.

Дюпон мог позволить себе и оплату расходов по участию в соревнованиях, которые проходили в других странах. В 1965 году он победил в турнире, который, вернувшись домой, называл национальным чемпионатом Австралии. В то время австралийцы не проявляли особого интереса к пятиборью.

Но, как и в случае с плаванием, в США Дюпон просто органически не годился в спортсмены-олимпийцы. В 1967 году он принимал на своем заднем дворе национальный чемпионат и, несмотря на преимущество, которое давали ему родные стены, занял место где-то в середине списка участников. На соревнованиях, проведенных на следующий год (по итогам этих соревнований определялся состав команды США на Олимпийских играх 1968 года в Мехико), Дюпон оказался предпоследним.

Джон платил за самых лучших тренеров, каких можно было найти в США. Деньги позволили ему построить объекты для тренировок на дому. Но его способности не могли принести ему места в сборной.

На Олимпийских играх 1976 года, в награду за финансовый вклад в развитие современного пятиборья Дюпону дали место менеджера в команде США, что позволило ему носить олимпийский костюм и позировать на командных фотографиях.

Однако у Дюпона никогда не было качества, необходимого для олимпийца. И это качество он мог купить только как зритель, а не участник соревнований. У него была решимость и более чем достаточные финансовые ресурсы, но не было мастерства.

Когда Джон не смог попасть в олимпийскую сборную по современному пятиборью, ему было почти тридцать. До следующих Олимпийских игр оставалось четыре года, и Дюпон столкнулся с непреодолимым сочетанием факторов. Возраст уже не позволял ему надеяться на элитные результаты в тех видах

спорта, в которых он был силен, а из тех видов спорта, в которых он мог попробовать купить себе еще одну попытку сделать заявку на участие в Олимпийских играх, он уже выпал.

Джону Дюпону олимпийцем стать не довелось. Следующим вариантом было установление отношений с теми, кто был олимпийцем.

Воздавая дань уважения названию отцовской конюшни Тороубредс, Джон сосредоточился на собирании лучших спортсменов в своей команде «Фокскэтчер», в которую приглашал пловцов, троеборцев и пятиборцев для тренировок «на ферме».

> Благодаря своим пожертвованиям в пользу правоохранительных органов Джон Дюпон прекрасно понимал, какие выгоды дают нужные связи. Тренируясь в Калифорнии, он делал пожертвования в пользу Атертонской Лиги полицейской деятельности и щеголял жетоном, полученным от полицейского управления Ньютон-Сквер в знак признательности за пожертвования, которые он делал в пользу полиции в родном округе.

Начиная с 1970 года его связи с полицейским управлением Ньютон-Сквер стали глубже. Он разрешил полицейским тренироваться в его тире и на открытом стрельбище. (Тир он назвал в честь директора ФБР Дж. Эдгара Гувера.) Как эксперт по стрельбе, занимавшийся пятиборьем, он добровольно жертвовал своим временем и тренировал полицейских Ньютон-Сквер. Он купил пуленепробиваемые жилеты и рации для полицейского управления и разрешил полиции пользоваться своим вертолетом.

Эта связь помогла Дюпону в двух отношениях. Во-первых, он смог получить более высокую степень защиты и безопасности, юридической и физической, на случай каких-либо проблем с законом. Во-вторых (и это было даже более важно), он смог носить полицейскую форму и выполнять обязанности добровольца или резервиста. Он мог выглядеть полицейским. Да он мог и считать себя копом. Его жетон и положение в полицейском управлении давали ему возможность покупать мощное оружие.

Джону нравилось держать в руках большие пушки. Есть странная история о том, что в конце 70-х годов, когда рыба в пруду на ферме перестала клевать, Джон настолько разъярился, что выхватил пистолет и пальнул по плававшим в пруду гусям, за малым не убив при этом сына тренера по плаванию.

Дюпон и оружие были опасным сочетанием задолго до месяцев, предшествовавших убийству Дюпоном Дэйва.

Глава 04
Победа в первом туре, поражение во втором[7]. Калифорнийский университет Лос-Анджелеса

До тех пор, пока я не выиграл чемпионат штата, я собирался после школы уйти в армию. Университетские тренеры не предлагали мне выступать за их команды так, как они предлагали Дэйву, и я не слишком-то думал об обучении в колледже без стипендии. Я уже побывал у вербовщика корпуса морской пехоты США, поскольку не знал, что еще я смогу делать после школы.

Но победа на чемпионате штата предоставила мне неожиданную возможность. Вербовщики не давали гарантий поступления в колледж, но поскольку Калифорния славилась отличными борцами-юниорами, победа на чемпионате штата почти гарантировала возможность продолжения занятий борьбой в колледже. Моей проблемой были сроки. Ни в одном колледже на меня не обращали внимания, и я заработал титул чемпиона штата в тот момент набора студентов, когда большинство стипендий для борцов уже было распределено.

Стипендии мне предложили два университета – Университет штата Оклахома и Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе.

Университет штата Оклахома издавна был признанным центром борьбы США, а Калифорнийский университет Лос-Анджелеса ничем таким не был. В то время борцы Университета штата Оклахома выиграли 27 национальных чемпионатов, и в последний год моего обучения в школе команда этого университета занимала третье место. Чтобы показать, насколько сильны были «ковбои» (они и остаются сильным, ныне выиграв 34 чемпионата), скажу, что все последующие годы ни одна университетская команда не выигрывала так много чемпионатов, даже теперь, когда результаты борцов Университета штата Оклахома стали несколько хуже.

К тому же команда Университета штата Оклахома оказалась и командой Дэйва: тренеру Томми Чесбро повезло залучить Дэйва в эту команду после школы.

Честно говоря, я думаю, что стипендия, которую предложил мне тренер Чесбро, была связана не столько со мной, сколько с Дэйвом. Думаю, он боялся, что если я пойду в другой университет, вслед за мной уйдет и Дэйв.

У Дэйва на первом курсе был рекордный показатель (30 побед, 4 ничьих и 1 поражение), и он занимал третье место в рейтинге Национальной ассоциации студенческого спорта в весовой категории 150 фунтов[8]. Дэйв проиграл будущему чемпиону Марку Чурелле в полуфинале со счетом 13:10. Однако в Университете штата Оклахома Дэйву было несладко. Тренер Чесбро хотел, чтобы Дэйв оставался в категории до 150 фунтов для того, чтобы в категории до 158 фунтов[9] мог бороться Рикки Стюарт. Студенты-спортсмены учатся пять лет, из которых четыре года должны подтверждать свое право на льготы. Один год спортсмены могут «сачковать», то есть посещать занятия и продолжать тренироваться, но не участвовать в соревнованиях. Чаще всего спортсмены выбирают в качестве года свободы от соревнований первый год обучения. Это позволяет им адаптироваться к студенческой жизни и облегчить переход к соревнованиям на уровне университетов. У Рикки, который в средней школе одержал 88 побед, не сделал ни одной ничьей и проиграл одну схватку и участвовал в трех чемпионатах, годом освобождения от соревнований был первый год учебы, то есть сезон 1978 года.

Для того чтобы бороться в категории до 150 фунтов, Дэйву надо было существенно сбросить вес. Рикки был крупнее Дэйва и не мог бы согнать вес настолько сильно.

Мой брат был достаточно хорош для того, чтобы бороться в любой весовой категории, но сгонка веса – дело тяжелое, особенно если для этого надо работать так интенсивно, как пришлось работать Дэйву. У него были сложности с учебой. Дэйв пришел в университет для того, чтобы бороться, а занятия были неизбежным злом, позволявшим ему оставаться в университете и продолжать занятия борьбой.

У меня были собственные сомнения в отношении Университета штата Оклахома. Занятия в борцовском зале этого университета для меня, имевшего двухлетний опыт, казались рецептом возможной катастрофы. Ежегодно Университет штата Оклахома вербовал в студенты самых талантливых борцов США, и схватки с такими борцами на тренировках могли поколебать мою уверенность в собственных силах.

Дэйв настойчиво отговаривал меня от поступления в Университет штата Оклахома.

И я выбрал Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, который в любом случае казался мне лучшим вариантом, поскольку там у меня было намного больше шансов встроиться в график соревнований. На чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта 1978 года команда борцов Университета

штата Оклахома, в которой было пять чемпионов США, заняла третье место. Команда борцов Калифорнийского университета Лос-Анджелеса занимала место где-то в середине списка Восьмой тихоокеанской конференции, но, по-видимому, университет собирал одну из лучших команд США, привлекая борцов, которые должны были дополнить Фреда Бона, лучшего борца-тяжеловеса в стране.

> У меня были друзья, которые пошли в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, в том числе товарищи по команде старшеклассников, Джефф Ньютон и Пэт О'Доннелл, с которым я пару раз боролся (и которому проиграл) летом перед последним классом. Пэт станет моим товарищем по комнате в общежитии и впоследствии станет чемпионом США по версии Национальной ассоциации студенческого спорта на соревнованиях в Сан-Луис Обиспо.

Кроме того, мне нравились тренеры, работавшие с борцами Калифорнийского университета Лос-Анджелеса.

Дэйв Обл был главным тренером и, в моих глазах, живой легендой. Он выиграл два чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта, один раз был выбран Выдающимся Борцом и занял четвертое место на летних Олимпийских играх 1964 года в Токио. Я знал, что тренер Обл – человек вспыльчивый, непримиримый, напряженно работающий, играющий по жестким правилам, упрямый, энергичный и бесстрашный. Да, тренер Обл был упрямым, упорным человеком, а это те качества, обрести которые я больше всего хотел. Я хотел, чтобы Обл меня «обтесал».

Брейди Холл, один из помощников Обла, добился того, о чем я в то время мог только мечтать: он выиграл национальный чемпионат Союза любительского спорта по вольной борьбе. В лагере, где в 1976 году проходили летний сборы команды США, Брейди жил в одной комнате с Дэйвом, который был всего лишь борцом-старшеклассником. Брейди стал потом успешным бизнесменом, занимавшимся тем, что мы теперь называем риелторством. В Брейди я видел человека, у которого я мог учиться не только борьбе, но и всему в жизни.

В том году Калифорнийский университет Лос-Анджелеса нанял Криса Хорпела в качестве помощника тренера. Тренер Обл был помощником тренера в Стэнфорде в то время, когда Крис выступал за команду Стэнфорда. Я уже решил идти в Калифорнийской университет Лос-Анджелеса, и появление там Криса в качестве помощника тренера делало этот университет еще более желанным.

О да, у Калифорнийского университета был еще один новобранец, о котором я был наслышан, – этот парень Дэйв из Университета штата Оклахома. Брат решил присоединиться ко мне и перевелся в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса, несмотря на то, что из-за установленных Национальной ассоциацией студенческого спорта правил перехода ему пришлось пропустить один сезон.

Дэйв и я провели лето, тренируясь вместе. Выиграв чемпионат штата, я думал, что хорошо борюсь, но Дэйв превратил три летних месяца в кошмар для меня. Он постоянно хотел тренироваться, а я, чемпион штата Калифорния, хотел наслаждаться летним отдыхом.

– Хочешь поработать сегодня? – спрашивал Дэйв.

– Не сегодня, – отвечал я. – Мне не хочется сегодня тренироваться.

– Ах ты, трусишка, – откликался Дэйв жеманным женским голосом.

Дэйв действительно знал, как меня разозлить.

– Хорошо, давай тренироваться. Сегодня я тебя заломаю.

Потом мы начинали бороться, и он побеждал меня. Вчистую.

В то лето так проходили почти все дни.

– Хочешь поработать сегодня?

– Нет.

– Трусишка.

– Ладно, пошли тренироваться.

Кажется, за день Дэйв одолевал меня раз пятьдесят, а мне ни разу не удавалось победить его. Я просто боялся бороться с ним каждый день.

Наконец, выругавшись про себя достаточное число раз для того, чтобы захотеть что-нибудь сделать с этим, я решил разработать более совершенную стратегию. Я подумал, что если не могу вести в счете при поединках с Дэйвом, то, по крайней мере, смогу не дать ему заработать зачетных баллов.

Я начал проводить все время на ковре с Дэйвом, выполняя уходы, увертываясь, вырываясь из его захватов, иногда даже убегая от него. Мне было наплевать, могу ли я заработать балл, но я делал все, что мог придумать, для того чтобы не дать заработать балл Дэйву. Очень скоро я стал увертываться от Дэйва настолько хорошо, что мне не надо было больше бегать от него. Я мог удерживать свое положение на ковре и даже немного теснить Дэйва, при этом уворачиваясь от его атак. Всякий раз, оказываясь на ковре с Дэйвом, я уходил в глухую оборону. Когда я научился делать это, я начал предпринимать робкие попытки атаковать. Если атака не удавалась (а атаки против Дэйва часто не

удавались), я сразу же уходил в оборону.

Моя стратегия оказалась эффективной. Вместо разгромных проигрышей я начал проигрывать со счетом вроде 4:0 или 5:0. Это злило Дэйва, но мне было наплевать. На самом деле я получал удовольствие от того, что мне удавалось немного досадить ему.

Благодаря особому вниманию, которое я научился уделять обороне, тем летом я сменил стиль ведения поединков. Со временем мои атаки стали так же хороши, как и моя оборона, но мой стиль начал строиться именно на ней.

* * *

Поначалу Калифорнийский университет Лос-Анджелеса выглядел как нельзя лучше. Посмотрев на наш первый курс, я подумал, что тренер Обл создает на Тихоокеанском побережье династию[10]. Я был на полном казенном обеспечении. Казалось, в районе полным-полно кинозвезд (на премьере фильма о борьбе «Победа» в кинотеатре за мной сидел Лоренцо Ламас). Мы тренировались в огромном борцовском зале, и в южной Калифорнии всегда было солнечно.

С каждым днем решение пойти в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса казалось все более верным.

Первый год моей учебы в университете складывался из еды, сна, хождения на занятия, борьбы и тайных дополнительных тренировок. Будучи первокурсником, я был обязан ходить на общие занятия. Одной из выбранных мной дисциплин была философия. Подготовленный книгами Кришнамурти, я успешно занимался философией и подумывал о том, чтобы выбрать ее в качестве одной из главных дисциплин.

От нас потребовали пройти курс лекций о раке. Читавший этот курс профессор показал нам фотографии людей, страдавших ужасными формами рака, главным образом, в результате курения. На некоторых из этих снимков были люди, у которых были удалены части лица. Они были жутко изуродованы, но, по крайней мере, остались в живых. Думаю, цель этого курса заключалась в том, чтобы отвратить нас от всякой дряни. И эта цель была достигнута.

Я также занимался на курсе джаза, хотя научился ценить джаз только после университета, и на курсе истории западной цивилизации. Из него мне лучше всего запомнилось следующее. Читавший курс профессор говорил нам: в истории западной цивилизации всякий раз, когда лидерам приходилось делать выбор между тем, что было лучшим для общества, и тем, что

было лучше для них самих, они выбирали то, что было лучше для них, и этот выбор обычно приводил к хаосу, войнам и гибели тысяч людей.

В первой четверти занятий в университете мне стукнуло 18. А чуть позже пара девчонок пригласила меня на вечеринку. Вечеринка проходила в квартире, занимавшей три этажа, и все орали и пили. Я не знал никого из участников вечеринки, и вскоре мне стало скучно. Девчонки спросили, не хочу ли я уйти, и я ответил, что хочу.

Мы спустились вниз, и одна из девушек отошла, чтобы подогнать машину и забрать нас. Девушка, с которой я остался поджидать машину, спросила, не покажу ли я ей, как борются. Мы вышли на газон, и я показал ей мягкий вариант подсечки, при выполнении которой надо поставить ногу за голенью противника и увлечь его так, чтобы оторвать его ногу от пола, а потом бросить на ковер.

В полицию пожаловались на шумную вечеринку, и полицейский наряд подъехал как раз тогда, когда я показывал девушке этот прием. Полицейские вышли из машины и направились прямо ко мне.

– Чем могу быть полезен, офицер? – спросил я первым.

– Да ты и себе-то помочь не можешь, – ответил полицейский.

Потом полицейские пошли к лифту, чтобы разогнать вечеринку.

Я пошел следом за ними, решив, что поднимусь по лестнице и предупрежу всех участников вечеринки о появлении полиции.

Полицейские остановились и повернулись ко мне.

– Что ты делаешь? – спросили они.

– Иду наверх, – ответил я.

– Наверх нельзя, – сказали полицейские.

– Это – свободная страна, – сказал я и открыл дверь на лестничную площадку.

Тогда один из полицейских схватил меня сзади и попытался сделать мне то, что я называю «захватом, которому учат в полицейской академии».

Я мигом поднял его и швырнул на пол. Сделать это было легче, чем в любом из проведенных мной поединков. Как только первый полицейский грохнулся на пол, второй попытался провести тот же самый прием. Я поднял и бросил на пол и его. Тут поднялся первый полицейский и попытался провести тот же прием с тем же самым результатом.

Тогда второй полицейский поднялся и толкнул меня к пожарному шкафу, но его рука оказалась между мной и шкафом. Когда я ударился о шкаф, его стеклянная дверца разлетелась

осколками, и из руки полицейского хлынула кровь. Полицейские достали наручники, но я продолжал двигать руками, и им не удавалось сковать меня. И тогда тот, у которого была порезана рука, сделал мне свинг. Я сделал нырок, захватил обе его ноги и дернул его. Он упал на раненую руку и закричал от боли.

«Ну, все, – сказал второй полицейский, – пойдешь в тюрьму, живой или мертвый». И достал пистолет.

Я перемахнул через забор и бросился бежать.

К этому моменту шум драки насторожил некоторых участников вечеринки. Один возбужденный парень бросился за мной. Я пытался убежать от столкновения, а парень догнал меня и сказал: «Вот, возьми мою рубаху».

Во время драки с меня сорвали рубашку, и парень знал, что полицейские будут высматривать человека без рубашки. Через какие-то секунды после того, как я натянул его рубашку, мимо проехала полицейская машина.

Но потом парень просигналил водителю какой-то машины, остановил его под знаком остановки, рассказал о том, что произошло, и попросил водителя отвезти нас в общежитие. Водитель быстро уехал. Я понял, что помощи от этого парня не будет, вернул ему рубашку и попросил оставить меня в покое.

Я перескочил через ограду и спрятался в кустах, но владелец дома меня заметил и вызвал полицию. Полицейский вертолет уже искал меня с воздуха, и вскоре полицейские взяли в полукольцо кусты, в которых я прятался.

По громкоговорителю они приказали мне сдаться. Я не был уверен в том, что должен сдаться. Я думал, что смогу ускользнуть, и готовился убежать.

Клацанье пистолетов, которые снимали с предохранителей, изменило мои планы. Я вышел из кустов с поднятыми руками. Полицейские надели на меня наручники, бросили меня на заднее сиденье машины и отвезли меня в тюрьму.

Я позвонил тренеру Облу и рассказал, что со мной случилось. Наполовину всерьез, наполовину в шутку Обл сказал: «Молодец. Я знал, что в тебе есть это». А потом сказал, что позвонит моему отцу.

Поначалу меня посадили в клетку для задержанных, а потом перевели в одиночную камеру, где не было ни подушки, ни матраса. Потом пришел полицейский и приказал мне подышать в алкогольно-респираторную трубку. Я согласился. Полицейский, казалось, был чрезмерно обрадован моим желанием сотрудничать, поэтому я передумал и сказал, что не стану дышать в эту чертову трубку.

На следующий день мне предъявили обвинение в нападении

на двух сотрудников полиции Лос-Анджелеса и в нанесении им побоев. Отец внес залог в 5 тысяч долларов. Тренер Обл помог мне найти адвоката. Одна из девчонок, затащивших меня на вечеринку, сказала районному прокурору, что я не бросался на полицейских и не бил их, а всего лишь вырывался из их рук и использовал против них их же собственную силу.

Обвинения были сняты, хоту отцу пришлось заплатить адвокату тысячу долларов. Отец не взял с меня денег, которые уплатил адвокату, но годы спустя я с лихвой расплатился с ним.

* * *

Тренер Обл был человеком жестким. Ему было около 40, и мне хотелось бы посмотреть, как он боролся в расцвете сил. Обл мог быть непредсказуемым и агрессивным, но я считал, что именно этим качества делали его таким хорошим борцом. Куда бы Обл ни шел, он носил с собой загубник на случай, если придется встрять в драку. Я обожал его, и у нас сложились отличные отношения.

Однажды тренер взял меня в полет на турнир в Сан-Франциско, тогда как остальные члены команды поехали туда на автобусе. Я был травмирован и не мог бороться, но тренер все равно хотел, чтобы я поехал с ним. Я отправился с ним в ресторан на обед, и он заметил свободное место на парковке прямо напротив ресторана. Мы находились в крайнем левом ряду, и перед свободным местом находилась другая машина, водитель которой собирался дать задний ход и занять место. Тренер преградил ему дорогу и въехал носом арендованной машины на место, схватил свой загубник и велел мне взяться за руль.

Тренер вышел из машины. Другой водитель сделал то же самое. Не думаю, что бедный малый ожидал того, что произошло затем. Не знаю, какими словами обменялись Обл и тот водитель, но тренер вставил в рот капу и двинул водителя по лицу, начал растирать свои ребра и навалился на него грудью. Двумя годами ранее тренер сломал себе два ребра и по какой-то причине всякий раз, когда ему приходилось применять физическую силу, он массировал эти два ребра, напирая на противника грудью. Все мы знали, что означает этот массаж, но тот водитель не знал этого.

Я припарковал машину, тот малый залез в свою и уехал, а тренер подошел ко мне.

«Подожди меня в том проезде у ресторана, – сказал мне Обл. – Если этот малый вернется, чтобы подраться со мной, мы подеремся в проезде. Может быть, отберу у него бумажник».

Последнее предложение был шуткой. Но про драку в проулке было сказано всерьез.

Тренер здорово развеселил меня.

На том турнире в Сан-Франциско парень, заменивший меня, проиграл схватку, и тренер накричал на него в углу ковра. По всей вероятности, годом ранее между тем парнем и тренером возникли проблемы. И поражение стало последней каплей. В середине схватки Обл вытащил из кармана 20 долларов, сгреб борца, сунул ему деньги и сказал, что тот отчислен из команды. После чего я остался единственным борцом в моей весовой категории.

В начале сезона тренер поставил меня в категорию до 150 фунтов. Чтобы бороться в этой категории, мне надо было сбросить вес.

В старших классах я никогда не сбрасывал вес для того, чтобы бороться в категории ниже привычной. Я видел, как сгонял вес Дэйв и другие борцы, а потому знал, что это – худшее, что есть в нашем спорте. Но до тех пор, пока я не испытал это на собственной шкуре, я и не представлял, насколько мучительно сбрасывание веса.

Сгонка веса тяжела не только физически, но и психологически. Это подобно облаку, которое постоянно нависает над головой и не исчезает, не исчезает потому, что ты знаешь: к следующей схватке ты должен весить меньше. Сгонка веса – главная причина того, что ни один вид спорта не связан с такими физическими страданиями и психологическими требованиями, как борьба, особенно на высшем студенческом уровне. Я уверен, что есть только три группы людей, которые страдают больше борцов-студентов: неизлечимо больные, солдаты на передовой и ожидающие казни смертники в тюремных спецблоках.

Самым маленьким борцам приходится сгонять вес сильнее всего. Не в процентном отношении, а в абсолютном весе. Чем меньше борец, тем в большей мере сбрасывание веса становилось значительной частью его жизни. Я знал борцов, которые годами боролись в категории до 118 фунтов, а вне сезона весили невероятные 150 фунтов.

Если человек занимается борьбой и должен сильно сбросить вес, это может почти уничтожить спорт для него. Дэйва так злило то, что в Университете штата Оклахома от него требовали сбросить так много веса, что он ушел оттуда.

Существуют разные концепции сгонки веса. До того как я пошел в университет, я исходил из того, что интенсивные тренировки приведут вес моего тела к оптимальному. А потом я сбрасывал вес до любого, который был ниже оптимального.

Впрочем, тренер Обл верил в большое сбрасывание веса и считал, что было бы лучше, если бы я боролся в категории до 150 фунтов. Но я был таким тощим, что потеря веса до 150 фунтов означала почти полное обезвоживание организма, а обезвоживание снижает способность организма потреблять кислород и, кроме того, снижает силу.

После жалких выступлений в весовой категории до 150 фунтов мы поняли, что сгонка веса была ошибкой, и на следующий же день я был заявлен в категории до 158 фунтов. То был единственный и последний раз, когда я отдал управление моим весом тренеру. Хорошие борцы должны устранять ошибки, и той ошибки я больше никогда не повторю. На ковре борец одинок, а потому должен быть сам себе тренером.

Не поймите неправильно мои слова о тренере Обле. Он был отличным тренером и образцом для меня. Но сгонка веса до 150 фунтов была ошибкой. В том году я проиграл 8 схваток, и половину поражений я потерпел в категории до 150 фунтов.

Я закончил первый курс с результатом 18 побед и 8 поражений. На турнире конференции, который давал право на участие в турнире Национальной ассоциации студенческого спорта, я был заявлен третьим, но проиграл первый же поединок и более в турнире не участвовал.

* * *

Калифорнийский университет Лос-Анджелеса оказался совсем не тем волшебным местом, каким казался поначалу.

Между тренером Облом и Крисом Хорпелом произошло что-то, вызвавшее заметную напряженность их отношений. Команда раскололась на две группы, и борцы стали занимать стороны. Дэйв и я почувствовали, что увязли где-то посередине, поскольку нам обоим нравился тренер Обл, но в то же время мы дружили с Крисом.

Тренер Обл воплощал тип борца, которым я хотел стать, и я хотел стать таким, как Обл, когда стану взрослым. У меня есть поговорка, которой я следую долгие годы: «Дело не в том, что ты знаешь, дело в том, каков ты». Я уверен: больше, чем что-либо другое, победу борца определяет его личность. Какие бы качества ни делали тренера Обла победителем, я хотел, чтобы эти качества были и у меня.

С другой стороны, Крис начал помогать мне еще тогда, когда я учился в старшей школе, и его помощь отчасти была залогом моих успехов в борьбе. Он продолжал поддерживать меня и в

университете.

Поскольку Дэйв не мог участвовать в турнирах, тот сезон он посвятил ежедневным тренировкам. Впервые мы тренировались вместе в середине сезона. Дэйв обходился со мной очень агрессивно. Я думал, что он пытается сломать мою уверенность в своих силах.

Уверенность в себе нарастает или исчезает каждый день. Я испытывал огромное напряжение, выступая на соревнованиях на первом курсе, и сбрасывание веса было для меня дополнительным бременем. Я считал, что Дэйв пытается воспользоваться моим душевным состоянием и построить свою уверенность на моих костях.

Когда я пожаловался на то, как Дэйв борется со мной, и начал уклоняться от борьбы с братом, Дэйв разозлился на меня и крикнул Крису, чтобы тот велел мне перестать тянуть время и уклоняться от схватки.

Крис прокричал в ответ: «Это слишком плохо, Дэйв. Справляйся с этим сам».

Для меня это прозвучало как «*Дааа!!!*», потому что Крис поддерживал меня и не заставлял меня делать то, что хотелось Дэйву.

Итак, ни я, ни Дэйв на самом деле никогда не стали на чью-либо сторону в конфликте тренеров.

Напряженность дестабилизировала команду, которая заняла третье место в конференции, а Фред Бона стал первым в университете национальным чемпионом по борьбе. Но династия борцов Тихоокеанского побережья так никогда и не возникла. После того сезона тренер Обл ушел из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса и в течение нескольких лет не возобновлял тренерскую деятельность. Крис Хорпел тоже ушел в свой родной Стэнфордский университет, где стал главным тренером. Мы с Дэйвом тоже решили уйти после первого курса, причем Дэйв так никогда и не получил ковер в «шкуре» университетского Медведя[11].

Через год Калифорнийский университет Лос-Анджелеса свернет деятельность по превращению борьбы в межуниверситетский вид спорта, объяснив свой отказ отсутствием помещений для тренировок и большими расходами на устранение этой проблемы. Но я думаю, что это решение коренилось в проблемах, возникших в тот год, когда там учились мы.

Глава 05
Создание ауры

Летом после сезона, который мы провели в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, Дэйв и я пытались попасть во Всемирную команду юниоров, которая тренировалась в Олимпийском тренировочном центре США в Колорадо-Спрингс, штат Колорадо. Ни у Дэйва, ни у меня не было машины, и попасть туда мы могли только на попутках. На первых 100 милях пути мы сменили около десяти попуток. Потом нас подобрала женщина, которая ехала как раз туда, куда нужно.

После тренировочного лагеря в Колорадо-Спрингс я и Дэйв поехали в Брокпорт, штат Нью-Йорк, на отборочные соревнования в состав Всемирной команды юниоров. На взвешивании Дэйв и я потянули на 165 фунтов (74,8 кг. – *Прим. ред.*). Впервые я весил столько же, сколько весил Дэйв.

Главный тренер команды Билл Вейк был легендарным тренером из Чикаго. Вейк работал главным тренером во многих американских командах, которые выступали на международных соревнованиях. Он был одним из тренеров команды, выступавшей на Олимпийских играх 1972 года. Позднее, в 80-х годах, Вейк тренировал три олимпийские команды США, в том числе ту, в составе которой выступали Дэйв и я. Он стал одним из моих любимых тренеров и помощников, работавших с борцами во время перерывов между периодами.

Тренер понял, что Дэйв может выиграть мировой чемпионат среди юниоров в весе до 163 фунтов, и поэтому сказал мне попробовать силы в следующей категории, 180,5 фунтов[12]. Я согласился прежде, чем узнал, что для того, чтобы пробиться в сборную в этом весе, мне надо будет одолеть Эда Банака. Эд был феноменальным борцом, которого освободили от соревнований на первом курсе университета Айовы, давшем много отличных борцов. Собственно говоря, борцов этого университета тренировал Дэн Гэбл, имя которого было, вероятно, наиболее известным в мире борцов. Выступая на ковре в старших классах и в университете, Дэн поставил рекорд, одержав 181 победу и потерпев 1 поражение. На Олимпийских играх 1972 года он завоевал золотую медаль. К моменту, когда Дэн в 1997 году ушел с тренерской работы в университете Айовы, подготовленные им команды выиграли 15 национальных чемпионатов и он был наставником 152 абсолютных чемпионов США. Если Дэн брал человека в команду борцов университета Айовы, такой борец был

очень хорошим.

Сообщение о том, что мне надо будет победить Эда Банака, психологически опустошило меня. Я почувствовал физическую усталость. Думаю, что когда человек знает, что ему предстоит тяжелое испытание, его тело автоматически начинает сберегать энергию, сообщая о своей усталости. Я знал, что мне надо сберечь как можно больше энергии. В течение недели или полутора недель, предшествовавших тем отборочным соревнованиям, я вставал с постели только для того, чтобы поесть и потренироваться.

Эд и я отчаянно боролись в двух из трех матчей за место в команде. В первой схватке я одолел его со счетом 7:0, на что он ответил победой со счетом 12:11. А во втором матче он здорово меня отделал.

Дэйв легко одержал победу в своем весе, но тренер Вейк хотел посмотреть, что может сделать Дэйв в следующей, более тяжелой категории, и включил в соревнования Дэйва и меня. Дэйв умело одержал победу над Банаком, а я победил в категории до 163 фунтов, так что мы оба прошли в команду, которая должна была участвовать в Мировом чемпионате юниоров по борьбе. Но меня задело, что брат одолел Эда, а я не смог. Я смотрел на нас обоих и видел, что по телосложению нас нельзя сравнивать. Физически я должен был победить Эда Банака, но сделал это Дэйв, и я не мог понять, почему так получилось.

> Ночью, накануне отъезда команды в Монголию на Мировой чемпионат среди юниоров, группа борцов отправилась в бар. Там я встретил самую прекрасную в мире девушку. Или, по крайней мере, такую же прекрасную, как подружка Дэйва Вероника, которая разыскала Дэйва после того, как он на местном турнире одержал победу над ее приятелем, бывшим чемпионом мира. Но у девушки, которую я встретил в баре, был мерзкий приятель, который не дал нам побыть одним. Тут в дело вмешался Дэйв и «отшил» ее от нашей компании. Вот что я называю постараться ради команды!

Девушка, с которой был я, привела меня к себе на квартиру, так что мы смогли заняться тем, чем хотели. Мне невероятно повезло встретить эту девушку, но мы улетели в Монголию, и я ее больше никогда не видел. Но то, что я мог заниматься любовью с девушкой, которая была так же красива, как подружка Дэйва, по-настоящему повысило мою уверенность в собственных силах. Дэйв, особенно после достигнутых в старшей школе и университете успехов в борцовской карьере, проявлял

обезоруживающую уверенность в себе в отношениях с девушками. Когда я был подростком, мне было трудно разговаривать с девушками, но положение начало меняться в первый год моих выступлений на университетском уровне.

За день до отъезда из Колорадо-Спрингс на отборочные соревнования в Брокпорт я узнал, насколько больших успехов я добился. Мы с Пэтом О'Доннеллом пошли в бассейн, находившийся на вершине холма над общежитием. Моя гимнастическая подготовка позволяла мне показывать кое-какие штуки при прыжках с трехметрового трамплина. Потом я присоединился к Пэту, и мы немного позагорали. После того как я расслабился и начал вбирать в себя солнечные лучи, все разговоры у бассейна прекратились.

Я поднял голову и увидел, что в бассейн пришла невероятно роскошная девушка. У нее были на редкость густые прямые каштановые волосы ниже пояса, прекрасное лицо, очень большая грудь и совершенно круглый, твердый зад. Пока она обходила бассейн, все просто затаили дыхание. Девушка подошла к нам и расстелила полотенце всего в нескольких ярдах от нас. После того как она легла на полотенце, люди у бассейна возобновили разговоры и снова занялись своими делами.

– Осмелишься подойти и заговорить с нею? – спросил меня Пэт.

«*А почему бы и нет?*» – подумал я. И сказал Пэту и самому себе:

– Хорошо.

Я подошел к месту, где загорала девушка, и или я выключил все вокруг себя, или все разговоры снова прервались.

– Извините меня, – произнес я, чтобы привлечь внимание девушки. – Мой друг подначил меня подойти и поговорить с вами. Не пообщаетесь со мной? Позвольте мне присесть рядом с вами на минутку. А вы ведите себя так, словно я вам нравлюсь.

– Конечно, – ответила она и сделала выразительный и заметный жест, приглашая меня присесть рядом с нею так, чтобы это было видно моему приятелю.

Она уделила мне намного больше минуты – мы проговорили несколько часов. Она дала мне номер своего телефона и просила звонить ей. На следующий день Дэйв и я уехали, и я никогда больше не видел ту девушку.

Я уже почувствовал, что начинаю преодолевать неспособность разговаривать с девушками. На первом курсе у меня было несколько очень славных подружек, но ни одна из них и близко не стояла к Веронике или девушке, с которой я познакомился у бассейна в Брокпорте.

> Первым, что бросилось мне в глаза в Монголии, было множество военных. Куда ни посмотри, везде было какое-нибудь сочетание военных грузовиков, солдат, портретов Владимира Ленина и коммунистических символов – серпа и молота.

В Монголии борьба исключительно популярна. В конце XII – начале XIII века благодаря борьбе, верховой езде и стрельбе из лука армия Чингисхана покорила огромные территории и создала самую большую империю. На протяжении всех последующих веков в Монголии продолжали высоко ценить все три умения.

Наша команда посетила арену под открытым небом, где проходил фестиваль древней традиционной монгольской борьбы. Все поле было занято борцами, исполнявшими странный танец вокруг «судьи», который держал шест. Окружив этот шест, борцы медленно взмахивали руками, как птицы взмахивают крыльями.

Перед каждым поединком борцы становились лицом друг к другу, а затем хлопали себя по внутренней и внешней сторонам бедер.

В этих схватках не было ни весовых категорий, ни лимитов времени. Схватка заканчивалась тогда, когда один из борцов валил своего соперника или заставлял его коснуться земли коленями, руками или другой частью тела. Победители продолжали участвовать в турнире до тех пор, пока два финалиста не сходились в схватке за титул чемпиона.

Посмотреть, какой была борьба века назад, любопытно. Впрочем, не уверен, что мне понравилась идея отмены весовых категорий. Бороться в более тяжелом весе с Банаком на отборочных соревнованиях было достаточно тяжело.

Меня возмущал тяжеловес нашей команды. В то время для тяжеловесов не было ограничений веса. Наш тяжеловес не мучил себя тренировками так, как мы, а когда тренировался, не прилагал тех усилий, какие, по моему мнению, должен был прилагать. Он был большой, толстый и выигрывал благодаря своему весу, а не умению. Он не казался очень зрелым, но повторяю: всем нам не было и 20 лет.

Но больше всего меня этот парень злил тем, что он вволю жрал и пил на виду у всей команды, тогда как все остальные сбрасывали вес. Особенно меня раздражало то, что тяжеловес много пил. Если сбрасываешь вес, нельзя выпить даже унцию воды, и проходить мимо других борцов с чашкой воды жестоко.

Тяжеловес и Дэйв были единственными членами команды, которые не истязали себя постом ради поддержания веса, и тяжеловес набил свой чемодан жратвой. Он каждый день

пересчитывал свои припасы, чтобы убедиться в том, что никто из нас ничего у него не стянул.

В конце наших сборов в тренировочном лагере мы прошли психологическое тестирование, результаты которого показали, что я готов к соревнованиям, что у меня есть мотивация и что я нахожусь в отличной психологической форме. Впрочем, в Монголии я был не в такой хорошей форме. Полагаю, тренер Вейк перетренировал нас. Он гонял нас как безумный. У меня было ощущение, что меня готовят к марафонскому забегу, а не к турниру по борьбе. В жутко жаркие дни мы пробегали вокруг футбольного поля бессчетное количество раз. Я не смог бы набрать вес, даже если б меня кормили принудительно.

* * *

К моменту начала турнира в Монголии я был настолько истощен физически и морально, что вместо того, чтобы бороться, предпочел бы сесть на самолет и улететь домой.

И все же первый поединок против корейского борца я выиграл со счетом 17:0. Мое превосходство было таким, что мое желание участвовать в турнире не имело значения. Я с трудом выиграл следующую схватку, а потом потерпел два поражения и никакого места не занял.

После соревнований я обычно испытывал голод и отправлялся на поиски шоколада. Монгольский шоколад был вполне хорошим, по крайней мере, в тех случаях, когда в нем случайно не попадались червячки.

Когда Дэйв боролся с болгарином (это происходило уже после того, как я вылетел из турнира), я не захотел идти в зал. Я остался в гостинице и смотрел эту схватку по телевизору. Должно быть, телевидение только-только появилось в Монголии, потому что в гостинице было всего несколько черно-белых телевизоров, и борьба была единственным, что показывало телевидение. Транслируя матч Дэйва, они не указывали счет, так что я сам вел счет в уме. В конце поединка у меня получилось, что Дэйв побеждал со счетом 11:3. Однако судья поднял руку болгарина, который победил со счетом 12:11. Я поверить не мог в такой результат! Дэйв встретился также с русским борцом, который, в конце концов, стал чемпионом турнира. Это был поединок почти равных по силам борцов, но судья страшно мошенничал, и Дэйв проиграл.

После этой последней схватки я сел с Дэйвом в укромном месте. Дэйв был так раздосадован своим поражением, что стал

молотить себя кулаками по лицу. Когда Дэйв проигрывал, он всегда страшно корил себя.

Тяжело переживать поражения – вот еще чему я научился у Дэйва.

Что-то подобное я наблюдал у корейских борцов в конце первого года моей учебы в университете, когда в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса по программе культурного обмена приехала команда корейских борцов-студентов и меня и Дэйва попросили принять участие в соревнованиях с ними.

Я боролся первым и был повержен тем самым броском через спину с захватом руки и шеи, который создавал мне проблемы с тех пор, как я начал бороться. Я попросил тренера корейцев о схватке-реванше и победил того же самого противника со счетом 20:1. По итогам двух соревнований наша команда выиграла.

Проходя мимо дверей в раздевалку, я услышал рыдания и звуки ударов. Капитан корейской команды выбивал дурь из членов команды бамбуковой палкой, приказав им биться головами о дверцы шкафчиков. Некоторые парни были в крови, и, думаю, все они плакали и стенали так, словно своим проигрышем обесчестили себя.

Посмотрев на это и почувствовав глубину чувство чести и гордости борцов, я сразу же проникся уважением к корейцам.

«*Вот что им следует делать*, – подумал я. – *Вот что буду делать и я*».

Учась в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, я дал себе слово никогда больше не проигрывать с крупным счетом. Я хотел сделать проигрыши самым худшим из всех возможных переживаний. Я лупил себя, бился головой о стену, плакал, визжал, рвал на себе одежду, крушил подвернувшиеся под руку неповинные предметы и проявлял свое негодование так, как хотелось. Я рассчитывал на то, что если сделаю проигрыши худшим из переживаний, я никогда больше не совершу ту же самую ошибку. Хорошие борцы должны устранять ошибки.

А потом я впал почти в депрессию, которая продолжалась пару недель. Я глубоко ушел в себя, пытаясь установить, почему я проиграл. Я пытался определить ошибки, которые мне нужно было устранить. Устранив их, я удвою усилия и преданность борьбе.

Проигрыш с разгромным счетом был позором, в позор я превратил и время после проигрыша.

Из поражений я научился большему, чем из побед, потому что поражения обнажали ошибки, которые я хотел больше не совершать.

Выбыв из турнира в Монголии, я начал сближаться с корейскими борцами. Они были дружелюбными ребятами, и наши команды часто ходили вместе в столовую. Я быстро заметил, что корейские борцы держат друг друга за руки. После того как я познакомился с корейцами, некоторые из них стали подходить ко мне и пожимать мою руку. Я пробовал на языке жестов и на ломаном английском объяснить им, что у американцев так не принято. Впрочем, мои слова до них не доходили. Они просто улыбались, говорили что-то по-корейски, махали руками и продолжали держать меня за руку.

Однажды я сидел на скамейке, и тут подошла целая команда. Те, кто смог втиснуться на скамейку рядом со мной, сели. Два парня, сидевшие по обе стороны от меня, обняли меня. Кореец, выступавший в категории 105 фунтов и победивший в этом весе, хлопнул меня по паху. Я воспринял это как часть их культуры. Или, по крайней мере, *я надеялся* на то, что это – элемент их культуры.

Мне было грустно прощаться с корейцами в конце нашей поездки. Не знаю, почему я так хорошо сошелся с ними, но, несмотря на языковой барьер, с ними было приятно общаться, и они были хорошими ребятами. Я отдал им несколько джинсов и форму команды США. Большая часть моих подарков досталась тому корейцу, у которого я выиграл первую схватку со счетом 17:0. Когда мы прощались, он плакал.

Наш путь домой начался с того, что из Монголии поехали поездом на северо-восток, в Новосибирск, что в Сибири. Я подцепил какую-то инфекцию из-за «цветной капусты» в ухе[13], и у меня воспалились гланды. Антибиотиков у нас не было, но мне удалось обменять у русских пару джинсов на две бутылки водки, чтобы заглушить боль.

> Чемпионат мира среди юниоров был моим первым международным соревнованием, и хотя я не занял там призового места, да и выступил неважно, чемпионат все равно был восхитительным переживанием.

Когда мы прилетели в Международный аэропорт Джона Ф. Кеннеди, Дэйв и я не мылись четыре дня. С момента, когда мы отправились обратно в США, у нас не было никакой возможности помыться и привести себя в порядок. Нашей единственной одеждой были нестираные тренировочные костюмы. Стоит ли говорить, что эта одежда была грязной и от нас повонивало. В довершение всего я был болен. Когда мы проходили через терминал, кое-кто бросал на нас удивленные взгляды.

Дэйв повернулся ко мне и сказал: «Если собираешься

заниматься борьбой и зарабатывать этим на жизнь, надо привыкать к превратностям судьбы».

* * *

Дэйв и я пытались прикинуть, в какой университет мы могли бы податься из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса, и во время нашей поездки на Мировой чемпионат юниоров Дэйв сказал мне, что мы пойдем в Университет Оклахомы. Я даже и не думал, что он хочет перейти именно туда.

Программа подготовки борцов в Университете Оклахомы не снискала таких же громких лавров, как программа его главного конкурента – Университета штата Оклахома, – но Университет Оклахомы все же имел одну из лучших в США борцовских команд. Борцы Университета Оклахомы, которых называли «сунерами» («оклахомцами»), выиграли семь национальных чемпионатов, а к тому времени больше чемпионатов выиграли только борцы Университета штата Оклахома. Годом ранее команда Университета Оклахомы завоевала второе место в турнире Конференции большой восьмерки, уступив только команде Университета Айовы и обойдя команду Университета штата Оклахома. Затем оклахомцы заняли четвертое место на национальном турнире, причем четверо борцов этой команды стали чемпионами США. Ни один из этих четырех борцов (а это были Роджер Фриззелл, Анджре Метцгер, Изриэл Шеппард и Стив Уильямс) не закончил образование в университете, так что все они должны были бороться в сезоне 1981 года.

Младшим тренером в Университете Оклахомы (и одним из тренеров нашей команды на Мировом чемпионате по борьбе среди юниоров) был Джим Хамфри. Дэйв сказал Джиму, что мы переводимся в Университет Оклахомы.

После нашей поездки на Мировой чемпионат среди юниоров главный тренер Университета Оклахомы Стэн Абел приехал в Пало-Альто, чтобы завербовать нас. Меня удивило, зачем ему это было нужно после того, как Дэйв уже сказал его помощнику, что мы приедем.

Стэн встретился со мной в моей комнате и пустился в обычные посулы, которые расточают новым членам команды. Поскольку я был братом Дэйва Шульца, я не считал эти словеса необходимыми, но Стэн продолжал свое дело.

Через мгновение после того, как Стэн ушел, я подумал: «*Пожалуй, мне не следует туда идти*». Но Стэн оказался замечательным тренером.

Новость о нашем решении в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса восприняли неважно. Мы приехали в студенческий городок этого университета, загрузили все наши пожитки в наш старый «Субару» и пошли попрощаться с Брейди Холлом. Дэйв и Брейди решили провести еще один спарринг перед нашим отъездом.

Брейди провел захват руки Дэйва и сильно заломил ему плечо. После спарринга Дэйв и Брейди поехали домой к Брейди.

Во время этой поездки Дэйв почти плакал. Он сказал Брейди: «Ты пытался травмировать меня».

«Тут ты прав, я пытался травмировать тебя, – ответил Брейди. – Посмотри, что ты наделал. Я знал, что так и случится. Вот почему я не хотел, чтобы ты здесь вообще появлялся. Но ты появился, проявил себя, а теперь уезжаешь и забираешь с собой Марка. А я стою весь в дерьме!»

В тот момент я единственный раз порадовался тому, что я младший и менее ответственный брат Дэйва. Брейди никогда не винил меня за уход из Калифорнийского университета Лос-Анджелеса. Мне никогда в голову не приходило, что Брейди разозлит наш уход. Программа развития борьбы в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса находилась в таком хаотичном состоянии, что, по-моему, желание борцов уйти оттуда было вполне естественным. Стабильность – самый важный фактор успеха, и мы покидали нестабильность и расстройство Калифорнийского университета Лос-Анджелеса для того, чтобы у Дэйва и меня была лучшая возможность заниматься борьбой в условиях стабильности и традиций программы Университета Оклахомы.

Когда мы перебирались в Оклахому, все мои пожитки уместились в двух сумках. По дороге мы остановились в Университете штата Калифорния в Бейкерсфилде, где тренером работал наш приятель Джо Сиэй. Джо попытался уговорить нас закончить путешествие прямо в Бейкерсфилде и бороться за его команду. Джо действительно создавал там одну из лучших команд в США, и его предложение было соблазнительным, но борцовский зал был самым маленьким из всех, какие я видел: в зале было место только для одного ковра. Я представить не мог, как в этом зале может тренироваться целая команда.

Дэйв и я обсудили предложение Джо в нашей машине. Поскольку мы были братьями, любившими повеселиться, мы решили продолжить обсуждение в телефонной будке. После того как мы взвесили все «за» и «против», Дэйв сказал: «Давай бросим монетку. Орел – мы едем в Университет Оклахомы, решка – остаемся здесь».

Выпал орел, но думаю, что мы отправились бы в Орегон даже в том случае, если бы выпала решка.

Во время поездки я сказал Дэйву: «В Университете Оклахомы я собираюсь много сидеть». Так я обозначал необходимость консервировать энергию, всю, до последней унции, для того, чтобы бороться за университет.

Я знал, что в Университете Оклахомы Дэйв будет победителем, но в том, как сложатся дела у меня, я уверен не был. Шел всего лишь четвертый год моих занятий борьбой, а мы вступали в одну из самых сильных в США команд.

Завоевание чемпионского титула на командном первенстве Национальной ассоциации студенческого спорта казалось чудом. В Университете Оклахомы от борцов и ожидали именно такого чуда.

Чтобы выжить в борцовском зале Университета Оклахомы, мне надо было буквально выпрыгнуть из шкуры, а не просто несколько улучшить мои результаты. Мне надо было пожертвовать жизнью и тренироваться настолько интенсивно, насколько позволяли мои тело, ум и душа. Величайший противник, с которым мне предстояло столкнуться в Университете Оклахомы, сидел на пассажирском сиденье нашей старенькой «Субару», и, честно говоря, у меня не было хорошего разведывательного отчета о себе самом. Я по-прежнему не знал, кто я таков.

Провал не рассматривался. Вообще. Но, с другой стороны, я понятия не имел, смогу ли я превзойти всех борцов моего веса в тренировках, хитрости, совершенстве и в способности терпеть страдания. В условиях, когда на кон поставлено все, чем я был готов пожертвовать – мое имя, моя репутация, мое представление о себе самом, мое шаткое позитивное отношение к жизни, сама моя жизнь, в конце концов.

Направляясь в Оклахому, я принял девиз «сделай или сдохни». Я буду делать все, что угодно, чтобы стать величайшим бойцом мира. Если у моей мечты был хоть какой-то шанс осуществиться, я *должен* копить необходимую для этого энергию.

И все же меня терзали серьезные сомнения.

Да была ли у меня хотя бы возможность стать лучшим? Мог ли я исполнить свое обязательство выдержать все, не зная, из чего слагается это самое «все»?

Ни на один из этих вопросов у меня не было ответа. Не знал я и того, что Оклахома станет для меня адом на земле.

Я увидел городок Норман, штат Оклахома, тогда, когда мы приехали туда, чтобы стать студентами. Однажды, во время поездки в поисках места продолжения учебы после школы, я был

в городе Стилуотер, где находился Университет штата Оклахома, но то было весной. А лето в Оклахоме – это совсем другая история.

На первой тренировке всю команду построили на берегу пруда для уток за общежитием спортсменов. Мы построились и побежали по вытоптанной дорожке. Господи боже! Я думал, что бегу по поверхности солнца.

* * *

Дэйв и я избрали главной дисциплиной физкультуру, поскольку занятия ею в наименьшей мере отвлекали нас от борьбы. Мы с Дэйвом выбрали как можно больше одинаковых курсов, так что если один из нас отсутствовал из-за соревнований или болел, другой делал все конспекты и делился ими. Чтобы преодолеть проблемы, связанные с дислексией, Дэйв напряженно работал. Я окончил курс со средним баллом 3,0, а средний балл Дэйва был выше моего, но предоставленные нам возможности получить образование мы воспринимали несерьезно. Мы оба пошли в университет, чтобы бороться, а не для того, чтобы получить образование.

В университете Оклахомы меня, возможно, принимали за глухонемого. Я не разговаривал, если это не было совершенно необходимо, или говорил крайне редко и для того, чтобы заставить кого-нибудь рассмеяться. Имея отца-комика, я считал, что если у речи есть наилучшее применение, то оно заключается в том, чтобы вызывать у людей смех.

Впрочем, с борцами моей весовой категории я никогда не пускался в шутки. Если стоишь на ковре, надо превращаться в эгоистичного, алчного ублюдка и мучить противника до тех пор, пока ты сам или звуковой сигнал об окончании схватки не заставит его сдаться. В спорте я очень быстро научился тому, что в своей весовой категории нельзя отдаваться какой-либо дружбе или доверять кому-либо. Устанавливать дружеские отношения допустимо с борцами других, далеких от твоей собственной весовых категорий. Ты знаешь, что такие люди не будут оспаривать твое место в команде. Дружба с ними даже поощрялась. Находиться в окружении успешных людей полезно – это мотивирует. Если кто-то достигает великолепных результатов в борьбе, такого человека надо уважать. Если такого уважения нет, ты не уважаешь то, чем сам хочешь стать.

Но в своей весовой категории и категориях, близких к ней, обо всем этом надо забыть.

Я напряженно работал над тем, чтобы сделать себя как можно более недоступным. Я всегда говорил меньше, чем тот, с кем я разговаривал. А когда мне надо было говорить, я сводил объем сказанного до минимума. Людей, которые не занимались борьбой, я избегал настолько, насколько это было возможно. За исключением студенток, знакомиться с которыми я, конечно, хотел. Я часто носил солнечные очки и наушники для того, чтобы люди не знали, смотрю я на них и слушаю ли я их. Я не хотел, чтобы кто-нибудь знал, о чем я думаю и что я чувствую.

При уровне, которым обладали окружавшие меня в Университете Оклахомы борцы, мне было необходимо любое преимущество, которым я мог заручиться. Такие преимущества включали и ауру устрашения. Я не мог позволить себе такую роскошь, как проявление моей человечности. Потому что, как только другие начинали понимать меня, аура устрашения начинала слабеть, разваливаться. Это причиняло мне вред в отношениях с другими людьми, особенно с представительницами противоположного пола. Но ради победы надо было жертвовать всем.

Все университетские борцы жили на одном этаже общежития, но я не считал, что могу позволить себе проявления сострадания, дружбы или доверия. В борцовском зале все эти качества будут использованы против меня же.

Дэйв был другим. На ковре он становился безжалостным варваром, но, покинув ковер, он снова превращался в ангела. Впоследствии он научился говорить по-русски и мог непосредственно общаться с русскими и лучше понимать то, как мыслят лучшие борцы мира. Русские борцы и болельщики уважали это умение Дэйва до такой степени, что на турнире в Тбилиси в советской Грузии Дэйв мог сидеть на трибунах и болтать с болельщиками, а потом выходил на ковер и терзал следующего соперника, после чего переодевался, возвращался на трибуны и продолжал болтать с болельщиками.

Со мной в межсезонье происходило что-то другое. В межсезонье я развлекался как безумный, но с ноября и до третьих выходных марта для меня не существовало ничего, кроме борьбы. Борьба была для меня всем миром, даже когда я покидал борцовский зал.

Из-за смены университета нам с Дэйвом пришлось пропускать соревнования в первый год пребывания в Университете Оклахомы. За свою долгую спортивную карьеру я был свидетелем того, что некоторые спортсмены превращали свой год освобождения от соревнований в год каникул, практически отпуска. Но не я. Я не считал, что нахожусь в достаточно хорошей

форме для того, чтобы постоянно входить в состав команды, и потому решил обратить год освобождения от соревнований в преимущество.

Тренеры Абел и Хамфри составляли отличную пару наставников. Тренер Абел не слишком глубоко вдавался в технические аспекты борьбы. Он дважды становился чемпионом Национальной ассоциации студенческого спорта, но в те времена, когда техника как условие успеха была не так уж и важна. А тренер Хамфри, который продолжал карьеру борца, хорошо знал технику и больше разбирался в техническом аспекте тренерской работы. У тренера Абела было отличное понимание сути и цели программы, и он отлично строил команду, которая была настолько хороша, насколько она могла быть.

Конкуренция за места в команде борцов Университета Оклахомы должна была быть жесткой, и придуманная тренером Абелом стратегия сплочения команды была весьма беспощадной. Абел набрал очень много одаренных ребят, набил ими борцовский зал и заставил их бороться друг с другом до тех пор, пока в победители не выходили самые сильные. К тому же Абел очень мудро распоряжался деньгами, выделенными Национальной ассоциацией студенческого спорта. Он велел всем борцам, приехавшим в университет из других штатов, получить в Оклахоме водительские права и зарегистрироваться в качестве избирателей в округе Кливленд, так что все мы соответствовали критериям, предъявляемым к жителям Оклахомы, и получили право на сниженную плату за обучение как жители штата. Затем Абел велел нам подать заявления на получение грантов Пелла[14], предоставляемых федеральным правительством, и убедился в том, что мы указали нулевые доходы за предыдущий год. (Это было чистой правдой, но для Абела было важно убедиться в том, что мы последовали его указаниям.) Гранты Пелла покрывали стоимость обучения для жителей штата, что позволило направить пособия, которые мы получали как спортсмены, на привлечение новой когорты борцов. Если бы мне надо было платить за обучение в Университете Оклахомы после окончания первого курса, я не смог бы даже заниматься борьбой.

Думая о том, что мне предстоит в следующем году, я понимал, что моим главным соперником в битве за место в команде Университета Оклахомы станет Изриэл Шеппард, выступавший в весе до 158 фунтов борец, который был, казалось, высечен из камня и был крепче гвоздей. (Имя Шеппарда часто писали неправильно, называя его Израэлом. Я несколько раз произносил его имя неправильно, до тех пор, пока секретарь тренера борцов не поправил меня. С тех пор я всякий раз

проверяю, правильно ли написал имя Шеппарда.)

Когда я познакомился с Изриэлом, он был уверенным в себе, нахальным парнем, который не имел ничего против того, что привлекает к себе внимание тренеров. Тренер Абел был, по-видимому, вполне доволен тем, что Изриэл выступает в моем весе. Я понимал, что у меня есть единственная альтернатива: как гласил один из моих девизов, «убей – или будешь убит».

Спарринги с Изриэлом были запредельно напряженными. Борцовский зал в Университете Оклахомы был не настолько хорош, как следовало ожидать в рамках такой авторитетной программы. В центре зала находились три обвязанные матами колонны, но одна колонна не была обвязана матами, и в одном небольшом месте там была голая древесина. Однажды я попытался бросить Изриэла головой в это место, но промахнулся.

Изриэл заплетал волосы в косички, которые казались сплетенными из тончайшей стальной проволоки. Когда мы боролись, я терся лицом об эти косички. Иногда это трение оказывалось настолько сильным, что, когда в душе струя воды попадала на растертые места, я вздрагивал от боли. Однажды я заметил, что пена на верхней левой стороне моей головной повязки протерлась и спрятанная под пеной алюминиевая пластина практически выпирает наружу. Этот кусок алюминия был отточен почти до остроты бритвы. В следующий раз, когда Изриэл попробовал пройти мне в ноги, я блокировал его движение головой и заметил, что алюминиевая пластина слегка порезала Изриэла. Так я нашел ответ на его косички. Кажется, после этого он перестал заплетать косички так часто, как делал это ранее.

В то время я интересно относился к Изриэлу. Поскольку он был противником, он был мне безразличен, однако он оказался одним из самых ценных людей в моей жизни, поскольку я мог оттачивать в борьбе с ним самые жесткие приемы, не испытывая ни малейших угрызений совести. То, что я так часто сходился с Изриэлом в спаррингах, явно помогло оттачиванию моего борцовского мастерства.

Иногда на тренировках мы отрабатывали только броски противника на ковер из положения стоя. Я принял решение: с кем бы я ни боролся, я никогда первым не скажу: «Меня сделали». А еще я решил, что независимо от того, кто кого бросил на ковер, я всегда первым буду становиться в центр ковра, готовый к продолжению схватки. Когда мне удавалось заставить двух-трех парней за день сказать: «Меня сделали», я знал, что моя стратегия действует.

Постоянным элементом тренировок, которыми тренер Абел

поддерживал нашу физическую форму, были подъемы бегом по лестнице футбольного стадиона Оуэн-Филд. Однажды, когда мы добежали до крыши стадиона, я, чтобы доказать другим борцам (и себе самому), что ничего не боюсь, залез на одной руке на край кровли, похлопывая другой рукой по стене. Когда я понял, что все в команде увидели мой трюк, я забрался обратно. После этого некоторым другим членам команды пришлось доказывать, что и они могут сделать то же самое.

Тренировки были настолько интенсивными, что после них мы выглядели как участники соревнований по какому-то диковинному виду водного спорта, которым занимаются одетыми. Мы с головы до пят так сильно истекали потом, словно окунались в бассейн. Когда одного из нас бросали на ковер, после него на ковре оставались большие мокрые пятна, и в зале неизменно стоял туман. Когда мы уходили с тренировок, в туфлях у нас хлюпало.

Но мне нужна была еще большая нагрузка. Ну, на самом деле я не то чтобы хотел большей нагрузки, *я нуждался* в большей нагрузке. После тренировок я подтягивался, качал пресс, отжимался, приседал, прижавшись спиной к стене, и прыгал лягушкой. Ежедневно я тайком проводил еще одну тренировку. Я полагал, что мои противники, которые на самом деле были членами моей команды, не поймут, почему на тренировках я устаю не так сильно, как они, и это подорвет их уверенность в себе, когда мы сойдемся на ковре.

Любой мой день состоял из двух частей: до тренировки и после нее. До тренировки я был предельно собран и серьезен: я боялся тренировки. Вероятно, я выглядел так, словно меня вели к виселице. А после тренировки я, довольный тем, что тренировка закончена, был счастлив и расслаблен.

Я понимал, что в том сезоне у меня было одно огромное преимущество над Изриэлом: ему надо было сбрасывать вес и соревнования оказывали на него психологическое давление. Я же был освобожден от этих напастей. И изо всех сил старался избежать их, особенно необходимости сбрасывать вес. Если у меня появлялось ощущение того, что я обретаю небольшое превосходство над Изриэлом, я использовал это преимущество для того, чтобы хоть чуть-чуть сдвинуть его вниз и получить еще одно небольшое преимущество над ним. До того как мне придется биться с ним за место в команде, оставался год, и я стремился постоянно и устойчиво, дюйм за дюймом, обходить его.

По ходу сезона я стал понимать, что начинаю одолевать Изриэла и переламывать отношение ко мне тренера Абела. Я был

уверен, что он замечает мои успехи.

Изриэл на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта занял третье место в своем весе. К счастью, тренер Абел не планировал стравить нас с Изриэлом в одной категории.

Глава 06
Национальный чемпион!

Казалось, меня озарил снизошедший с небес луч света, открывший мне секреты борьбы.

Это ощущение я могу назвать только озарением.

Второй год нашего с Дэйвом пребывания в Университете Оклахомы стал первым сезоном, когда мы могли выступать на соревнованиях, и первым сезоном, когда я весил больше Дэйва. Тренер решил на год освободить Изриэла от соревнований, и мне предстояло нагнать вес до 167 фунтов (75,7 кг)[15].

Моими первыми соревнованиями стал Открытый чемпионат Великих равнин, который проходил в штате Небраска. Это был тот самый турнир, на котором Дэйв, еще будучи старшеклассником, победил двукратного чемпиона Национальной ассоциации студенческого спорта. В финале в категории до 167 фунтов я встретился с Майком ДеАнной, который в 1979 году занял второе место на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта. Я вел в счете 3:1 или 4:1, и мы были в стойке, когда на меня снизошел луч света.

Я был в стойке, и вместо того, чтобы атаковать меня на нижнем уровне, Майк тоже стоял прямо и просто не предпринимал ничего, словно гадая, не упустил ли он чего-нибудь вроде истечения времени или остановки схватки судьей. Помню, в тот волшебный момент я посмотрел на Майка и подумал: «*У него нет никаких шансов*».

С того момента все, что я делал в той схватке, проходило на ура, и я победил на моем первом открытом турнире со счетом 8:1. Я был готов ко всему, с чем мог столкнуться в борьбе, за исключением тайного приема Дэйва.

Однажды на тренировке я боролся с Дэйвом. Я атаковал его, а он бросил меня через спину с захватом руки и шеи. Я держал его за руки, ожидая, когда он начнет резкий разворот. Тогда бы я встал на ноги и не был бы повержен на ковер. Но Дэйв не стал разворачиваться. Вместо этого он продолжал держать меня в захвате. Следующее, что я помню, было сном о том, что я пасусь с коровками на пастбище и смотрю вверх, на птичек и облака. Когда я очнулся, Дэйв стоял надо мной, заливая своим потом мое лицо.

«Ты на лопатках», – сказал Дэйв с широкой довольной улыбкой.

Я ушел с ковра, стянул с себя майку, схватил Дэйва за уши и

ударил его головой.

В последующие месяцы я просил Дэйва повторить тот захват. Потом я сказал ему, что хочу попробовать повторить этот прием. Мы месяцами повторяли этот прием, снова и снова – до тех пор, пока однажды во время спарринга я не повалил его на ковер. Это событие стало для меня одновременно днем рождения, Рождеством и Новым годом.

Так появился прием, который я впоследствии назвал «броском Шульцев с передним захватом руки и шеи». Этот прием заключался в том, что мы зажимали голову противника и его яремную вену под мышкой, перекрывая ему воздух и нарушая кровоснабжение его мозга. Это «отрубало» противника. А затем мы укладывали его на спину, расположив тело так, чтобы он выглядел человеком, находящимся в сознании, до тех пор, пока он действительно не приходил в сознание. Наши противники, как и я в тот день, когда Дэйв впервые провел свой прием на мне, даже не знали, что побывали на лопатках. Этот прием дал нам такое ошеломляющее преимущество, что международный дисциплинарный комитет запретил его применять отдельным постановлением.

* * *

Занявший второе место на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта 1980 года Перри Хаммел из Университета штата Айова, был одним из самых сильных борцов, которых я встречал. Он, как и я, был второкурсником, и в следующие три года мы шесть раз сходились в поединках, в которых каждый из нас одержал по три победы, причем во всех шести схватках счет был почти равным.

Наша первая схватка состоялась на соревнованиях между Университетом Оклахомы и Университетом штата Айова, в котором те соревнования и проходили. Условия для борьбы там были одними из самых сумасшедших, в которых мне пришлось выступать в мои студенческие годы. Казалось, все вокруг были настроены против нашей команды, и в зале было полным-полно болельщиков, выкрикивавших оскорбления в наш адрес, обзывавших нас всеми мыслимыми (и немыслимыми) ругательствами. Никогда больше не слышал столько непристойностей, как на тех соревнованиях.

Хаммел и я просто бросались друг на друга, много раз сталкиваясь лбами. Он победил меня со счетом 7:4, причем судьи дали ему четыре очка, на которые меня оштрафовали за

уклонение от борьбы. Я был уверен, что меня засуживают, и после того, как меня в последний раз оштрафовали на два очка за пассивность, я боднул Хаммела что было сил. Мне было наплевать на то, что меня могут снять с соревнований. Я был разозлен, понимал, что проигрываю, и хотел, чтобы перед будущими встречами со мной Хаммелу было над чем задуматься.

В следующий раз я встретился с Хаммелом в финале чемпионата Конференции «Большой восьмерки»[16], который проходил в Галлахер-Холле в студенческом городке Университета штата Оклахома. Я проиграл ему со счетом 4:6. В финале своей конференции мы победили команду айовцев с небольшим отрывом, но, уходя с арены, я вытащил доставшуюся мне серебряную медаль из сумки и зашвырнул ее на крышу. Позднее я выкинул и новые борцовки известного бренда, в которых выступал на тех соревнованиях, и стал носить старые тренировочные борцовки.

На чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта, проходившем в Принстонском университете, я занимал третье место в рейтинге борцов в весе 167 фунтов, но результаты жеребьевки не слишком мне благоприятствовали. В первом туре я победил Майка Шитса, первокурсника из бывшей соперницей команды Университета штата Оклахома, но могу сказать, что он не быстро вполне пришел в себя.

В третьем туре я встретился с посеянным шестым Джоном Рейхом из Военно-морской академии США. Перед схваткой мне все время говорили о том, что Рейх отлично борется в партере. Наслушавшись этих рассказов, я серьезно переоценивал его. После безрезультатного первого периода Рейх начал второй период в позиции сверху. Я не вывернулся из-под него. Он контролировал меня сверху в течение минуты, а потом мы выкатились с ковра у моего угла. Тренер Абел сгреб меня и заорал прямо мне в лицо: «Вали отсюда к чертовой матери сейчас же!» Одним-единственным приказом тренер сбил с меня безволие.

«*Так вон оно как*, – сказал я себе. – *Меня выгоняют?!*»

Я занял оборонительное положение в партере на ковре, и, как только судья дал свисток, я менее чем за секунду вывернулся из-под Рейха. В тот момент я понял, что несмотря на все, что мне рассказали о Рейхе и его умении удерживать противника в нижнем положении, это было несравнимо с моим умением выворачиваться. Я победил Рейха со счетом 15:9 и даже покатался на нем, несмотря на преимущество, которое было у него в начале схватки. Тогда я в последний раз придал слишком большое значение тому, что мне рассказывают о моих противниках.

Победа над Рейхом вывела меня в полуфинал, где я встретился с Перри Хаммелом. Мы сражались очень жестко, и по решению судей счет у нас был 4:4. Затем я одолел его в овертайме.

После того матча мы все прошли контрольное взвешивание и командой отправились на ужин в «Сабвэй». Мы уже набрали достаточно баллов для того, чтобы занять командное второе место, и тренер Абел принимал поздравления. Он указал на меня и сказал, что моя победа обеспечила команде второе место. Слышать это было приятно, но, честно говоря, меня не слишком интересовал командный счет. Для меня ничто не имело значения, кроме финала, который должен быть состояться на следующий день, когда мне в третий раз за сезон предстояло сойтись с Майком ДеАнной.

На следующее утро я сказал тренеру, что останусь в гостинице и буду отдыхать, пока остальные пойдут на первые схватки. Тот ответил, что заедет за мной и привезет меня на арену. Примерно за полтора часа до финального поединка от него не было ни слуху ни духу. Я пробежал двадцать кварталов до арены и обнаружил, что тренер сидит в углу Роджера Фриззелла, который боролся за третье место в весе до 150 фунтов.

– Вы оставили меня в гостинице, – сказал я тренеру. – Мне пришлось бежать.

– Вот и славно, – усмехнулся он. – Заодно и размялся. Готовься к выходу.

Бег и в самом деле хорошо меня разогрел, но я задавался вопросом, когда бы тренер вспомнил о том, что должен заехать за мной, если б я не появился.

Непосредственно перед началом финальных схваток устроили церемониальный парад, на котором борцы, которым предстояло бороться за звание чемпионов, должны были стоять рядом друг с другом. Говорить о неприятном. Я слова не сказал ДеАнне.

Андре Метцгер был первым борцом нашей команды, который проводил схватку за звание чемпиона в весе до 142 фунтов. И он выиграл поединок. Затем пришел черед Дэйва.

Когда Дэйв боролся с Рикки, над которым он в двух предшествующих встречах одержал убедительные победы, я разогревался за трибунами. Я мельком глянул на табло и увидел, что Дэйв ведет в счете (3:0), а вскоре услышал рев публики и понял, что Дэйв бросил Рикки на спину и завоевал титул чемпиона. Я вышел из-за трибуны, чтобы выйти на ковер и тут увидел, что по ковру, подняв руки, носится Рикки. Он положила Дэйва на лопатки. Я был ошеломлен, потому что поражение

Дэйва было разочарованием года. Я сказал себе, что проигрыш Дэйва не должен сказаться на мне.

Во втором периоде я вел со счетом 4:1, но тут судья сделал мне два предупреждения за уклонение от борьбы, что сократило мое преимущество до одного балла. Впереди было еще полтора периода, но следующее предупреждение за пассивность даст Майку два очка. Такие предупреждения и штрафы были, кажется, методом команды Университета штата Айова, и во время борьбы судья стоял практически прямо передо мной. Вполне естественно, что он поднял руку, чтобы получить от боковых судей подтверждение двух штрафных очков, которые он хотел присудить моему противнику. Я немедленно взял тайм-аут еще до того, как это подтверждение было получено, пошел в свой угол и там лег. Рон Трипп, один из ассистентов нашей команды, спросил, в чем дело. Судья стоял там же, глядя на меня и с предельным интересом ожидая моего ответа.

– Колено, – сказал я.

Трипп начал массировать мое левое колено.

– Другое колено, – сказал я Триппу.

Не думаю, что Трипп купился на мои слова.

Я хотел сказать Триппу: «Успокойся. Речь идет о титуле национального чемпиона, и я уже достаточно натерпелся от этого судьи».

Подтверждения штрафных баллов так и не последовало.

После тайм-аута, взятого на устранение травмы, я вышел на ковер и покатался на Майке до конца периода.

Третий период я начал в партере, но через несколько секунд вывернулся из-под Майка и положил его на лопатки. Он вывернулся, но я положил его снова. Я победил со счетом 10:4, причем половину своих очков Майк получил в виде штрафов, которые я получил за пассивность. Свой первый титул чемпиона по борьбе Национальной ассоциации студенческого спорта я отметил выполнением на ковре моего традиционного сальто назад.

Перед отъездом домой я пошел в мастерскую трафаретной печати и заказал там футболку с надписью «ЧЕМПИОН НАЦИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО СПОРТА» на спине. В самолете, на котором мы летели домой, я был в этой футболке. Неважно, что произойдет в моей карьере дальше. По крайней мере, мое имя навсегда останется в списке национальных чемпионов.

* * *

После того чемпионата я вернулся в Пало-Альто. Крис Хорпел пригласил меня в Ньюпорт-Бич расслабиться и потренироваться с некоторыми местными парнями. Во время моего пребывания там дела у нас пошли неважно. По-видимому, я не нравился Крису так, как нравился раньше. У меня появилось неприятное ощущение того, что Крис считает себя выше меня, возможно, в интеллектуальном отношении. Ведь он закончил Стэнфорд.

По какой-то причине Крис избрал предметом нападок мои манеры за столом. Манеры у меня были плохими. В Университете Оклахомы я жрал, как скотина, вырывая куски мяса из цыпленка или бифштекса зубами так, словно я рву теми же зубами руки-ноги соперников. Да ладно, застольные манеры – это было лишь частью моего образа. Окружающие должны были понять: для меня пища – это топливо, которым не надо наслаждаться. Его надо потреблять.

Крис пытался научить меня изящному искусству трапезы. В тот период жизни я был не слишком озабочен тем, как веду себя за столом. (Хочу добавить, что теперь-то я приобрел некоторые манеры.) К тому же мне казалось, что Крис такими наставлениями пытается обрести превосходством надо мной, пришибить меня. Не знаю, зачем ему это было надо, но мне его наставления были точно не нужны. Чем больше он старался обучить меня, тем хуже я себя вел. Крис сдался. Я был доволен тем, что настоял на своем.

После поездки в Ньюпорт-Бич я поехал в Эшленд отдохнуть и поработать с борцами из южного Орегона. Так уж случилось, что в колледже младший тренер команды Университета штата Айова проводил летний лагерь, и с ним там был Эд Банак. Я поверить не мог, что Эд находится буквально у меня на заднем дворе!

Я вырос почти до размеров Эда. Несколько раз я тренировался вместе с ним и очень неплохо боролся с ним в спаррингах. Это усилило мою уверенность в собственных силах и мастерстве, с которой я вступил в следующий год.

Однажды в лагере я сходил в борцовский зал университета южного Орегона, когда там тренировалась вся команда. Все знали, кто я таков. Когда-то я жил в Орегоне и вернулся как первый чемпион первого дивизиона Национальной ассоциации студенческого спорта из Эшленда.

Конечно, все парни хотели взглянуть на меня и схватиться со мной. Я дал им такую возможность. Всем. И сразу же.

Я вышел на середину ковра, и все борцы, один за другим, из всех весовых категорий пробовали повалить меня. Благодаря летним схваткам с Дэйвом, который буквально заставлял меня бороться, я стал почти неуязвим в защите. При всем уважении к

Национальной ассоциации студенческого спорта замечу, что между борцами первого дивизиона этой ассоциации и борцами Национальной ассоциации университетского спорта есть существенная разница, и ни один из парней не смог бросить меня на ковер. Мне казалось, что я могу целый день стоять на ковре и никто меня не повалит.

Во время этой игры в зал вошел тренер команды южного Орегона Боб Рейм, который стал смотреть, как его борцы, один за другим, не могут справиться со мной. Очевидно, Рейм увидел достаточно, потому что вышел на ковер, размахивая руками, и, крикнув мне: «Убирайся отсюда к черту!», выставил меня из зала. Такое случалось не впервые.

Рейм был одним из тренеров, слышавших, как во время вербовки Дэйва в студенты университета он назвал меня наркоманом. Прекратив курить марихуану и занявшись борьбой, я появился в борцовском зале университета южного Орегона на тренировке, а Рейм перед всей своей командой назвал меня «наркошей» и велел мне покинуть зал, сказав: «Наркоманам тут не место».

Когда по приказу Рейма я уходил во второй раз, мне оставалось только тряхнуть головой.

Когда я уходил, Рейм кричал мне: «Ты разрушаешь уверенность моей команды». В тот зал я никогда больше не возвращался, хотя через много лет, после того как Рейм отошел от тренерской работы, мы подружились.

* * *

В начале нового сезона я весил 177 фунтов (чуть больше 80 кг). Изриэл Шеппард вернулся в команду после истечения года, когда он был освобожден от соревнований. Чтобы усилить команду, тренер Абел поставил Изриэла в категорию до 158 фунтов, передвинул Дэйва в категорию до 167 фунтов, а меня поставил в категорию до 177 фунтов[17].

Это означало, что мне не надо было сильно сбрасывать вес и я мог сосредоточиться на поддержании формы в процессе тренировок.

Борьба – это сочетание техники, физической формы и удачи. С удачей ничего не поделаешь. Но техника и физическая форма зависят всецело от борцов. Дэйв заставил всех борцов повысить внимание к технике, но физическая форма оставалась именем этой игры. Резкие, взрывные движения требуют отличной физической формы. Для того чтобы выполнять приемы

энергичнее, быстрее и чаще, чем другие, и раньше, чем это сделает противник, борцу надо находиться в невероятно хорошей физической форме. Борьба – не легкий спорт, но ключ к совершенству прост: приемами и физической формой борец должен заниматься как одержимый. Чтобы обрести форму, необходимую для побед на мировом уровне, я загонял себя до пределов моих возможностей и изо дня в день испытывал страдания. Чтобы привести себя в нужную форму, я превратил свою жизнь в ад.

Когда я терпел поражение от противника, выброс энергии был единственным способом восстановления положения. Но эту энергию надо было направить на выполнение приемов, которые приносили баллы, в противном случае энергия уходила впустую.

В рамках выбранной мною основной дисциплиной науки об упражнениях профессор как-то проверил максимальный объем кислорода, который могло потребить мое тело. Мой показатель оказался невероятно низким для борца или любого спортсмена. Это означало, что мое тело неэффективно потребляет кислород.

Мне отчаянно было нужно улучшить состояние сердечно-сосудистой системы. К счастью, в мой младший сезон продолжительность студенческих матчей была сокращена с 8 минут до 7. На ковре судьи отдавали предпочтение борцам с лучшими показателями кислородного обмена, а я был не таким. В тот год продолжительность схваток в вольной борьбе, которые, в сущности, не проводились в студенческой борьбе, была сокращена с 9 до 6 минут также на национальном и международном уровнях. Сокращение продолжительности схваток было для меня существенной выгодой.

Сезон я начал с победы на турнире Великих равнин, который я выиграл второй год подряд, но на этот раз в более тяжелом весе. Эта победа давала мне право представлять США на соревнованиях, которые должны были пройти позже в том же году в России.

Во время встречи команд университетов Оклахомы и Висконсина я во время схватки единственный раз поговорил с противником. Я боролся с Деннисом Лиммексом, который в своем весе был лучшим из завербованных в команду старшеклассников. Я одолел его довольно легко, поймав его в завершающуюся броском на лопатки комбинацию, которую называют захватом через ногу. Я уложил его на спину, и он стоял на «мосту», когда я захватил его голову левой рукой.

Поскольку он был в выгнутом положении, его нога оказалась в пределах досягаемости, и я захватил его ногу правой рукой, еще сильнее потянул ее к его голове – почти вплотную. У борцов такое

положение называется «ответом на телефонный звонок», потому что вы фактически укладываете ногу противника ему на ухо.

Лиммекс закричал от боли.

– Ложись на лопатки, – сказал ему я.

– Не могу, – ответил он.

Тогда я потянул его ногу еще сильнее. Индюшка попыталась вырваться! Я уже почти заставил его «ответить на звонок», когда он закричал громче. Его тренер Расс Хелликсон выскочил на ковер и оттащил меня от своего борца. Официально я выиграл в результате дисквалификации противника из-за вмешательства тренера, но если я одерживал победу, мне было все равно, как именно я побеждал.

* * *

Когда мы отправлялись на соревнования, которые проходили где-то неподалеку, тренер Абел набивал свой микроавтобус Winnebago нами так, что мы были там как сельди в бочке. Мы ездили в Чикаго, где я проиграл Эду Банаку со счетом 4:5, проиграл в четвертый раз подряд в финале турнира центральной части США, который проходил в Северо-западном университете. В той же поездке я поиграл борцу-первокурснику из Кентукки, хотя и лидировал со счетом 8:0. Я перевернул его на спину, и он даже не коснулся моего затылка. Он просто прогнулся. Судья счел это удачным оборонительным приемом и дал баллы парню из Кентукки. Оборонительный прием происходит тогда, когда один борец находится в нижней позиции, а борец, находящийся сверху, переворачивает соперника на спину, но тот берет в захват голову борца, находящегося сверху.

Тот первокурсник из Кентукки ни разу не брал в захват мою голову, но судья засчитал ему еще балл за успешную оборону, и я проиграл схватку. Я был настолько зол, что швырнул свою головную повязку и, не сходя с места, вызвал судью на поединок. Я не отказался от вызова, что стоило нашей команде двух штрафных баллов.

То было жалким выездом, да и поездка в битком набитом парнями микроавтобусе была немногим лучше.

После той поездки я поехал в Советский Союз на турнир в Тбилиси, который считался самым трудным турниром в мире. На том турнире я занял четвертое место, но душой я тогда был не в СССР, а в США.

Я делил комнату с борцом из Сиракьюса Джином Миллсом, известным под кличкой «невзрачный Джин, который работает как

машина». Как-то я проснулся посереди ночи и увидел, что Джина в комнате нет. Я уселся на кровати и начал думать о том, что через три дня после возвращения в Штаты мне придется бороться с Эдом Банаком на командных соревнованиях команд университетов Оклахомы и Айовы. Тут в комнату вернулся Джин, который ходил сбрасывать вес и теперь стал стирать свое трико в душевой. Он заметил, что я сижу в постели почти в полном мраке.

– Что случилось, Шульци? – спросил он.

На что я ответил:

– Ненавижу… ненавижу Банака.

Джин рассмеялся.

На самом деле я вовсе не ненавидел Эда. Я ненавидел то, что он продолжает побеждать меня, и я не мог понять, почему.

Турнир в Тбилиси навсегда изменил мой стиль борьбы. Тот советский борец, который победил в моей весовой категории, использовал неравновесную, качающуюся стойку. Когда противник идет в атаку, он обычно отталкивается ногой, находящейся сзади, так что стойка «вразножку» экономила полушаг. До этого я использовал фронтальную равновесную стойку на раздвинутых ногах, но сразу же переключился на качающуюся стойку, позволявшую мне хорошо действовать левой ногой.

Вернувшись из России в Оклахому, я испытал последствия смены часовых поясов и перелета на запад. Я проснулся в четверть четвертого дня, через 15 минут после того, как началась тренировки, помчался в зал и открыл свой шкафчик. Пришел тренер Абел, который наорал на меня за опоздание, запер мое барахло в шкафчике и выгнал меня из команды.

Я подумал, что тренер просто очень нервничает в преддверии встречи нашей команды с командой борцов Университета Айовы, важнейшей встречи того сезона.

Потом Абел выгнал из команды Дэйва и Метцгера и ушел из раздевалки. Вид тренера, теряющего лицо подобным образом, выводил из душевного равновесия. Я отпер свой шкафчик, вытащил спортивную форму и пошел сбрасывать вес.

Тренер никогда не говорил нам, что нас вернули в команду, но на следующий день, когда настало время идти на взвешивание, он назвал наши имена.

На соревнованиях с борцами Университета Айовы Дэйв и я отошли от нашей традиционной практики. Обычно мы прохаживались за рядом кресел, стоявшим за тем, что был отведен для борцов. Перед схватками я начинал прохаживаться раньше, чем кто-либо из известных мне борцов. После того как я

закончил карьеру в студенческом спорте, один из борцов сказал, что мне дали кличку «Иноходец». Прогулки в зале перед схватками были моим способом метить территорию. Прохаживаясь, я ни на кого не глядел, но был уверен, что все меня видят, словно я заявлял: «Я здесь, и я выиграю этот матч».

Но в тот день, когда мне предстояла схватка с Эдом, Дэйв предложил мне пойти в уединенное помещение, чтобы на время отключиться от происходящего на арене. Дэйв нашел такое помещение и сел, прислонившись к стене. В эту комнату вошел мальчик лет девяти или десяти. Он искал туалет. Дэйв указал ему дорогу в туалет. Годы спустя у меня состоялся разговор с этим мальчиком. Он вырос и связался со мной, чтобы спросить, помню ли я, как он вошел в комнату, где сидели Дэйв и я. Я ответил, что помню этот случай. И он сказал: «Никогда не забуду тот момент. Как только я вошел в ту комнату и увидел вас, я почувствовал в комнате такое напряжение, что его можно было ножом резать».

Дэйв вышел на ковер раньше меня. Он боролся с Кингом Мюллером. Одно колено Мюллера было туго забинтовано, и Дэйв здорово отделал Кинга. Он сделал высокий захват перебинтованной ноги Кинга и провел болевой прием, который я называл переломом колена. Журнал *Amateur Wrestling News* опубликовал фотографию, сделанную как раз в тот момент, когда Дэйв валил Кинга. Рот Кинга был широко открыт. Он кричал, а его пальцы были судорожно вытянуты, словно его казнили на электрическом стуле.

Моя схватка с Эдом оказалась сенсационной. Раз пять-шесть один из нас выходил вперед. За 10 секунд до конца поединка я уступал Эду со счетом 8:9. Свободной рукой я бросил Эда себе на плечи, захватил его бедро и, удерживая его ноги, бросил его на спину. Я посмотрел на зрителей и увидел, как 11 тысяч человек одновременно с криками вскочили со своих мест. Бросив Эда на ковер за две секунды до конца встречи, я победил со счетом 10:9. Это было первым за два года поражением Эда.

Перед схваткой тяжеловесов, которая завершала командные соревнования наших команд, счет был 17:17. Нашим тяжеловесом был Стив Уильямс. Хотя Уильямс боролся только два с половиной месяца в году, он был отличным тяжеловесом. Он учился в университете как игрок в футбол и присоединялся к команде борцов только после рождественских каникул. Уильямс станет четырехкратным чемпионом Америки по версии Национальной ассоциации студенческого спорта и в том сезоне завершит чемпионат Национальной ассоциации студенческого спорта вторым, уступив только будущему великому тяжеловесу-олимпийцу Брюсу Баумгартнеру. Совсем неплохой результат для

человека, занимающегося борьбой время от времени. Страшно подумать о том, каким бы выдающимся борцом стал Стив Уильямс, если бы борьба была его основным видом спорта.

Более важным было то, что Стив отличался душевными качествами. Всякий раз, когда нам за пару дней до соревнований надо было сбрасывать вес, он надевал полиэтиленовые пакеты и потел, вместе со всеми бегая по залу и занимаясь на велотренажере, хотя сбрасывать вес ему, как тяжеловесу, было не надо. Он делал это по одной причине: он хотел мучиться вместе с товарищами по команде. Этот факт говорит о том, каким человеком был Стив.

После окончания университета Стив прославился своими успехами в профессиональной борьбе, в которой его лучше знали под его спортивной кличкой «Доктор Смерть». Стив умер в 2009 году в возрасте 49 лет от рака горла. У него было золотое сердце. Я любил его и теперь скучаю по нему.

На встрече команд университетов Оклахомы и Айовы Стив боролся с близнецом Эда Лу. Чтобы понять, что предстояло Стиву в тот день, скажу, что Лу выиграл чемпионат Национальной ассоциации студенческого спорта и завоевал золотую медаль на Олимпийских играх 1984 года в весе 220 фунтов.

Стив и Лу свели свой поединок вничью, и матч команд университетов Оклахомы и Айовы закончился со счетом 19:19. Этот матч был одним из самых волнующих командных соревнований, в которых мне довелось участвовать в качестве борца или тренера.

На Чемпионате «Большой восьмерки» я победил Перри Хаммела, снова в дополнительное время, а Дэйв занял второе место, уступив Майку Шитсу из Университета штата Оклахома. Мы оба вышли в турнир Национальной ассоциации студенческого спорта.

Глава 07
Побег из ада

«Марк Шульц – хороший спортсмен, но для того, чтобы стать хорошим борцом, мало быть хорошим спортсменом. Чтобы стать хорошим борцом, нужна эмоциональная стойкость, а в этом отношении я превосхожу Марка Шульца». Журнал *Amateur Wrestling News* в анонсе студенческого национального чемпионата по борьбе процитировал эти слова Эда Банака.

Когда журналист этого журнала брал у меня интервью для той же статьи и спросил, как я оцениваю свои перспективы на турнире, я ответил, что не знаю, как сложатся дела, но думаю, что турнир будет походить на состязание в спортивной ходьбе, в котором победит тот, кто окажется впереди всех на финише.

Когда я прочел слова Банака, я сказал себе: «*Если мы сойдемся в финале, одному из нас придет конец*».

В борцовском зале Университета штата Айова стояла жуткая жара. Я был там, сбрасывая вес, и всем находившимся в зале, казалось, предстояло участие в турнире. В числе прочих были и парни моего веса.

Я старался ни на кого не смотреть. Но потом рядом со мной сел борец из Стэнфорда. Улыбающийся и счастливый, он попытался завязать со мной разговор. Я не обратил на него внимания, встал и продолжил занятия. На общение не было времени, а мысль о том, что можно быть довольным даже вторым местом, могла нарушить мой эмоциональный настрой. У меня никогда не было ненависти к кому-либо из моих противников, но из-за низких показателей кислородного обмена мне надо было разжигать в себе гнев, который я изолью во время поединков. Вместо того чтобы двинуть противника по роже, скажем, кулаком, я направлял мой гнев на выполнение приема, приносившего баллы. Постоянно держаться такой линии было трудно, и временами мне казалось, что в каждом поединке мне нужно чудо.

Мой первый из трех поединок в четвертьфинале я выиграл со счетом 8:0. В полуфинале моим противником был не кто иной, как Перри Хаммел, у которого я выиграл со счетом 2:1.

В финале мы снова сошлись с Эдом Банаком. Три из четырех своих поединков Эд выиграл фолами, а четвертый выиграл со счетом 17:5.

В последний день турнира в четвертом финале Андре Метцгер второй год подряд победил в категории до 142 фунтов (до 64,4 кг). Второй раз подряд в финале чемпионатов

Национальной ассоциации студенческого спорта он победил Ленни Залески из Университета Айовы. Затем, непосредственно перед моей схваткой, свой первый национальный чемпионат выиграл Дэйв, который взял реванш у Шитса, которому проиграл финал на турнире «Большой восьмерки».

Мне надо было выходить на ковер, и я не мог уделить время празднованию победы Дэйва, но я был рад, что он заслужил титул на последнем году учебы. Не могу вообразить, что было бы, если б Дэйв не победил на тех соревнованиях.

Непосредственно перед схваткой я разогревался за трибунами, размышляя о том, как кому-то пришло в голову учредить такие жестокие соревнования, как чемпионаты Национальной ассоциации студенческого спорта по борьбе. На этих турнирах я испытывал такое психологическое давление, что соревнования казались бесчеловечными. В углу зала лежало несколько скатанных матов, и по пути к ковру я сел на эти маты и стал истово молиться о том, чтобы Господь убил меня сразу же, если я проиграю. Я именно этого и хотел.

Программа *Wide World of Sports* канала ABC транслировала наш матч. По-моему, это был единственный финальный поединок, полностью показанный по телевидению. Эл Майклс представил нашу схватку как «встречу, которой ждали все». Так оно и было, потому что я выиграл чемпионат того года, а Эд на первом и втором курсах был чемпионом в другой весовой категории, и уже поговаривали, что он, возможно, станет первым, кому удастся выиграть подряд четыре чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта.

Почти на второй минуте матча я сделал глупую попытку бросить Эда, который поймал меня и заработал баллы за то, что бросил меня на ковер, и за почти фол, обогнав меня на четыре очка. В конце первого периода Эд вел со счетом 5:2, но тут я попытался провести прием, который никогда прежде я делать не осмеливался, но видел, как этим приемом олимпийский чемпион Бен Петерсон завоевал Кубок мира. Захватив туловище Эда, я оторвал его от ковра, прижал коленом внутреннюю сторону его бедра у паха, затем развернулся и бросил его на спину. Я удерживал его на спине 2 секунды, за что получил 4 очка, и после первого периода счет был 6:5 в мою пользу. В третьем и финальном периоде я увеличил отрыв до 10:7, но поскольку я понимал, что я находился над противником достаточно долго для того, чтобы заработать еще одно очко, я, в сущности, обходил Эда на 4 очка.

Я лидировал со счетом 10:8 (не считая того балла, который я ожидал получить за контроль над соперником). До конца схватки

оставалось 30 секунд. Эду надо было провести прием, который принес бы ему четыре очка, и когда он менее чем за 20 секунд до конца матча пошел в атаку, пытаясь совершить победный бросок, я блокировал его попытку и обошел Эда еще на 5 очков, закрепив успех на чемпионате. Я победил в финальной схватке со счетом 16:8.

Обычно после матчей я чувствовал страшную усталость. Но, завоевав второй титул подряд и одолев для этого Эда Банака, я испытал такой прилив адреналина, что, как только прозвучал сигнал, я вскочил на ноги и исполнил свое фирменное сальто назад. Дэйв и Андре выскочили на середину ковра, чтобы приветствовать меня. Я прыгнул в объятия Метцгера и закричал из всех сил в потолок. Когда судья поднял мою руку, я продолжал скакать, хотя судья по-прежнему держал мою руку поднятой.

В заключение турнира меня провозгласили Выдающимся борцом чемпионата.

По очкам, набранным на чемпионатах Национальной ассоциации студенческого спорта, наша команда побила рекорд, но такой же показатель был у команд Университета Айовы и Университета штата Айова, так что мы оказались на третьем командном месте. Изриэл Шеппард завершил свою карьеру в Университете Оклахомы, заняв четвертое место в категории 158 фунтов. Я многим обязан Изриэлу. Он первым научил меня сосредотачивать ярость на другом человеке. В спаррингах с ним не было никаких ограничений и никакой жалости. В этих схватках была чистая, стопроцентная ярость, направленная в науку борьбы. Израэл, возможно, до сих пор понятия не имеет, насколько мне повезло тренироваться с ним.

После турнира Эд заглянул ко мне и спросил, в каком весе я буду выступать на следующий год.

– В категории до 177 фунтов, – сказал я Эду.

– Хорошо, – откликнулся он. – Я буду выступать в категории до 190 фунтов.

Майк Чэпмен, редактор журнала *WIN*, который издавали для борцов, назвал мою схватку с Эдом одной из лучших схваток в истории чемпионатов Национальной ассоциации студенческого спорта, уступавшей только финальной схватке чемпионата 1970 года, когда Ларри Оуингс с минимальным преимуществом прервал серию из 181 победы Дэна Гэбла.

На пути домой я испытывал такой избыток адреналина, что, когда нам надо было сделать пересадку с самолета на самолет в Канзасе, я вышел из самолета, нашел укромное место в зоне посадки пассажиров и побегал перед терминалом.

В следующий понедельник студенческая газета Университета

штата Оклахома опубликовала фотографию, на которой Дэйв, Андре и я праздновали успех на чемпионате. Мы стали тремя национальными чемпионами из Оклахомы.

> Через две недели после чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта Американская федерация борьбы предложила мне представлять США на соревнованиях за Кубок мира в Толедо, штат Огайо. Я уже запланировал отдых после студенческого чемпионата, но чувствовал, что после окончания сезона нахожусь в отличной форме, и ответил, что приму участие в борьбе за Кубок мира. Тренером команды, которая должна была выступить на соревнованиях за Кубок мира, был Дэн Гэбл, и я не мог не думать о том, что он меня недолюбливает за то, что два года подряд я побеждаю его воспитанников в финалах. Но Гэбл относился ко мне нормально. В моей книге я назвал его «противником», но он мне все равно нравился. Я смотрел на него как человек, уважающий всякого, кто был упрямым, несгибаемым, каковы бы ни были его симпатии и убеждения.

Когда настал мой черед выходить на ковер и бороться с русским чемпионом Вагитом Казибековым, мы проигрывали русским соревнования за Кубок мира. Я поднимался на помост, когда Гэюд сказал: «Самое время использовать нашу тяжелую артиллерию». Я победил со счетом 7:2, и все американцы, выступавшие в более тяжелых весовых категориях после меня, тоже одержали победы. Мы выиграли Кубок мира.

А я заслужил уважение легендарного Дэна Гэбла.

* * *

Успехи, которых я добился за первые два сезона выступлений в Университете Оклахомы, привели к тому, что на последнем курсе я испытывал самое сильное давление в своей жизни. Выступления в Первом дивизионе Национальной ассоциации студенческого спорта сами по себе создавали проблемы. Сезон борьбы в Первом дивизионе – самое мучительное и напряженное состязание в спорте.

Мне не нравились соревнования. Собственно говоря, заявление о том, что я ненавидел соревнования, не будет слишком сильным. Соревнования, конкуренция – худшее, что есть в мире, самое ужасное, самое мучительное из того, что мне

довелось испытать. Но я борьбу я был влюблен. Мне надо было соревноваться. В противном случае я бы остаток жалкой жизни оглядывался назад и понимал бы, что не реализовал свой потенциал. Я знал: когда надо было бороться, во мне обнаружилось что-то особенное, что-то вроде дара Божьего.

Плюс ко всему этому я был двукратным чемпионом Национальной ассоциации студенческого спорта, и меня провозгласили Выдающимся борцом. Мне приходилось испытывать такое напряжение, что временами я думал: мне с этим не справиться.

Впервые в моей карьере я был уверен в том, что, добившись успеха на соревнованиях Национальной ассоциации студенческого спорта в 1982 году, я был очень хорошим борцом – за исключением первых месяцев после того, как я завоевал титул, учась в старшем классе школы. Тогда я *думал*, что был очень хорошим борцом. Моим самомнением озаботился Дэйв, который все лето швырял меня на маты. Дэйв был не нужен мне для укрощения гордыни при переходе на следующий курс, но он был остро необходим для того, чтобы помочь мне пройти через напряжение, которое я испытывал.

Дэйв был единственным человеком, который мог помочь мне тогда, когда я испытывал напряжение оттого, что был борцом. Если я испытывал напряжение из-за чего-нибудь, Дэйв говорил мне: «Не стоит беспокоиться». И все. Ничего более изысканного. Но если Дэйв говорил мне не беспокоиться, я переставал беспокоиться. Если бы то же самое мне сказал кто-нибудь другой, это не возымело бы действия.

Но в тот год я видел Дэйва не так часто, как мне хотелось бы. Примерно за месяц до чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта Дэйв женился и перебрался на квартиру к своей жене Нэнси. Мы по-прежнему встречались в борцовском зале, поскольку Дэйв помогал в качестве тренера и продолжал тренироваться для участия в соревнованиях по вольной борьбе. Но я не мог просто поболтать с ним так, как это было в те времена, когда мы жили в одной комнате в общежитии.

Имело значение и то, что Дэйв выбрал свой срок обучения в университете. Ему не приходилось больше участвовать в изматывающих командных соревнованиях, поэтому ему не надо было столь тщательно следить за весом и постоянно сгонять его. Вполне хватало делать это раз в пару месяцев перед важными соревнованиями. Мы утратили объединяющую борцов-студентов связь, которую создает постоянная необходимость поддерживать вес. А после того, как он женился и перестал жить со мной в одной комнате, мы утратили и большую часть того, что сближало

нас в Университете Оклахомы. Я чувствовал, что наши жизненные пути пошли по разным направлениям.

В предшествующем сезоне Андре Метцгер, наш национальный чемпион 1982 года, тоже был старшекурсником. Ни один другой борец в нашей команде не мог рассказать о том, как защищаться от давления, которое испытывал я. Дэйв делал все, что мог, чтобы помочь мне в те моменты, когда у нас было время поговорить, а Андре тоже стал помощником тренера и оставался в пределах досягаемости, рядом. Но если другой человек не испытывает такого же напряжения одновременно с тобой, он просто не может тебя понять.

Поскольку наша команда потеряла двух национальных чемпионов, тренер Абел хотел, чтобы я стал одним из борцов, добывающих победы команде. Максимум баллов, которые борец может принести своей команде, – шесть, и эти баллы присуждают за фиксирование противника на спине, за штраф, травму или за дисквалификацию. Но я не часто фиксировал противника на лопатках. По моей оценке, в студенческом спорте я добивался таких побед лишь в 10 % схваток. Мне надо было соответствовать моим личным достижениями предшествующих двух лет – и это давило на меня. А тренер и команда нуждались в том, чтобы я выступал лучше прежнего!

Мне надо было выйти из университета победителем. Ради себя самого. Я не мог себе представить ничего хуже проигрыша на старшем курсе после одержанных ранее побед. Будь у меня выбор, я бы отдал их все за гарантированный титул чемпиона на последнем курсе. Один титул, завоеванный в последней попытке, весил бы больше, чем два, завоеванных ранее.

Кошмары, мучившие меня на старшем курсе, посещают меня до сих пор. Разнясь в деталях, все эти кошмары имеют свойство разыгрываться по одному сценарию: мне надо защищать свои прежние титулы, после чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта прошло две недели, а я забросил тренировки и стараюсь сообразить, как выиграть, будучи не в форме. Я думаю, не пронзить ли мне ногу или не попасть ли мне в автомобильную аварию для того, чтобы не попасть на турнир.

В некоторых моих кошмарах я уже нахожусь на турнире и прохожу взвешивание перед схваткой, которая состоится завтра, но у меня травма, которая выводит меня из формы. Этот кошмар посещал меня раз пятьдесят, по меньшей мере.

Всякий раз, когда я просыпаюсь от такого кошмара, я благодарю Бога за то, что это всего лишь сон.

Порт Робертсон прежде был тренером по борьбе. Он работал на спортивном факультете Университета Оклахомы

администратором. Не знаю, как официально называлась его должность, но для меня он был «Властелином дисциплины» и «Правителем общежития для спортсменов». Я нравился Порту, и когда я обнаружил, что в общежитии свободна комната на одного, я спросил его, нельзя ли мне занять эту комнату. Он разрешил.

После тренировок я проводил каждую ночь в моей комнате. Это угнетало меня. Я пытался держаться сам по себе, но в тот год я стал еще большим интровертом. Я купил себе в комнату дешевый черно-белый телевизор, чтобы иметь товарища. Я редко разговаривал с кем-либо в общежитии. Никогда не чувствовал себя в большем одиночестве и в большей изоляции, чем в тот год, но это одиночество я сам себе устраивал.

* * *

Я успешно начал сезон, одержав на турнире в Лас-Вегасе убедительные победы над всеми соперниками, но вскоре осложнил свое положение во время интервью, которое я дал одной из телевизионных станций, вещавших на всю Оклахому.

Во время учебы в университете Оклахомы я дал несколько интервью, но в тот год я совсем не хотел общаться с журналистами. Однако журналистка была дочерью одного из старых выпускников нашего университета, который заплатил Дэйву и мне деньги за перегон микроавтобуса в Даллас (это было нужно для того, чтобы у того человека и его собутыльников было место для общения и выпивки в конце недели, во время которой проходил ежегодный матч футбольных команд Оклахомы и Техаса). Я согласился дать интервью только из уважения к отцу бравшей интервью журналистки.

Я уселся, чтобы дать интервью, а телеоператор поставил камеру на стол. Я не заметил, чтобы он нажимал на какие-то кнопки, и полагал, что интервью не началось. Первый вопрос журналистки был о том, как мне нравится Университет Оклахомы. Тут я допустил еще одну ошибку, думая, что журналистка просто решила немного поболтать со мной перед интервью. Я ответил на вопрос так: «Я предпочел бы учиться где-нибудь вроде Университета Айовы, где тренер больше заботится о своих спортсменах».

После того как я сказал это, оператор взял свою камеру и включил свет. Интервью длилось минут 45. Единственным, что в тот вечер попало в новости, были слова, сказанные мной о тренере Абеле в то время, когда я думал, что могу делать комментарии не под запись.

Говоря о тренере, я шутил. Отчасти я так изливал свою депрессию и затяжное разочарование.

В то время тренер Абел вел трудный бракоразводный процесс. Моя обмолвка была вызвана тем, что наибольшее воздействие этого бракоразводного процесса заключалось в его неспособности уделять мне то время, которое, по моему мнению, должен был уделять мне, особенно в свете того, какое одиночество я уже ощущал.

Я понятия не имел, насколько изнурительным мог быть развод. С тех пор я сам дважды разводился и узнал, как сильно развод может отнимать время и отвлекать от обычных занятий.

Как и следовало ожидать, мое замечание вызвало шквал. Бурю. Торнадо. Бывшие питомцы стали названивать тренеру Абелу и спрашивать его, что творится под его присмотром, а некоторые говорили ему, что перестанут жертвовать деньги на его программу.

На следующий день тренер затащил меня в свой кабинет. «Что за чертовщина с тобой творится? Ты этого хочешь?»

Я настолько не хотел обнаруживать какой-либо слабости (к тому же я был немного обижен на него, ошибочно считая, что он пренебрегает мною), что ответил: «Да».

Наши отношения мгновенно испортились. После той стычки я редко разговаривал с тренером.

Мое отношение к борьбе и сама борьба стали портиться. Я начал появляться в борцовском зале эпизодически. На Рождество я вернулся в Орегон и пропустил турнир Мидлендса и три командные встречи с командами других университетов. Наибольшую угрозу мне на национальном чемпионате (по крайней мере в том, что касалось борьбы) представлял Дюэйн Голдман из Университета Айовы. Голдман был первокурсником, так что раньше мы не сходились в поединках, и мне не хотелось, чтобы у него до встречи на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта были какие-то догадки относительно того, чего от меня ожидать, случись нам встретиться на ковре.

Команда не имела для меня значения. Я бился за себя и считал, что защищаю мой титул, а не борюсь за кого-то другого. Я считал, что ничего не выиграю, но проиграть могу все, в буквальном смысле этого слова.

В том году я выиграл чемпионат «Большой восьмерки» в Оклахома-Сити, заслужив право выступать на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта. Турнир я начал, болея стрептококковой инфекцией горла. Фотограф из СМИ сфотографировал меня в момент, когда я разогревался, высунув

язык, который был белым и совершенно сухим.

В первом туре я провел матч, победив «несеянного» Скотта Джакоббе из университета Оулд Доминион со счетом 8:5. Во втором туре я встретился с посеянным под 12-м номером Бобом Харром из университета Пенсильвании. В первом периоде я провел ему захват головы спереди, «обрубил» его удушением, перевернул его и положил на спину. Но судьи дали мне баллы только за то, что я бросил Харра на ковер. Харр очнулся совершенно безумным и до конца матча атаковал меня как сумасшедший. Я победил его со счетом 11:6, но всю встречу был вынужден бороться с разъяренным борцом. В третьем туре мне досталась единственная «легкая» победа: я победил «несеянного» Джеффа Тёрнера из Лейаха со счетом 15:4.

В полуфинале мне выпало бороться с Эдом Потокаром из Университета штата Огайо. При сокращенном графике соревнований я в том сезоне одержал 25 побед, не потерпев ни одного поражения. Среди борцов Университета штата Огайо у Потокара было рекордное число побед в сезоне (49) при одном поражении. Победа надо мной в полуфинале увеличивала бы этот счет до 50 побед.

В третьем периоде я вел в счете (4:2), причем оба его очка были штрафами, начисленными мне судьей Пэтом Лоувеллом за уклонение от схватки. Я 16 секунд сидел на Потокаре, и для выхода в финал мне всего-то и надо было, что контролировать его. Но тут Лоувелл сделал мне *еще одно* предупреждение за пассивное ведение схватки и дал Эду два балла. В итоге получалась ничья, 4:4.

До того как стать судьей, Лоувелл был борцом-тяжеловесом. Как и я, Лоувелл родом был из района залива Сан-Франциско, и мы были приятелями. Мы даже вместе обедали у него дома. Теперь я никогда не забуду Пэта, потому что последнее предупреждение привело к равному счету в том поединке. Я не говорю, что предупреждение было сделано неправильно. Я говорю, что никогда не забуду этого.

Предупреждение, сделанное Пэтом, остановило схватку, и нам пришлось выходить в центр ковра. Потокар все время двигался, подскакивая, как перекачанная шина. Я, с другой стороны, был почти вне себя от страха. Счет был равным, и Потокар должен был получить технический балл. Если бы ему удалось вывернуться из нижней позиции, он одержал бы победу со счетом 5:4, что разрушило бы и мое обучение на последнем курсе, и всю мою жизнь.

Когда Пэт подал свисток о возобновлении поединка, Потокар вырвался из нижней позиции. Он оседлал инерцию последнего

предупреждения и равного счета. Я сидел на лягающемся мустанге.

Наконец Потокар встал, разорвал мой захват и зашел мне за спину. Но прежде, чем судья дал ему два очка, я сделал нечто такое, чего раньше не делал: я, как лягушка, опустился на четыре точки и совершил прыжок назад, как на трамплине при прыжках в воду, в надежде захватить хоть что-то. Я зацепился пальцем за петлю шнурков борцовки Потокара, добрался до его ноги и вцепился в нее так, словно от удержания этого захвата зависела моя жизнь. Истекли последние секунды схватки, и судья назначил овертайм.

Потокару не удалось заработать в овертайме технический балл, а я смог избежать предупреждений и обошел его со счетом 6:0, что вывело меня в финал.

* * *

В другом полуфинальном поединке посеянный вторым Голдман, ставший сенсацией среди первокурсников, одержал победу над Перри Хаммелом. Благодаря тому, что я провел Рождество в Орегоне, я никогда не встречался на ковре с Голдманом, и это, как я полагал, давало мне преимущество в финале. Чем чаще встречаются борцы, тем сильнее сближаются их результаты. Если б я раньше боролся с Голдманом, я мог бы потерять определенную часть моей ауры просто потому, что Голдман вышел на ковер вместе со мной.

Голдман, возможно, думал по-другому, но я-то думал так, и накануне финального поединка, возвращаясь в отель, я испытал эмоциональный подъем.

Честно говоря, я нуждался в любом преимуществе, какое мог получить, поскольку меня преследовали воспоминания о чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта, проходившем тогда, когда я был первокурсником Калифорнийского университета Лос-Анджелеса. Майк Лэнд был старшекурсником Университета штата Айова и защищал свой титул национального чемпиона. В финале чемпионата 1979 года Лэнд встречался с первокурсником из Университета Лейаха по имени Дэррил Бёрли. Лэнд, одержавший 84 победы подряд, проиграл свой последний поединок в студенческих соревнованиях первокурснику.

Теперь на месте Лэнда был я, старшекурсник, защищающий свой титул в финальном поединке с первокурсником. Все ожидали, что этот поединок будет выигран мной.

Этих размышлений было достаточно для того, чтобы потерять сон.

За пару часов до начала финала я сидел в своем номере отеля с Клинтоном Бёрком, нашим борцом в категории до 134 фунтов и единственным другим студентом Университета Оклахомы, которому предстояло бороться за чемпионский титул. В дверь постучали, и Клинтон открыл ее. Мы находились в получасе езды от Нормана, и в нашу комнату устремились все друзья-приятели Клинтона. Они смеялись, пили и курили.

Я сидел на кровати, думая: «*Эти люди собираются нас прикончить психологически*».

Праздновать было слишком рано. Рано было даже радоваться. Ощущение счастья могло разрушить мой настрой перед матчем. Клинтон, по-видимому, не собирался просить своих друзей уйти, поэтому я сгреб свою форму и отправился на арену гораздо раньше, чем хотел.

В спорткомплексе бродил комментатор *World Wide of Sports*, который брал интервью у всех финалистов. По мне, для разговоров было не время. Я односложно ответил на три первые вопроса журналиста. Заметно раздраженный, этот малый сказал: «Это невозможно. Я не могу из этого сделать материал». Я поднялся и ушел, чтобы остаться в одиночестве, которое я предпочитал.

Кажется, до Клинтона трудность борьбы в финале дошла только перед самым первым финалом. Я видел, что в зале для разогрева он был очень возбужден. Не уверен, но он, похоже, плакал. К нему подошел Андре и велел ему прекратить истерику. Я не мог участвовать в этой сцене и держался от них на расстоянии. Свой поединок Клинтон проиграл, уступив противнику два очка. Его проигрыш сделал меня единственной надеждой Университета Оклахомы на завоевание чемпионского титула в 1983 году.

Тренеры Абел и Хамфри предупредили меня об опасности пассивного ведения поединка. Они сказали, что судьи считают: во время турнира я слишком часто уклонялся от схваток. Судьи собрались и решили, что в финале не станут проявлять ко мне снисхождения. Потом, перед самым выходом на ковер, и Дэйв предупредил меня о том, что судьи будут следить за мной очень внимательно, фиксируя уклонения от схваток, и не дадут мне никаких поблажек, если я буду пассивен.

Господи, кто еще на арене хотел предупредить меня об уклонении от схваток?

С момента, когда Голдман и я встретились на ковре, я мог почувствовать, что он решил: предположительно, я должен

одержать победу. Выразить словами это трудно, но в его глазах и в телодвижениях было нечто, выдававшее его мысли и чувства.

Попытки уклонения, которые пытался совершить Голдман, казались каким-то вялыми, и повалить его было легче, чем тех, через поединки с которыми я вышел в финал. Единственное, о чем я беспокоился, были все эти предупреждения о пассивности. Я получил три предупреждения: первое без штрафного очка, а за два других с меня сняли по очку. Не думаю, чтобы Голдман получил бы очки в противном случае, но ведя схватку на равных и зная, что судьи следят за мной с особым вниманием, я опасался повторения полуфинальной схватки с Потокаром. Впрочем, этого не случилось. Я четыре минуты контролировал Голдмана сверху и победил со счетом 4:2, третий год подряд одержав победу над «соколом» из Айовы и став чемпионом Национальной ассоциации студенческого спорта.

Через год после того, как я принял участие в самом волнующем соревновании в истории борьбы среди студентов, я одержал победу в самом скучном финале года. Но мне было наплевать на это, поскольку я победил. Как борец, я совершил величайший побег – побег от давления и ожиданий, которые целый год давили мне на грудь.

Я стоял на помосте, раскинув руки, как птица. Наконец-то я почувствовал себя свободным, избавившимся от всех обременявших меня грузов, готовым взлететь и оставить за спиной весь тот накопившийся мусор, который превратил мой последний сезон в студенческой борьбе в настоящий ад.

И тогда я сделал то, что редко делал в тот сезон: я улыбнулся.

Я все время благодарил Господа.

Перед соревнованиями и завоеванием второго чемпионского титула я молил Бога убить меня, если я проиграю. Теперь, через год, и всего лишь через шесть лет после того, как я начал заниматься борьбой, я стоял на ковре и купался в лучах славы. Меня приветствовали как троекратного чемпиона Национальной ассоциации студенческого спорта.

Господь мог лишить меня жизни там и тогда, если на то была его воля, но я умер бы счастливым человеком. В моей жизни было немного моментов, когда я мог сказать такое.

Глава 08
Братья-олимпийцы

Есть старая поговорка о свете в конце туннеля. Но почему никто не говорит о том, что происходит, когда выезжаешь из туннеля?

Моим туннелем был последний год учебы в университете. Чтобы преодолеть туннель, я постоянно говорил себе: в конце туннеля будет свет. Если я выеду из туннеля троекратным чемпионом Национальной ассоциации студенческого спорта, думал я, уйду из борьбы и буду счастлив до конца жизни. Я был бы счастлив, если б последний курс университета стал последней главой, закончив которую я отправил бы эту книгу в печать.

Но у Дэйва были другие планы для нас обоих.

Дэйв выиграл титул чемпиона на последнем курсе и завоевывал титул чемпиона Америки в течение всех трех сезонов, в которых он мог выступать. Но его не слишком интересовала борьба на студенческом уровне. Он лучше выступал в вольной борьбе. Народная или студенческая борьба требовала более контролируемого, строгого стиля. Эта борьба создавала более благоприятные условия для отлично подготовленных спортсменов с сильными телами, которые позволяли им удерживать противников на лопатках до фолов и набирать время, в течение которого они держали противников под контролем. К тому же вариант, при котором борцы оказывались под контролем, снизу, давал выгоды борцам, которые могли вести борьбу в таком положении и выходить из него.

Однако в вольной борьбе не было положения снизу и баллов за выход из такого положения и за время обладания контролем над соперником. В вольной борьбе большее значение имела борьба в стойке, и эта борьба благоприятствовала борцам, которые лучше бросали соперников на ковер из положения стоя, лучше проводили броски и повороты. Во всех этих трех движениях Дэйв был одним из лучших в мире.

На Открытом чемпионате по вольной борьбе 1983 года Дэйва, боровшегося в весе 163 фунта, выбрали Выдающимся Борцом после того, как он закончил все девять схваток туше. Все борцы, которых он победил в полуфинале и финалах, были троекратными чемпионами Национальной ассоциации студенческого спорта. Всего за свою спортивную карьеру Дэйв победил на восьми чемпионатах по вольной борьбе (и два чемпионата по греко-римской борьбе), и его четыре раза

называли Выдающимся Борцом. По своему телосложению и стилю ведения борьбы Дэйв идеально подходил для вольной борьбы.

Дэйв пытался уговорить меня участвовать в Открытом чемпионате США, но я был настолько выгоревшим после последнего сезона университетской борьбы, что не имел ни малейшего желания участвовать в любых соревнованиях. В то время я и вообразить не мог, чтобы в таком физическом и эмоциональном состоянии снова участвовать в соревнованиях, но Дэйв продолжал меня подначивать. Он не собирался позволять мне бросить борьбу и убедил меня поехать тем летом на тренировки Мировой команды США, которые проходили в Айова-Сити. Я поехал, хотя и не был уверен, что делаю то, что хочу делать. Мы оба вошли в команду, причем для того, чтобы завоевать место в команде, мне пришлось одержать победу над Дюэйном Голдманом.

Мы с Дэйвом окончили Университет Оклахомы, получив степени по науке тренировок. Не знаю, как обстоят дела в большинстве высших учебных заведений теперь, но в те времена словосочетание «научные тренировки» было более академичным названием физкультуры. Обычно я говорил, что на самом деле моя основная научная дисциплина – физическая подготовка.

Если б мы выбрали астрофизику и выучили намного больше того, чем изучили, мы бы не стали такими хорошими борцами. Но причиной нашего появления в Университете Оклахомы было не образование, а борьба. Хотя после университета мы как астрофизики получали бы больше.

У бывших борцов-студентов, желавших продолжить карьеру в вольной борьбе, было немного вариантов. Общим путем для них были попытки пристроиться помощником тренера в каком-нибудь колледже. За такую работу платили мало, но, по крайней мере, у борцов было место для тренировок и спарринг-партнеры.

Возможности пристроиться помощниками тренера в Оклахоме у нас не было. Тренер Абел сказал, что не возьмет нас потому, что мы – не командные игроки. Он был прав, по меньшей мере в отношении меня. Да интервью, которое я дал телевидению, не способствовало нашим перспективам получить работу у Абела.

Впрочем, Крис Хорпел сделал нам предложение поработать с ним в Стэнфорде тренерами.

У меня не было никакой привязанности к Университету Оклахомы и уж тем более не было причин оставаться там. Я раздал другим борцам все мои пожитки, кроме одежды, которую можно было уместить в одной сумке, сел на мотоцикл «Хонда-400» и уехал.

Примерно в полумиле к западу от Оклахома-Сити я съехал на обочину Сороковой межштатной автострады, заглушил мотор мотоцикла и оглянулся на лежавший на горизонте город. Я простоял там минут двадцать, размышляя о времени, которое я провел в этом штате, о моем обязательстве отдать борьбе, если потребуется, жизнь. Умереть, пытаясь что-то сделать, – более приемлемый вариант, чем неудача.

«Сделай или сдохни», не так ли?

Четырьмя годами позже я еще выступал, причем все три года становился чемпионом. 44 финальные схватки я выиграл, будучи студентом Университета Оклахомы. Одержав в моем последнем сезоне 27 побед и не потерпев ни одного поражения, я, весь в университетских цветах – малиновом и белом – побил рекорд университета, добившись больше всего побед без единого поражения, и этот рекорд продержался 17 лет. В родных стенах я никогда не терпел поражения и брал реванш за все поражения, которые мне наносили выдающиеся противники.

Довольный тем, что все мои демоны изгнаны, я снова сел на мотоцикл и направился домой.

* * *

Нам с Дэйвом удалось найти домовладельца, который сдал нам комнаты по отличной цене. Это был наш отец. И его дом. Дэйв с женой заняли одну комнату наверху, я занял другую. Было здорово снова оказаться под одной крышей с братом.

Когда чиновники Союза любительского спорта, время которого как организации, управляющей борьбой в США, подходило к концу, разместили меня в одном номере с Дэйвом и его женой на чемпионате мира по борьбе 1983 года в Киеве, СССР, эти условия не показались нам удобными.

Мне пришлось уйти, когда за несколько месяцев до поездки в Россию утром в день финалов чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта наш номер заполонили приятели Клинтона, но в Киеве я был лишен и такого варианта. Мне надо было жить или в отдельном номере, иди делить номер с борцом, с которым не приехала жена или подружка. Это был *чемпионат мира*, а мы были членами *сборной США*, а не сборной какой-то заштатной маленькой страны, которые были счастливы уже потому, что попали в Киев. Будь у меня деньги, я бы заплатил за собственный номер в течение всего чемпионата.

Мне был нужен спокойный, тихий номер, нужна была комната, в которой можно было устраивать полный мрак,

комната, где я бы мог валяться на кровати перед схватками и консервировать энергию, готовясь к поединкам. Комната, где я бы мог вволю отдыхать между схватками.

Мне не дали того, что мне было нужно.

Таймураз Дзгоев из Советского Союза, который, в конце концов, стал чемпионом мира, одолел меня с ничтожным преимуществом в два очка. В Киеве я одержал две победы и потерпел два поражения, заняв седьмое место.

Удрученный проигрышем, я задавался вопросом, будет ли у меня еще шанс завоевать титул чемпиона мира. Я только начал заниматься вольной борьбой и не мог предположить, что войду в состав другой сборной, отправляющейся на чемпионат мира или на Олимпийские игры.

Дэйв вышел в финал в своем весе и поначалу проигрывал Тараму Магомадову со счетом 4:0. В течение первой половины поединка я желал Дэйву поражения – из-за того, что нас неудачно разместили в гостинице. Но во время схватки во мне что-то щелкнуло, и я поменял мнение на противоположное: я стал желать Дэйву победы. Зная, что Дэйв лучше его русского противника, вскочил со своего места, подбежал к краю ковра и закричал Дэйву: «Прикончи его!» Возможно, это было простым совпадением, но в тот самый момент в схватке произошел перелом в пользу Дэйва, и он начал побеждать, закончив поединок со счетом 7:4.

Я радовался за Дэйва, но очень жалел о своем проигрыше. Позднее я сказал Дэйву: то, что меня сунули в один номер с ним и его женой, было несправедливо. Я обезумел, был подавлен, и у меня было чувство, что меня слегка предали.

* * *

Хотя Хорпел и дал работу мне и Дэйву, я никогда не понимал отношения Хорпела ко мне. У меня было сильное ощущение того, что он пытался поставить меня ниже Дэйва. После Мирового чемпионата 1983 года я почувствовал, что Крис смотрит на меня как «на младшего и менее успешного брата Дэйва». Мне это страшно не нравилось. Ведь я был *троекратным* чемпионом Национальной ассоциации студенческого спорта. А Дэйв завоевал такой титул лишь однажды. Но Дэйв был чемпионом мира, и Крис, очевидно, придавал этому больше значения, поскольку он представлял Дэйва людям как чемпиона мира, но ни слова не говорил о моих титулах, заработанных на студенческих соревнованиях.

Как-то наша команда Стэнфордского университета поехала на турнир в Вашингтон. Мы играли в мяч у бассейна в доме одного бывшего питомца Стэнфорда, и я пропустил легкий мяч. Крис сделал какое-то замечание, в конце которого назвал меня «пока еще борцом». Крис ни разу не завоевывал титул чемпиона Национальной ассоциации студенческого спорта, а потому я быстро ответил: «Лучше быть пока еще борцом-чемпионом, чем борцом, который никогда чемпионом не был».

Возможно, Хорпел пытался подхлестнуть меня, дать мне стимул. Не знаю. Я просто старался не думать о моем восприятии отношения Криса ко мне. Я не хотел разрешать кому-то лезть ко мне делами или словами. Моя философия сводилась к формуле «Прости всем грехи их». Необязательно ради них, а потому, что я не хотел, чтобы разные тяготы, которые я не должен был нести, тянули меня вниз. Одни уже соревнования были достаточно тягостными.

На следующий год мы поехали на Открытый чемпионат США в Стилуотер, штат Оклахома, где Дэйв и я завоевали титулы чемпионов по вольной борьбе. Я вел арендованную машину в аэропорт Оклахома-Сити. Хорпел сидел на пассажирском месте, а Дэйв – на заднем сиденье.

Крис спросил меня: «Так что испытывает победитель национального чемпионата?»

Я собирался было сказать: «Облегчение», но прежде, чем ответить, я задался вопросом: «А какого ответа ожидает от меня Крис?»

Ожидает ли Крис, что я скажу: я счастлив? Ну да, я был счастлив. Но если бы я сказал Крису об этом, он мог подумать, что я и не рассчитывал на победу. А если я не рассчитывал на победу, я бы не участвовал в турнире. Я не соревновался на турнире. Я поехал на открытый чемпионат США для того, чтобы одержать там победу. В Стэнфорде моим основным партнером по тренировкам и спаррингам был Дэйв. В пересчете на фунт веса он был величайшим борцом в мире, и мы были примерно равны в то время. Моя победа в чемпионате не должна была быть неожиданной. Я не был удивлен тем, что победил. Меня удивило бы поражение, потому что я рассчитывал на победу. Потом до меня дошло, как надо ответить на вопрос Криса.

Как я ощущал себя чемпионом?

Я ответил: «Ощущаю себя естественно».

Крис расхохотался. По его лицу было видно, что он не ожидал от меня такого, так что я думаю, что нашел наилучший ответ.

* * *

В те времена квалификация в олимпийскую сборную США была сложнее, чем в более позднее время. Чтобы попасть в сборную, мне было необходимо пройти через 13 поединков. Как бы странно это ни звучало, но для того, чтобы принять участие в квалификационном турнире, надо было пройти квалификационные соревнования. Открытый чемпионат США по борьбе считался квалификационным турниром, и мы с Дэйвом заслужили право участвовать в квалификационном турнире за места в олимпийской сборной. Мы оба одержали победу и на том турнире. Наградой для шести борцов, занявших шесть первых мест в каждой весовой категории, был кусок дерева, на котором было выведено слово «Участник». Таков был мой приз за победу в одном из самых напряженных национальных турниров в моей жизни.

Если не говорить о награде, то победа поставила Дэйва и меня на вершину лестницы, ведущей к квалификационным соревнованиям за место в сборной, которая должна была представлять США на Олимпийских играх 1984 года в Лос-Анджелесе. В «лестничной» системе борцы, посеянные четвертыми, пятыми и шестыми, принимали участие в мини-турнире, по итогам которого определялось, кто займет четвертое место в команде. Посеянный третьим борец встречался с двумя лучшими борцами мини-турнира и в случае победы над ними получал право на три схватки с борцом, посеянным под вторым номером. Я, посеянный, как и Дэйв, под первым номером, должен был ждать того, кто побеждал в серии предварительных схваток, и потом проводить с ним три поединка за место в олимпийской сборной.

В категории Дэйва в финал вышел троекратный чемпион мира Ли Кемп. Дэйв одолел его в двух встречах. В течение одного года Дэйв одержал победу над Кемпом на Открытом чемпионате США и квалификационном турнире. Не могу сказать, что был удивлен: Дэйв отлично выступал в вольной борьбе, но все же это было впечатляющим достижением.

Моим противником в финале был Дон Шулер. Схватка с ним тоже была повторной: я уже побеждал его в финалах Открытого чемпионата США и квалификационных соревнований. Первую схватку я выиграл со счетом 7:2. Но во второй схватке победил уже Дон – с таким же счетом. В третьем (и решающем) поединке я одержал победу за счетом 4:2, заслужив место в олимпийской сборной США рядом с братом.

В мае, за три месяца до Олимпийских игр, советские

чиновники объявили о том, что СССР будет бойкотировать игры в Лос-Анджелесе. В течение нескольких следующих дней к бойкоту присоединились еще 13 стран восточного блока. В качестве причин решения о бойкоте в СССР называли озабоченность безопасностью своих спортсменов в США.

Все в мире знали, что подлинной причиной советского бойкота было возмездие за решение президента Джимми Картера возглавить бойкот Олимпийских игр 1980 года в Москве в знак протеста против советского вторжения в Афганистан (в том бойкоте участвовали 62 страны).

Борьба была одним из видов спорта, на котором объявленный странами восточного блока бойкот сказался сильнее всего, поскольку русские и болгары, которые тоже решили бойкотировать игры в Лос-Анджелесе, всегда выставляли мощные команды борцов.

Наш вид спорта – один из тех, на которые многие болельщики обращают внимание раз в четыре года, когда проходят Олимпийские игры. Из-за бойкота публика считала, что команда США должна одержать победу в вольной борьбе с огромным преимуществом. Но большинство не понимало того, что хотя бойкот определенно понизил уровень соревнований в целом, напряженность борьбы между всеми командами отнюдь не снизилась.

В весовых категориях, в которых выступали я и Дэйв, а также в весовой категории 125,5 фунтов, в которой выступал Барри Дэвис, собрались достойные борцы. В категории Барри выступал двукратный чемпион мира японец Хидеяки Томияма. Единственной категорией, в которой, как я думал, было еще больше сильных борцов, чем в категории Барри, была категория Дэйва – 163 фунта. Ему предстояло бороться с Мартином Кноспом, чемпионом мира 1981 года из Западной Германии. Весовая категория Дэйва была настолько же законной, как и все прочие олимпийские весовые категории. В моем весе 180,5 фунтов[18] должен был выступать действующий чемпион Европы турок Решит Карабаджак. По оценкам, в моем весе должна была развернуться третья по напряженности борьба.

Возможно, конкуренция и не была такой острой, какой она обычно бывает на Олимпийских играх, но в тех трех категориях, в которых боролись Дэйв, я и Барри, состязания были очень суровыми, самыми суровыми на тех играх. Несмотря на то что уровень конкуренции во всех десяти весовых категориях был разным, от американских борцов ожидали одинаковых успехов во всех категориях.

Что касается моего веса, то в нем вызванное бойкотом

снижение уровня борцов было минимальным, а побед от нас требовали безусловно. Никаких гарантий моей победы над Карабаджаком, разумеется, не было, но поражение на Олимпийских играх 1984 года было бы более унизительным, чем поражение на любых других Олимпийских играх.

Для меня ситуацию усложнила проблема, возникшая в тренировочном лагере олимпийской сборной. Я попросил мою подружку Терри пожить со мной в лагере. Поначалу все шло хорошо: присутствие Терри успокаивало меня. Откровенно говоря, Терри была горячей штучкой, настолько ошеломляюще роскошной, что другие парни были обворожены ею. По-видимому, женам некоторых борцов не нравилось, что Терри живет в лагере, и они пожаловались администраторам из Американской ассоциации борьбы, которая управляла борьбой в США. Жены настаивали на том, что в лагере могут проживать только законные супруги, а не невесты и подружки.

Администраторы собрались на неформальное заседание, на которое были приглашены борцы, их жены и тренеры. В повестке дня стоял единственный вопрос: следует ли Терри разрешить остаться в лагере? Наш главный тренер Дэн Гэбл начал собрание обращенными ко мне словами: «Поступили жалобы на то, что ты и Терри не являетесь мужем и женой».

Я подумал: «Да кого это касается?»

– Мы решили, что если ты и Терри неженаты, – продолжил Дэн, – ей следует покинуть лагерь.

– Чудно. Просто замечательно, – сказал я. – Но мы женаты.

– Вот оно как, – откликнулся Дэн.

На том собрание и закончилось. Терри осталась в лагере.

Испытывая растущее давление вызванных бойкотом ожиданий и связанного с Терри раздражения во время моего приближения к высшей точке тренировок, я чувствовал себя так, словно против меня сговорились все силы вселенной.

Глава 09
Золотой миг

Летние Олимпийские игры 1984 года в Лос-Анджелесе были первым повторением события, впервые произошедшего в Лос-Анджелесе в 1932 году. Лос-Анджелес обошел Нью-Йорк и завоевал право стать столицей Олимпийских игр в заявке на возвращение игр в США. Впрочем, оба города стали начальным и конечным пунктом эстафеты Олимпийского огня, которая, начавшись в Нью-Йорке, продолжалась 82 дня. В течение этого времени маршрут эстафеты длиной 9000 миль прошел по 33 штатам. Эстафета завершилась в Лос-Анджелесе на торжественном открытии Олимпийских игр. Во время этой церемонии президент Рональд Рейган официально открыл игры в своем родном[19] штате.

В предолимпийских разговорах доминировала тема бойкота. Поскольку страны возглавляемого СССР восточного блока не участвовали в играх, от команды США ожидали огромного отрыва от оставшихся соперников и дождя медалей.

Американцы ожидали олимпийского дебюта суперзвездного спринтера и прыгуна в длину Карла Льюиса. Прыгун в воду Грег Луганис должен был получить возможность подтвердить свою серебряную медаль, полученную на Олимпийских играх 1976 года в Монреале. До бойкота игр 1980 года Луганис казался главным претендентом на олимпийскую золотую медаль (а то и на две золотые медали). Что касается спортсменов из других стран, то огромный интерес вызывал пловец из ФРГ Михель Гросс, получивший кличку Альбатрос из-за фотографий, на которых Гросс поднимал из воды свои невероятно длинные руки. А еще была мужская баскетбольная команда США, завоевавшая золото на всех прежних Олимпийских играх, кроме двух – игр 1972 года, на которых она потерпела весьма спорное поражение от команды СССР, и игр 1980 года, бойкот которых лишил баскетболистов США возможности одержать победу. Это было еще до появления «команды мечты», когда спортсменам-студентам еще доверяли ответственность поддерживать господство американцев в придуманной в США игре. В составе выступавшей в 1984 году команды были Майкл Джордан, Патрик Юинг и Крис Маллин – и все трое через 8 лет станут игроками «команды мечты».

В то время как весь мир пристально следил за государственными расходами на организацию Олимпийских игр, игры в Лос-Анджелесе под руководством Питера Юберрота были

первыми, которые финансировались за счет частных средств. Организаторы отказались от тенденции принимающих игры стран строить новые спортивные сооружения для Олимпийских игр, а потом ломать головы над тем, что делать с огромными сооружениями после их окончания. Хотя Лос-Анджелес принимал игры, для соревнований использовали спортивные объекты, которые уже были построены в южной Калифорнии.

Вместо того чтобы строить Олимпийскую деревню, которая стала бы домом для всех спортсменов, были использованы студенческие городки трех университетов – Южнокалифорнийского, Калифорнийского университета Лос-Анджелеса и Калифорнийского университета Санта-Барбары на побережье Тихого океана.

Борцов разместили в студенческом городке Южнокалифорнийского университета. Помню, что когда мы приехали туда, я заметил преобладание пастельных цветов. Но кроме красок, я пренебрег многим из олимпийского убранства Южнокалифорнийского университета и многим из того, что происходило вокруг меня. Мне предстояла война, и обстановка была вполне военной.

Чтобы получить удостоверения личности, нам пришлось строиться в шеренгу и проходить через металлоискатель. У выдававшей мне удостоверение девушки был мультимедийный носитель информации, и она просила спортсменов расписываться рядом с своими фотографиями. Она открыла страничку с указанием моего веса. Крис Ринке, канадец, считавшийся третьим по мощи борцом, поставил подпись под фотографией.

– Вижу, Ринке расписался, – сказал я девушке.

– Да, – ответила она. – И сказал, что победит. Он был совершенно серьезен.

В лицо мне так бросилась кровь, что лицо стало гореть. Я уже мог сказать, что следующие две недели не будут приятным развлечением. До того я участвовал только в трех международных соревнованиях: турнире Кубка мира 1982 года, чемпионате мира 1983 года и Панамериканских играх 1983 года. Я завоевал Кубок мира, но Ринке одолел меня на Панамериканских играх, и это был наш единственный поединок.

Продлившийся пять дней олимпийский турнир по вольной борьбе начался лишь на десятый день игр, продолжавшихся 15 дней. Турнир по греко-римской борьбе начался через два дня после церемонии открытия, которой я даже не мог насладиться из-за того, что меня ожидало впереди. По мне, было бы хорошо, если бы нас поменяли местами с борцами греко-римского стиля, и я, пройдя состязательную часть, наслаждался бы жизнью в

олимпийской деревне.

Турнир по греко-римской борьбе завершился в самом конце первой недели игр. Американские борцы греко-римского стиля никогда прежде не завоевывали олимпийские медали, но в тот год наши парни (Джефф Блатник и Стив Фрейзер) завоевали два золота, серебро и бронзу. В ту пятницу в Олимпийской деревне гуляли: повсюду танцевали счастливые борцы. Я хотел присоединиться к праздновавшим, но не позволил себе этого, поскольку чрезмерное веселье до соревнований могло причинить мне психологический вред.

Кроме того, беспрецедентный успех борцов греко-римского стиля усиливал напряжение, которое испытывали мы, борцы-«вольники».

Большую часть времени перед началом турнира я проводил, тренируясь и поглощая пищу. А еще я спал, чтобы сэкономить энергию. В Олимпийской деревне для спортсменов были установлены бесплатные видеоигры. Если вы думаете, что это было источником удовольствия, то скажу, что для меня игры не были ни развлечением, ни удовольствием.

Однажды я играл в видеобокс, и тут Стэн Джейджич, менеджер нашей команды, бывший бронзовый призер Олимпийских игр и тренер национальной команды, начал смотреть на игру из-за моего плеча. Следующим противником, появившимся на экране, был «Турок». Решит Карабаджак, турок, считался первым в моей весовой категории.

– Эй, Марк, вот и турок, – пошутил Стэн.

Я не рассмеялся. Собственно, я вообще никак не отреагировал на шутку Стэна. Ничто меня не радовало и не будет радовать до конца соревнований. Я не говорил о противниках или возможных противниках перед матчами и не собирался обсуждать со Стэном Карабаджака.

Я думал: «*Это – не его дело. Это моя жизнь. В истории происходит что-то непоправимое. Навечно. Стэн посмеивается над этим, а для меня это – серьезное дело. Если я проиграю кому-нибудь, включая турка, я не смогу называться олимпийским чемпионом*».

Я проигнорировал Стэна, и он ушел. Закончив игру, ушел в свою комнату и я.

За два дня до начала соревнований по вольной борьбе Дэн Гэбл перевел нашу команду из Олимпийской деревни в мотель 6, который находился менее чем в полумиле от места соревнований борцов, Конвент-центра Анахайм. Так нам не надо было ждать автобусов, и у нас был легкий доступ к весам: мы могли тренироваться и сбрасывать вес, когда хотели.

На следующий день в нашу гостиницу пожаловала моя дорогая мамочка, которая спросила, не хочу ли я сходить в Диснейленд и немного перекусить. До соревнований, которые я уже стал ощущать как самый напряженный турнир в моей жизни, оставался один день, а она думала, что я могу думать о еде и развлечениях? Ох, мама!

Взвешивание происходило за два часа до соревнований. Тогда же происходила жеребьевка в группах из восьми борцов. Каждый борец после взвешивания подходил к ведру и вытаскивал оттуда пластиковое яйцо, в котором находился его номер. Я вытащил номер 6, что означало, что в первом туре мне предстоит бороться с номером 8. Восьмой номер вытянул турок!

Я был ошеломлен: борцам, считавшимся главными претендентами на золото, предстояло сразиться в первом же туре. Через два часа состоится мой дебют на Олимпийских играх, и он станет, в сущности, матчем за олимпийское золото.

Я был до смерти напуган. Вернулся в номер гостиницы и рассказал подружке о результатах жеребьевки.

– Ты ужасно выглядишь, – сказала мне Терри.

Ее честность заслуживала уважения. Но в той ситуации я хотел, чтобы она не была честной.

Я стоял перед зеркалом и рассматривал себя так, как всегда это делал после сбрасывания веса. Про такой вид борца говорят: выглядит как высосанный – впалые щеки и запавшие глаза. Я промямлил Терри что-то вроде: «Ты еще не видела меня после последнего взвешивания».

Я молился о том, чтобы последние два часа перед схваткой мои внутренние ощущения не совпадали с тем, как, по словам Терри, я выглядел. Я рухнул на краешек кровати и уставился в стену, обливаясь потом.

Хорошо, что мне не надо было ловить автобус, чтобы добраться до Конвент-центра. С моим «везением» автобус, скорее всего, сбил бы меня.

* * *

Я понимал, что, проводя первый же поединок с самым сильным борцом мира, я должен сразу же проявить все, на что способен. В первом движении схватки турок захватил мою руку снизу и свободной рукой потянулся к моей ноге. Я ответил рычаговым захватом. Я выполнял эту связку, возможно, тысячу раз, захватывая голову противника за затылок и прижимая ее к моему телу. Но на Панамериканских играх я видел, как

кубинский борец провел эту связку противнику, оставив его голову вне захвата, снаружи. Я выполнял эту связку всего несколько раз и только на тренировках. А это было самое начало главного поединка олимпийского турнира!

Победит только один – или он, или я. И я решил, что победителем стану я.

Я блокировал руку турка, сбросил его захват, поднял его рукой, которую провел между его ног, и швырнул его вверх тормашками. Я рассчитывал, что Карабаджак кувыркнется вперед, что принесет мне два балла. Вместо этого он упал на голову, неожиданно прекратив движение. Я продолжал держать его руку в захвате, и эта рука оставалась над головой Карабаджака. Я почувствовал и услышал, как у него в локте треснуло. И понял, что сломал ему кость.

Через 30 секунд поединка я бросил его на лопатки. Зрители, которые, в отличие от меня, не слышали хруст кости Карабаджака, орали от восторга. Я поднял в воздух сжатые в кулак руки и сошел ковра, не зная, что делать, поскольку турок лежал на ковре, а судья спокойным жестом вызывал на ковер врача.

Это был жуткий момент. Травмы такого рода случаются во время поединков. Я определенно не пытался травмировать Карабаджака. Травма произошла из-за того, что он упал на ковер не так, как я думал, а я держал его руку в захвате. Но опять же, я не мог проявлять какую-либо слабость на ковре. Борьба – мужская игра. Странные травмы (у тебя и у противника) всегда возможны. В борьбу заложено взаимное соглашение противников о том, что они будут пытаться причинить друг другу боль. Каждый борец рискует получить травму. Я получил травм столько, что сбился со счета, и в числе этих травм было много переломов. Думаю, что, будучи травмированным, я боролся чаще, чем без травм.

Когда Карабаджак получил травму, я не мог из-за этого выйти из боевого настроя. Ведь мне предстояли еще четыре схватки.

Я понимал последствия случившегося. Самый главный противник выбыл из турнира и не сможет вернуться, чтобы продолжить борьбу за золотую медаль.

В схватке, которая состоялась перед моим поединком с Карабаджаком, Дэйв, укладывая на спину своего противника-югослава, травмировал ему колено. Международным органом, регулирующим борьбу, является Международная федерация объединенных стилей борьбы, сокращенно – ФИЛА.

Главой этой организации был Милан Эрцеган, родом из Югославии. Он только что своими глазами видел, как в последовавших один за другим поединках американцы братья

Шульц сначала положили на лопатки и отправили на больничную койку его соотечественника, а потом вывели из турнира другого борца. Эрцеган поручил исполнительному директору федерации Марио Залетнику следить за нашими дальнейшими поединками в качестве четвертого должностного лица.

В следующем матче я в тот же вечер победил итальянского борца под пристальным наблюдением дополнительного судьи. Ожидая взвешивания, я прошел на трибуну, чтобы вместе с матерью посмотреть на схватку Дэйва. Я находился там, когда диктор объявил: «Результат схватки Марка Шульца с турецким борцом аннулирован. Марк Шульц дисквалифицирован».

Сидевшая рядом со мной мать пришла в возбуждение.

– О боже, – воскликнула она. – О, господи боже!

– Это ничего не значит, – сказал я ей, поднялся и вышел.

Турки опротестовали мою победу и требовали моей дисквалификации. После просмотра видеозаписи нашего поединка меня дисквалифицировали за «чрезмерную жестокость».

Я понимал, что это решение слагается из двух частей. Вопрос первый: так я выиграл эту схватку или проиграл ее? Вопрос второй: меня вышибут из турнира или нет? Поскольку диктор сказал, что я дисквалифицирован лишь в этой схватке, я понял, что могу продолжать бороться и выиграть золото.

С технической точки зрения туркам не должны были разрешать заявлять протест, поскольку они заявили его через два часа после того получасового периода, когда можно заявлять протест. Собственно говоря, ФИЛА поначалу отклонила заявленный турками протест, но потом передумала и постановила дисквалифицировать меня. Если бы турки заявили протест в соответствии с регламентом, меня бы выставили из турнира.

Проведенная мной связка была незаконной. Я этого никогда не отрицал. Но это не было умышленным нарушением правил, и я определенно не стремился изувечить Карабаджака. В тот вечер я не общался с журналистами, но Гэбл дал репортерам хорошее объяснение. Поскольку я поднял руку Карабаджака на 90 градусов, прием был законным. То, как турок упал, заставило меня поднять его руку больше чем на 90 градусов. Подъем руки турка на 91 градус сделал проведенный мной прием незаконным и подпал под решение о «чрезмерной жестокости».

Я уважал Дэна. Хотя я победил трех его питомцев из Айовы в финалах Национальной ассоциации студенческого спорта, у меня никогда не было ощущения того, что он меня недолюбливал.

– Борьбу пытаются превратить в спорт для неженок, – жаловался мой брат.

Я слышал, что турецкое правительство обещало Карабаджаку деньги, собственность или что-то в этом роде, если тот завоюет золото на Олимпийских играх. В одной опубликованной в турецкой газете статье были приведены слова Карабаджака о том, что я боролся нечестно. Через несколько лет я беседовал с журналистом, который сказал, что вскоре увидится с Карабаджаком. Я расписался на футболке для Карабаджака и написал коротенькое письмо, в котором сказал, что не хотел его травмировать и хотел бы дружить с ним. Но с тех пор никогда не получал от него вестей и даже не знаю, подошла ли ему футболка.

* * *

Получив дисквалификацию, я понимал, что не могу проиграть в двух следующих поединках и должен постараться завоевать золотую медаль. Моим следующим противником был Крис Ринке, тот самый самоуверенный малый из Канады.

После того как первый период закончился с равным счетом 2:2, я начал второй период с того, что бросил Ринке на ковер и взял его на ключ. За тэйкдаун рефери дал мне балл, за болевой прием – два балла. Табло показывало, что я веду со счетом 5:2. В вольной борьбе, если схватка заканчивается с ничейным, равным результатом, дополнительное время называют условным. Если каждый заработанный балл учитывают как один балл, побеждает борец, который провел результативное действие последним. То же самое происходит, если оба борца проводят приемы, приносящие по два балла, – побеждает тот, кто провел зачетный прием последним.

В тот момент я опережал Ринке на три балла и заработал последние два балла. Мог отдать Ринке три тэйкдауна и все же выиграть в условное время.

Отстававший на три балла Ринке стал бросаться на меня как сумасшедший, и я получил последнее предупреждение за уклонение от схватки. Я не мог позволить себе еще одного предупреждения.

Я глянул на табло и увидел, что веду со счетом 4:2, а не 5:2. Судьи у ковра пересмотрели решение рефери и за ключ дали мне не два балла, а один балл. Это рушило мои расчеты в отношении того, сколько очков мне нужно для победы. Я подумал, что могу отказаться не от трех, а от двух тэйкдаунов, и все же выиграть в дополнительное время. Но я не учел того, что снятое с меня очко превращало мое превосходство в один балл. Если бы я отдал два

тэйкдауна, я бы проиграл в дополнительное время.

Пока я производил в уме все эти вычисления, мы продолжали бороться, и рефери кричал: «Пассивность красного!» – называя меня по цвету моего трико. Во время моего замешательства Ринке резко провел как раз тот захват снизу, который применил Карабаджак при попытке захватить мою ногу. Но, в отличие от турка, Ринке выполнил прием четко и заработал тэйкдаун. Мое превосходство сократилось до счета 4:3.

Это придало Ринке сил. У него оставалась целая минута для того, чтобы или сделать тэйкдаун, или дождаться, когда мне влепят предупреждение за пассивность. В обоих случаях он победил бы при равенстве очков. Однако я продолжал думать, что могу допустить тэйкдаун и выиграть в дополнительное время.

Ринке сидел на мне, пытаясь перевернуть меня. Ему не удалось сделать это, и рефери вернул нас в нейтральную позицию. Я выбрал лимит предупреждений за пассивность, и когда рефери крикнул: «Пассивность красного!», я понял, что вот-вот получу штраф за пассивное ведение схватки. В отличие от большинства борцов, с которыми я встречался, Ринке выбрал возобновление схватки в положении стоя. Он понимал, что у него выше шансы заработать балл в этом положении.

Меня изучал не только Ринке, но и Джим Хамфри. Хамфри, ранее бывший одним из младших тренеров в Оклахоме, наняли главным тренером сборной Канады по вольной борьбе. Джим лучше, чем кто-либо, знал мой стиль и то, как искусно я не даю перевернуть себя, когда лежу на ковре, оседланный противником. Меня шокировала мысль о том, что в лагере соперников есть человек, хорошо знающий меня. Я уверен, что Джим посоветовал Ринке не пытаться перевернуть меня из нижней позиции.

Мне надо было соображать быстро. Я полагал, что рефери настроены против братьев Шульц и ищут основания для того, чтобы вывести меня из турнира. Мне надо было сделать хоть *что-нибудь*. И я решил атаковать ноги Ринке и дать ему повалить меня на ковер, что позволило бы скоротать время до конца схватки. И я бросился даже без подготовки. Бросок был ужасный. Я едва коснулся ноги Ринке.

Ринке раскинул руки и сомкнул их, взяв меня в передний захват. Я ожидал, что он зайдет сзади, но положение, в котором мы оказались, заставило меня изменить планы. В моем арсенале был прием, остановить который было невозможно. Прием этот – «утиный нырок». Вместо того чтобы обороняться, я решил атаковать. Я знал, что мой «утиный нырок» принесет мне балл и даст мне больше времени для уклонения от схватки, если мне придется отдать еще один тэйкдаун.

Я опустился на четвереньки и опустил голову. Ринке держал захват достаточно долго для того, чтобы я нащупал слабое место в этом захвате. Тогда я резко и со всей силы поднял голову и опустил бедра. В тот же миг Ринке понял, что я начинаю атаку, и выпустил меня из захвата. Но было поздно. Через полсекунды я уже был у него за спиной. Счет стал 5:3, время схватки истекло, и я, несмотря на замешательство, одержал победу.

А потом я победил в малодраматичной полуфинальной схватке борца из Новой Зеландии со счетом 16:5.

* * *

Дэйв провел свой матч за золотую медаль за день до того, как золото завоевал я. Противником Дэйва был Мартин Кносп, чемпион мира 1981 года, дважды одержавший победу над Ли Кемпом на последнем чемпионате мира.

Судьи внимательно следили за захватом Шульцем головы и руки противника спереди, и во время трех предыдущих схваток особый боковой судья трижды предупреждал Дэйва об удержании шеи противников. Впрочем, предупреждение за то же самое один раз было сделано и противнику Дэйва.

Всякий раз, когда Дэйв делал Кноспу захват головы, рефери прерывал схватку. Один раз, когда рефери вмешался и приказал Дэйву отпустить голову немца, тот упал на спину, словно задыхаясь. Таким образом, Кносп пытался спровоцировать штраф Дэйва. Но разыгранный им спектакль не дал результата.

Хотя Дэйва лишили одного из его лучших приемов, за полторы минуты до конца поединка он все-таки вышел вперед на один балл, а за десять секунд до конца схватки заработал еще два очка, бросив Кноспа на ковер. Он одержал победу со счетом 4:1

Я смотрел этот поединок, но радоваться золотой медали брата не мог. На моих плечах лежало тяжкое бремя, и все, что я мог себе позволить перед финалом, который должен был состояться на следующий день, было сосредоточение на том, что надо сделать для того, чтобы не потерпеть поражения.

Моим последним противником был японец Хидеюки Нагасима, одержавший победу в группе А. Я посмотрел один его матч, и, честно говоря, его борьба меня не впечатлила. Трое лучших борцов попали в группу Б – Карабаджак, я и Ринке. Я знал, что если соберусь перед финальным поединком, то смогу вернуться домой с золотой медалью.

По первому же свистку я набросился на Нагасиму и случайно ударил его головой в лицо. На четвертой секунде он взял тайм-

аут, чтобы оправиться от полученного удара. Перед схваткой я обдумал, какие приемы применю против Нагасимы. Использовав предплечье как при игре в американский футбол, я сделал нырок, захватил его ногу за верхнюю часть бедра и повалил его на ковер, а потом взял его на ключ, проведя болевой прием. Это позволило мне повести в счете 4:0.

Нагасима поставил меня в трудное положение лишь однажды, когда попытался сделать захват моей головы, но захват соскользнул. За исключением этого момента я доминировал весь матч, но матч завершился досрочно. Через минуту и 59 секунд первого периода при счете 13:0 матч был прекращен в связи с моим техническим превосходством.

И я исполнил мое коронное сальто назад!

Я еще переводил дух, когда рефери поднимал мою руку, руку победителя. Мы не боролись и двух минут, но за 26 секунд я стремительной серией приемов заработал 8 очков. Впрочем, я не слишком устал и мог исполнить коронный кувырок назад. После того как рефери поднял мою руку, я выбросил сжатый кулак, посылая приветствие американским болельщикам, обнял Нагасиму и пожал руки его тренерам. Потом прошел в свой угол и сделал еще одно сальто. А почему нет? Золотая медаль Олимпийских игр стоит двух кувырков, не так ли?

После моей победы мы с Дэйвом стали первыми в истории борьбы в США братьями, завоевавшими золотые олимпийские медали. Но ненадолго, потому что в следующем за моим поединке Лу Банак завоевал золото. Как и Дэйв, его брат Эд выиграл золото днем раньше.

Хотелось бы сказать, что, одержав победу, я был вне себя от счастья. Но это было бы неточно. Телевизионную трансляцию того матча можете посмотреть на YouTube. Когда я смотрел трансляцию, я заметил, что до перерыва на рекламу я ни разу не улыбнулся. Самым сильным чувством, которое испытывал я, было чувство облегчения. Оно пришло не в самый момент награждения золотой медалью (об этом моменте мечтают спортсмены), но сила притяжения слегка отпустила меня.

Церемония награждения оказалась довольно странной. Единственное, что отличает золотых медалистов от тех, кто завоевал серебро и бронзу, то, что обладатель золотой медали слушает исполнение национального гимна своей страны. В университете я испытывал эмоциональный подъем, слушая гимн перед матчами. Я использовал этот подъем для того, чтобы психологически настроиться на борьбу. При моем низком показателе потребления кислорода мне приходилось находить способы вызывать приток адреналина, и все, что я мог

использовать для повышения эмоционального настроя, было необходимым оружием, висящим у меня на поясе. Но исполнение гимна на Олимпийских играх после того, как я закончил борьбу, оказало совершенно другой, необычный эффект. Во время исполнения гимна, который пели болельщики-американцы, и подъема звездно-полосатого флага над ареной я просто не знал, какие чувства должен испытывать.

Впервые я осознал важность последнего матча в ванной. Как и после того, как я победил на чемпионате штата Калифорнии 1978 года, я ушел в ванную, чтобы несколько минут побыть одному. Мой путь к олимпийскому золоту был не таким, как у других борцов (не говоря уж о том, что мой путь был интереснее благодаря дисквалификации и возвращению в турнир после первого поражения). Я не знаю, так ли это и теперь, но мне сказали, что я – один из двух борцов в истории Олимпийских игр, которые проиграли поединки, но все же выиграли золото.

Когда посмотрел на свое отражение в зеркале, я увидел человека, которому было даровано чудо. Была дисквалификация, вокруг матча были споры, после которых во время дальнейших поединков за Дэйвом и мной внимательно следили. Затем мне пришлось мобилизовать все имевшиеся у меня физические и эмоциональные силы для того, чтобы победить Криса Ринке. Он бился отчаянно.

Теперь – о сравнениях меня с Дэйвом. Как и многие другие, я еще до турнира знал, что Дэйв завоюет золото. На Олимпийских играх он был единственным действующим чемпионом мира и в 1984 году находился в отличной форме. В тот год никто из приехавших (и не приехавших) в Лос-Анджелес борцов не смог бы одолеть Дэйва.

Но не думаю, что Дэйв был уверен в моей победе. В том, что я одержу победу, не был уверен и я сам. В тот год я показывал нестабильные результаты. Иногда боролся великий Марк Шульц, а иногда – Марк Шульц-неудачник. И на самой большой борцовской арене, неся на плечах тяжелейшее бремя ожиданий американских болельщиков, собравшихся посмотреть на соревнования, которые проходят раз в четыре года, мне надо было предотвращать появление неудачника всякий раз, когда он хотел появиться без предупреждения.

Перед тем как я ушел из ванной, я точно понял одно: Господь благословил меня чудом.

В тот вечер Дэйв и я не говорили о нашей победе. Мы знали друг друга так хорошо, были так хорошо синхронизированы друг с другом, что нам не надо было обмениваться мыслями для того, чтобы понять: пройдя турнир до конца, завоевав золотые медали

и продемонстрировав упорство в борьбе, каждый из нас испытывает облегчение.

Да, в тот вечер я отпраздновал получение золота. С Дэйвом была его жена, а у меня подружка Терри, и мы с друзьями устроили вечеринку. Хорошо погуляли. Если бы за вечеринки давали золотую олимпийскую медаль, это медаль досталась бы нам.

* * *

Большая группа завоевавших олимпийские медали американских спортсменов отправилась в тур по трем городам, где спортсменам предстояло принять участие в парадах и приемах. Нас с Дэйвом включили в состав этой группы. Без него я бы и не поехал. Но турне вылилось в конфуз. Правил поведения во время полетов не было. Например, нам не надо было пристегиваться ремнями безопасности. Во время одного из взлетов (а при взлете самолет задирает нос, отчего его хвост опускается) какой-то спортсмен (не знаю его имени) позировал для какого-то журнала в передней части салона и начал «скользить» по проходу. Какой-то волейболист откупорил бутылку шампанского и начал окатывать им пассажиров. Когда он добрался до меня и Терри, я в шутку швырнул его на пол.

На одном из парадов я ехал в одной машине с гимнасткой Мэри Лу Реттон, завоевавшей пять медалей, в том числе золото в личном зачете по многоборью. Мэри Лу была действительно замечательной девушкой, познакомиться с ней и провести немного времени в ее обществе было здорово. Как бывший гимнаст и золотой медалист по борьбе, я испытывал глубокое уважение к Мэри Лу за прекрасные выступления, удостоенные пяти медалей.

Хочу сказать, что тот парад проходил в Далласе. Мы с Мэри ехали во второй открытой машине, следовавшей за первой, в которой находился кто-то из городской администрации. Когда на пути парада мы достигли точки, в которой была предусмотрена короткая остановка, этот чиновник вышел из своей машины и направился к нашей. Не сказав ни слова Мэри Лу и мне, он обратился к Терри: «Должен спросить, кто вы такая». Уверяю, Терри была достаточно хороша для того, чтобы остановить парад.

Моя золотая медаль дала мне возможность познакомиться с другими выдающимися спортсменами, такими, как гимнаст Питер Видмар и бегун Эдвин Мозес. Познакомился я и с Эдом Кохом, который в то время был мэром Нью-Йорка.

Но самым волнующим моментом была встреча с президентом Рональдом Рейганом и его супругой Нэнси в отеле Beverly Hills Hilton.

У сотрудника секретной службы Боба ДеПросперо был сын Бобби, который занимался борьбой в Университете Оклахомы в то время, когда там тренировались я и Дэйв. ДеПросперо был руководителем службы безопасности Рейгана, и когда спортсмены выстраивались перед встречей с Рейганом, ДеПросперо поставил Дэйва и меня в середину очереди и крикнул: «Эй, Марк, Дэйв. Пройдите сюда!» Он провел нас за бархатные шнуры в начало очереди.

– Мистер президент, – сказал ДеПросперо, – вот ребята, о которых я вам рассказывал.

Это ошеломило меня. Кто-то рассказывал президенту США о нас? Благодаря ДеПросперо я стал первым спортсменом, представленным в тот день президенту. Мы позировали для фотографов, и я потянулся вперед, чтобы вежливо поцеловать миссис Рейган в щеку. В этот момент она повернула голову направо, и мой поцелуй попал ей прямо в губы.

Смущенный этим, я начал пробираться к выходу, поскольку не был уверен в том, что следует делать человеку, поцеловавшему первую леди в губы. Но тут во мне проснулось влияние отца-комика, и я повернулся к Рейганам.

– Я буду голосовать за вас! – сказал я.

– Скажите это громче, – ответила миссис Рейган, улыбаясь.

* * *

Олимпийским чемпионам по борьбе в качестве памятного подарка вручили официальную турнирную таблицу. Свой экземпляр я повесил на стене в квартире. Через год я посмотрел на таблицу, которая вызвала в моей памяти отдельные яркие эпизоды олимпийского турнира. Тогда-то я и осознал, что проиграл бы Ринке в дополнительное время, если бы отдал ему последнее очко, а не заработал его, сделав «утиный нырок».

Мгновенное решение перейти в атаку вместо того, чтобы осторожничать, определило исход поединка. В тот момент, с учетом того, что я неверно понимал ситуацию в матче, это решение казалось почти несущественным. Но оно навсегда изменило мою жизнь. Если бы не это решение, я бы не завоевал олимпийское золото. Это решение было самым важным из всех, какие я когда-либо делал, и я принял его в мгновение ока.

Сидя у себя в квартире, уйдя в размышления над данными

турнирной таблицы, я начал понимать, кто я такой – человек, который сражается изо всех сил независимо от результатов, который, даже проигрывая, будет биться до конца.

Я стал настоящим бойцом.

Глава 10
Стирание звездочки

Я занялся борьбой не для того, чтобы завоевывать медали.

Дэн Гэбл однажды сказал: «На самом деле золотые медали выплавлены не из золота. Они сделаны из пота, решимости и редкостного сплава, который называется силой воли». Борьба – не развлечение и не удовольствие. За многие годы я слышал бесчисленные рассказы борцов о том, как они наслаждаются борьбой. Это – не про меня. Когда я выступал, я никогда ничего подобного не испытывал.

Для меня борьба предоставляла способ стать великим бойцом. Я хотел бороться с лучшими борцами мира и побеждать их. А медали служили доказательствами того, что я стал тем, кем хотел стать.

Статус, который обретают люди, выигравшие золотые олимпийские медали, далеко выделяет их из рядов других борцов, хотя достижения многих медалистов игр 1984 года (включая и мои) порой и оспаривались. Порой казалось, блеск наших наград хотят умалить намеренно.

На Олимпийских играх 1984 года американцы впервые завоевали четыре медали в греко-римской борьбе. В вольной борьбе мы завоевали семь из десяти золотых медалей и, кроме того, две серебра. Семь наград высшей пробы – это рекорд для борцов одной страны в истории современных Олимпийских игр.

Когда Дэна спросили об эффекте бойкота, он заявил, что если бы на игры приехали советские и болгарские борцы, мы бы все равно одержали победу, по меньшей мере в четырех весовых категориях. В тот год команда США была очень сильной. Просто нам не предоставили возможности доказать нашу мощь. Меня часто спрашивают, как бы американцы выступили на играх в Лос-Анджелесе, если бы в них участвовали спортсмены всех стран. Мне до сих пор трудно найти хороший ответ на этот вопрос. Я действительно не знаю, каким бы оказался расклад, если бы в тех играх участвовали русские и болгары. Ответ на этот вопрос никогда не будет дан.

Впрочем, я знаю, что бойкот Олимпийских игр 1984 года привлек гораздо большее, чем обычно, внимание к следующему чемпионату мира по борьбе, который собрал всех сильнейших.

Сначала в 1985 году состоялись соревнования за Кубок мира в Толедо, штат Огайо, которые были разрекламированы как состязания лучших команд всех континентов. Исключение

составила только Южная Америка – борцы оттуда не приехали. В борьбе за выход в финал я одолел Криса Ринке со счетом 10:0, а в финале выступил против Владимира Модосяна, четырехкратного чемпиона соревнований в Тбилиси. Модосян был самым сильным противником из всех, с кем мне приходилось бороться. И самым волосатым. Его тело было так густо покрыто волосами, что я называл его «волосатым парнем».

Модосян победил меня со счетом 9:1. Дэйв выиграл свой финальный поединок, но в командном зачете советские борцы одолели нас со счетом 7:3.

Я получил памятную табличку за второе место. Покидая Сентинниэл-холл университета Толедо, где проходили те соревнования, я взял эту табличку как диск, разок размахнулся – и зашвырнул ее в реку Оттава. В то время я тренировался в клубе Sunkist Boys, и через неделю после соревнований за Кубок мира президент клуба Арт Мартори позвонил мне и спросил, не хочу ли снова провести схватку с Модосяном. Мы встретились в почти пустом университетском зале под Чикаго, и я победил Модосяна со счетом 8:1.

* * *

1985 год был самым лучшим в моей борцовской карьере. Проигрыш Модосяну был единственным поражением, которое я потерпел в 1985 году.

Я почти проиграл, оказавшись в необычной ситуации на открытом чемпионате США после того, как авиакомпания потеряла мой багаж. Бобби Дуглас, тренер борцов клуба Sunkist Boys и автор книги о способах переводах противника в партер (я наизусть выучил эту книгу еще в старших классах средней школы), предложил мне на выбор два варианта. Я мог подождать, пока все же не доставят мой багаж, и затем сбросить вес до 180,5 фунтов – или взять у него 20 долларов, сходить поесть и бороться в категории 198 фунтов. Я не знал, подвезут ли мой багаж вовремя, и решил бороться в более тяжелом весе, хотя весил я 187 фунтов.

Моим соперником в финале был Билл Шерр, занявший второе место в прошлом году. Я вел в счете 4:2. До конца схватки оставалось примерно 30 секунд, и тут я попытался бросить его через спину прогибом. Это было глупостью, и соперник заставил меня заплатить за ошибку: он перехватил мои руки и бросил меня на спину, что должно было сравнять счет. В условное дополнительное Билл выиграл бы, так что за 15 оставшихся

секунд я выполнил все приемы, какие мне только приходили в голову. Поскольку мы вышли за пределы ковра, когда до конца схватки оставалось 5 или 6 секунд, я зашел ему за спину и завоевал балл, который принес мне победу.

Долгожданный чемпионат мира, в котором приняли участие и страны, бойкотировавшие Олимпийские игры 1984 года, состоялся в октябре 1985 года в Будапеште, Венгрия. К тому времени я уже более года слушал россказни о том, что из-за бойкота мы – не настоящие олимпийские чемпионы. В официальном списке чемпионов не было никаких особых обозначений, но очень многие критики мысленно ставили рядом с именами некоторых чемпионов Олимпийских игр 1984 года звездочки. Среди этих имен было и мое имя.

Во время одиннадцатичасового перелета я молился о том, чтобы наш самолет разбился; тогда мне не пришлось бы бороться с психологическим давлением. По пути на крупные соревнования я молился чаще, чем я это признаю.

Я сомневался в том, что смогу одержать победу на чемпионате в Венгрии. Я понимал, что нахожусь в достаточно хорошей форме и преодолел нестабильность результатов, которая создавала проблему перед Олимпийскими играми, но борьба сопряжена со значительным насилием, и это вызывает очень серьезное психологическое давление. Казалось, что хорошим борцам постоянно не везет, и я в уме мог составить список борцов, потерпевших поражение в схватках, в которых не должны были проиграть. Это было реализацией одного из сценариев, в котором надеешься на лучшее, но готовишься к худшему.

Но порой все же получаешь то, на что надеешься.

В финале я одержал победу над Александром Наневым, который трижды занимал второе место на чемпионатах мира. Со счетом 10:5. А ранее я победил советского борца Александра Тамбовцева со счетом 1:0. После побед над лучшими борцами двух лучших национальных команд, не соревновавшихся в Лос-Анджелесе, моя золотая олимпийская медаль засияла ярче прежнего.

Я был одним из двух американцев, одержавших победу в Будапеште. Шерр завоевал титул чемпиона в весе 198 фунтов. Дэйв был одним из двух американцев, занявших вторые места, но его победа на чемпионате мира в 1983 году и моя победа на чемпионате 1985 года сделали нас единственными чемпионами Олимпийских игр 1984 года и чемпионами мира. Кроме того, Дэйв и я стали единственными братьями-американцами, завоевавшими титулы чемпионов мира и чемпионов Олимпийских игр. До этого такое удавалось только паре братьев

из Советского Союза.

Победа на чемпионате мира 1985 года заткнула рот критикам, говорившим, что я недостаточно хорош для того, чтобы победить на Олимпийских играх, если бы в них участвовали русские и болгары. Частично замолк и критик, сидевший во мне.

* * *

Я был в приподнятом настроении, когда мы с Дэйвом вернулись к нашей работе в Стэнфорде. В день моего появления в борцовском зале Стэнфорда вся команда приветствовала меня аплодисментами и одобрительными восклицаниями. Крис Хорпел мог, наконец, больше не напоминать мне о том, что мой брат чемпион мира, а я – нет.

В тот день Крис пригласил меня в свой кабинет. Он не поздравил меня с моим новым титулом. Не извинился за то, что относился ко мне как к младшему и более слабому брату Дэйва. Он не повысил меня в должности и не поднял мне заработную плату с 10 тысяч долларов в год после того, как я два года горбатился на него.

Он уволил меня.

Так закончился великий день моего торжества.

Я сидел в полном ошеломлении. Я был сбит с толку. Подумать только: *уволен*!

Завидовал ли Крис? Почему он пытался доказать свою власть надо мной?

Я не знал.

Я не знал, что сказать Крису, кроме: «О'кей, хорошо».

– Ты можешь по-прежнему тренироваться здесь, – сказал мне Крис, – но платить тебе я не могу.

Я встал с кресла и повернулся, чтобы уйти из кабинета Криса. Когда я дошел до двери, Крис добавил: «И, кстати, верни ключи от машины».

Одним из стэнфордских борцов, ставших моими подопечными, был Брэд Хайтауэр. Его отец был собственником дилерского центра по торговле автомобилями и хотел выразить признательность: он дал мне машину «Тойота Терцел», в которой я остро нуждался. Однако для того, чтобы списать машину, Хайтауэру-старшему надо было официально обозначить ее передачу как благотворительный дар программе подготовки борцов в Стэнфордском университете. Юридически машина моей собственностью не была, ее давали мне в пользование.

Крис передал эту машину жене Дэйва. Жена Дэйва не

работала в Стэнфорде, но Крис отдал ключи от машины Дэйву и попросил передать их Нэнси. Это решение Криса породило непонятный и роковой сдвиг обстоятельств, поскольку Дэйв, Нэнси и я снимали комнаты в доме нашего отца. Мы жили под одной крышей, и мне приходилось каждый день смотреть из окна, как жена Дэйва разъезжает на «моей» машине.

Это было унизительно.

Единственной причиной моего увольнения, которую назвал Хорпел, было то, что он не может платить мне. Я не был подхалимом и соглашателем. Не отличался этими качествами и Дэйв, но он обладал способностью, которой я так и не обзавелся: он мог выражать свои мысли, оставаясь в рамках приличий. Возможно, моя несдержанность сыграла какую-то роль в моем увольнении. Не знаю. Но после того, как меня убрали, Хорпел отдал мою зарплату Дэйву, удвоив его заработок до 20 тысяч долларов в год. И довольно о том, что моя заработная плата была причиной моего увольнения.

Дэйв получил мои деньги, а его жена – мою машину.

Я считал, что брат предал меня. Я никогда не расспрашивал его, но он должен был знать о том, что меня собираются уволить. Мое увольнение – не из тех событий, планирование которых проходит без ведома людей, находящихся в положении Дэйва. Дэйв должен был дать согласие на мое увольнение, пусть и неохотно, скрепя сердце. Но как он мог утаивать от меня, своего брата, подготовку столь важного решения?

Мы находились в разных положениях. У Дэйва в то время были жена и сын Александр. Ему нужно было больше денег, чем мне, а я отчаянно нуждался в деньгах. Федерация спортивной борьбы США уж точно не оказывала нам поддержки.

Мое увольнение разрубило одну из связывавших нас с Дэйвом нитей. Это было больно. Я думал, что Дэйв и Хорпел выступают против меня. Я чувствовал себя от всех оторванным и одиноким. Я относился к своему положению очень серьезно и стал воспринимать всех окружающих с острой враждебностью. Любой человек, желавший поделиться со мной своим мнением, мог не терять время попусту: мне было все равно, что думают и говорят люди.

В зале Дэйв и я оставались спарринг-партнерами, и я был беспощаден к брату. Я был готов бороться с ним всякий раз, когда мы оба оказывались на ковре. Я направлял атаки на нижнюю часть его бедер и его промежность. Эта область – центр тяжести тела противника и самая уязвимая часть человеческого тела. Как только я начал направлять атаки на эту часть тела, я стал валить Дэйва, когда хотел. Хорпел был, кажется, удивлен легкостью, с

которой я валил Дэйва. Атаки на промежность Дэйва сделали меня лучшим борцом, поскольку, атакуя эту зону, я понял, что при этом мои бедра оказываются непосредственно под центром тяжести противника, а не в стороне от него. В результате я начал еще лучше ощущать расположение своего центра тяжести, что я использовал в поединках со всеми, с кем я сходился на ковре после этого.

Несмотря на все, произошедшее в связи с моим увольнением, я все равно любил Дэйва. Он по-прежнему оставался моим братом, и ничто не могло нас разъединить. Я не мог забыть всего, что он сделал, помогая мне стать тем мужчиной, каким я стал. Но мое увольнение и предположение о том, что Дэйв, по крайней мере, знал, что происходит, изменили меня. Я обрел большую независимость от Дэйва. Я перестал смотреть на него как на лидера.

> Чтобы восполнить утраченный доход, я в промежутках между тренировками занялся продвижением комплекса клиник для борцов. У меня был справочник университетских и школьных тренеров, и я выбирал конкретный район, обзванивал работавших в этом районе тренеров и приглашал их регистрироваться в таких клиниках. По счастью, я был одним из двух действовавших чемпионов мира по борьбе в США. В годы, когда не проводились Олимпийские игры, борцы, пожалуй, были обделены вниманием широкой публики, но внутри нашего вида спорта мое имя что-то значило. Едва увидев тренера, я уже понимал, подпишется он на предлагаемую клинику или нет – это зависело от того, как этот тренер относился ко мне лично.

Но для того, чтобы совершать разъезды по моим клиникам, мне нужна была машина, и я связался с отцом Брэда Хайтауэра. Он за 7 тысяч долларов продал мне светло-синюю машину Camaro Berlinetta 1982 года (с дефектной системой круиз-контроля). Эта покупка съела все мои сбережения. Мой «тур победы» по учреждениям, которые я называл моими клиниками, и моя машина приводили меня в разные части страны.

Работа с клиниками за три месяца принесла мне 23 тысячи долларов. В Стэнфорде за такие деньги мне пришлось бы вкалывать больше двух лет. Но разъезды по клиникам были трудным делом. Ездить стало тяжело. Тем более что приближались отборочные соревнования открытого чемпионата США и чемпионата мира по борьбе 1986 года, и чтобы начать

готовиться к этим соревнованиям, мне нужны были стабильные условия для тренировок.

Я начал искать место тренера, и Марлин Гран предложил мне такую работу в Портлендском государственном университете. На Открытом чемпионате Дальнего Запада 1979 года, когда я еще «учился» в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса, Марлин победил меня, и мы стали друзьями на всю жизнь. Марлин сказал, что сможет платить мне 15 тысяч долларов в год. Но в Портлендском университете было не много хороших партнеров по тренировкам, и я отклонил предложение Марлина.

Крис Хорпел сделал много хорошего для меня. Помощь, которую он оказал мне в университетские годы, способствовала тому, что я стал успешным борцом. Но то, что он уволил меня из Стэнфорда, я счел предательством. С тех пор он предпринимал попытки связаться со мной, но я не желал говорить с ним о случившемся. Он знал, что сделал, а я не видел нужды заново переживать это.

В моей жизни не было человека, который помогал и вредил мне так, как Крис.

* * *

Я выиграл Открытый чемпионат США 1986 года, одолев Майка Шитса со счетом 8:6 и применив в финале четыре захвата на ключ. Годом ранее, когда я боролся в более тяжелом весе, Шитс победил в весе 180,5 фунтов. После турнира мое возмущение тем, что мне приходится соревноваться, едва сводя концы с концами, наконец прорвалось. Я нашел Гэри Кёрделмейера, исполнительного директора Федерации спортивной борьбы США, и выложил все ему в лицо.

«Вам надо изменить значение слова «любительский» так, чтобы мы могли делать деньги и поддерживать наш статус любителей, как это делают в других видах спорта», – сказал я ему. Мы видели, что в других видах спорта спортсмены удостаивались внимания СМИ и получали подтверждение своего статуса потому, что виды спорта, которыми они занимались, продвигали их и помогали им продавать себя. Их виды спорта не только позволяли им делать деньги на своих успехах и сохранять любительский статус для того, чтобы состязаться на Олимпийских играх, но и ставили их в положение, в котором это можно было делать. В других видах спорта, кажется, по-настоящему заботились о спортсменах, которые занимались этими видами спорта.

– Никто не может остановить вас, – сказал я Кёрделмейеру. –

В США вы – монополисты.

Кёрделмейер не согласился со мной, и я был близок к тому, чтобы сделать нечто такое, из-за чего у меня возникли бы неприятности, но мой бывший коллега по команде Университета Оклахомы Дэн Чейд схватил меня и оттащил от Кёрделмейера.

Все это было мне противно до тошноты. Некоторые спортсмены, выиграв олимпийские медали, решали обналичить свои успехи. Я их не осуждаю. Они могли выбирать свой путь, и у них было больше возможностей делать такой выбор. Со своей стороны, я хотел продолжать соревноваться.

Некоторые борцы получали небольшие пособия, которые и близко не покрывали финансовые потребности. Эти пособия были, скорее, мелкими суммами, которые давали борцам администраторы для того, чтобы иметь право говорить, что они нам оказывают помощь. Но при тех ничтожных средствах, которые они нам отправляли, они не могли утверждать, что делают *все* возможное для того, чтобы помочь нам.

Не могу сказать, какие деньги привлекала Федерация спортивной борьбы США, но знаю, что федерация каждый год проводила сотни турниров и очень неплохо зарабатывала на плате за доступ к этим соревнованиям. Прежде чем выступить на каком-нибудь турнире, надо было купить за 25 долларов карту участника. Но из того, что зарабатывала Федерация спортивной борьбы США, до борцов доходило не много. Помню, что в 1983 году, когда я занял седьмое место на чемпионате мира, американские борцы, занявшие семь высших мест, получали по 1500 долларов. В тот год Дэйв победил на чемпионате мира. Думаю, он получил 5 тысяч долларов. Не знаю, были ли эти деньги из Фонда развития Олимпийского движения, или из Федерации спортивной борьбы США, или деньгами Олимпийского комитета США. Мои полторы тысячи долларов практически не отражались на моих повседневных расходах. Сколько бы денег ни привлекала Федерация спортивной борьбы США, казалось, что эти деньги едва ли доходили до борцов. И уж конечно, они не облегчали мое финансовое положение.

Чтобы соревноваться на международной арене, нам, борцам, надо тренироваться круглый год. Команды вроде советской находились на полном государственном обеспечении. По сути дела, мы боролись с «профессиональными любителями». А рабочих мест, на которых можно было получать пристойную зарплату при необходимом нам гибком графике, было очень немного. Приходилось делать выбор: или зарабатывать на жизнь, или продолжать соревноваться. Совмещать одно с другим было нереально.

Вот почему столь многие из нас, борцов, занимали низкооплачиваемые места помощников тренеров в высших учебных заведениях. Другие становились тренерами-добровольцами для того, чтобы иметь, по крайней мере, возможность тренироваться, а потом найти какой-то другой способ добывать средства к существованию. Создавалось впечатление, что всякий раз, когда нам, несмотря на отсутствие поддержки со стороны Федерации спортивной борьбы США, удавалось одерживать победы, появлялись администраторы, которые ставили наши успехи себе в заслугу. А потом администраторы удалялись в свою комфортную жизнь, а борцы возвращались на свои плохо оплачиваемые рабочие места и в тесные квартирки.

После национального чемпионата я вернулся в Пало-Альто, чтобы начать подготовку к чемпионату мира 1986 года. Тогда-то я и встретился с парнем, который хотел стать моим менеджером. Он пригласил меня к себе, а у него был самый большой офис в самом большом здании Пало-Альто. Я рассказал ему о том, как я пытаюсь продвигать себя и зарабатывать больше денег для того, чтобы продолжать соревноваться.

– Этим-то я и занимаюсь, – ответил мне этот человек. – Ты должен разрешить мне сделать это для тебя.

Он сказал, что стоит миллионы, и будет продвигать меня за половину всего, что я заработаю с его помощью.

Я прикинул и решил, что это будет удачной сделкой. Я нуждался в деньгах, и хотя половина была слишком большим вычетом, я согласился отказаться от половины заработка, который кто-то другой принесет мне, поскольку не думал, что сам смогу что-то заработать. У меня не было времени на попытки продавать и рекламировать себя – и одновременно тренироваться. Чтобы пользоваться спросом, я должен был продолжать одерживать победы, но обеспечить спрос на себя и продолжать выигрывать я не мог. Мне нужен был человек, который был бы моим менеджером, но никого такого у меня не было. К тому же, прикидывал я, если этот малый не сделает мне заработков, половина от нуля равна нулю.

Малый оказался аферистом. Мне его услуги не принесли и гроша, но он все равно хотел от меня денег. Когда я сказал ему, что разрываю отношения, он заявил, что я должен ему 50 % денег, полученных мной от моей сети клиник, хотя он не вел абсолютно никакой работы в связи с ними. Когда я сказал, что думаю об его требовании, он пригрозил подать на меня в суд. Мне пришлось бы платить юристу, так что я твердо решил не давать этому мерзавцу денег. Наем юриста нисколько не улучшил

бы мое финансовое положение.

Я отлично выступал, находясь на пике моей борцовской карьеры и выиграв Олимпийские игры и чемпионат мира в течение двух лет. Но увольнение не только уязвило мои чувства, но и ввергло меня в отчаянное финансовое положение. Потеряв работу, я лишился и страховки. Я привык бороться без страхования жизни, хотя это мне никогда не нравилось. Не имея страховки, я имел одну необычную травму: у меня совершенно не было денег.

Федерация спортивной борьбы США не оказывала мне никакой поддержки. Тогда не было никаких программ обеспечения спортсменов жильем, какие существуют теперь, а такая программа позволила бы мне жить и тренироваться в Олимпийском тренировочном центре в Колорадо-Спрингс. У меня был единственный вариант: тренироваться в Стэнфорде и жить на деньги, которые я зарабатывал на клиниках. Но юридические разборки с моим «менеджером» резко уменьшили мои сбережения, и я не знал, как долго смогу продержаться, если не найду каких-то источников дохода.

Я искал любые возможности для того, чтобы устранить хотя бы часть финансовых трудностей и иметь возможность тренироваться, не отвлекаясь на заработки. Мое отчаяние сделало меня очень уязвимым.

Часть вторая
Низвержение чемпиона

Глава 11
Просто «тренер»

Жилище, которое я снимал в доме своего отца, не очень-то обеспечивало мне право на личную жизнь. Оно находилось на втором этаже и походило скорее на проходной двор. Сзади дома была лестница, однако для Дэйва, Нэнси и того, кто в это время снимал наверху третью комнату, проще было проходить с улицы к себе и обратно через мою комнату, чем воспользовавшись этой лестницей, обогнуть дом снаружи и добраться, таким образом, до выхода.

Совместное проживание наверху с другими постояльцами, которые шастали через мое жилище, не позволяло нормально отсыпаться. Но арендная плата в районе Пало-Альто была высокой, а отец обеспечивал нам поблажки в оплате за жилье, хотя я и не желал благотворительности с его стороны. Я дважды пытался договориться о втором соседе по комнате, чтобы делить с ним арендную плату, но это лишало меня тех жалких остатков личной жизни и уединенности, которые у меня еще оставались. Без соседа значительная часть моей небольшой зарплаты уходила на оплату квартиры, за которую я ежемесячно отдавал 550 долларов, и налоги. В результате мне оставалась незначительная сумма на пропитание. Таким образом, хотя мне и нравилось находиться в том же доме, где жили отец и Дэйв, условия моего проживания там были весьма стесненными.

Как-то после открытого чемпионата США и перед отборочными соревнованиями к чемпионату мира, когда я был дома в ожидании тренировки, мне позвонили. Собеседник представился главным хирургом чего-то там при Медицинском центре Стэнфордского университета и предупредил, что мне позвонит человек по имени Джон Дюпон. Он сказал, что Дюпон – весьма важная персона, поэтому он хотел бы поручиться за него прежде, чем состоится наш разговор.

Я никогда раньше не слышал об этом парне по имени Дюпон, и врач не дал мне подсказки, чего этот Дюпон от меня хочет.

Мне было любопытно, почему мне позвонили и с какой стати главный хирург должен был поручаться за Дюпона. Я задавал себе вопрос, все ли в порядке с этим Дюпоном. Звонок был тем более странным, что хирург не дал мне никаких объяснений, хотя вполне мог бы это сделать. *«Что за черт?* – пытался я сообразить. – *Со мной такого еще никогда не случалось».*

Позже, во второй половине дня, позвонил Дюпон,

представившись в качестве человека, который организует при университете Вилланова в пригороде Филадельфии новый спортивный центр по подготовке борцов первого дивизиона Национальной ассоциации студенческого спорта. В этой связи он хотел бы предложить мне работу помощника тренера.

– Сколько необходимо, чтобы вы сюда приехали? – спросил он.

У меня в голове возникла сумма 24 000 долларов. Если бы я тогда знал то, что мне вскоре предстояло узнать о Дюпоне, я бы сказал: «300 000 долларов», и он бы наверняка согласился. Но 24 000 долларов – это было больше, чем получал Дэйв в Стэнфорде, даже с учетом финансовых добавок из моей зарплаты, и я не рассчитывал на что-то большее, чем стабильная работа обычного помощника, в спокойной обстановке и на постоянной основе. Так что именно эту сумму я и назвал Дюпону.

Дюпон обещал перезвонить.

Как оказалось, вначале Дюпон позвонил Дэйву. У Дэйва была репутация одного из наиболее техничных и талантливых борцов в мире, и он нравился многим. Дэйв знал, как оставаться верным себе и в то же время говорить и делать все правильно, так, чтобы успешно продолжать карьеру в Федерации спортивной борьбы США. Дэйв умел быть честным и одновременно не задевать власть имущих. Когда Дэйв говорил, даже если он выражал критическое отношение к чему-либо, его искренность не вызывала сомнений.

В отличие от меня, предпочитавшего оставаться в одиночестве и хранить при себе свои секреты, Дэйв готов был каждому уделить время. Если парни просили его показать свои приемы, он с радостью делал это. Я был также готов заниматься с парнями и показывать им какие-то основные движения, но у Дэйва это получалось, безусловно, лучше. Плюс ко всему у него было больше борцовского опыта, поэтому он мог показать и больше приемов. Как я полагал, в моем арсенале было не так уж много приемов, чтобы я мог раздаривать их.

Благодаря дружелюбию Дэйва и его готовности делиться своим опытом его высоко ценили в борцовском сообществе в Соединенных Штатах и во всем мире. Он с удовольствием вызывался рассказывать университетским группам, особенно тем, в которых занимались его парни, о своем опыте участия в Олимпийских играх. Ему ничего не стоило подарить свои медали и награды членам семьи и друзьям. Когда другие борцы просили Дэйва показать им некоторые из своих приемов, он с радостью и бескорыстно обучал их. Дэйв любил людей и щедро дарил им свое время, а ведь время – это самая большая ценность, которую мы можем подарить другим. За рубежом, научившись говорить

по-русски, Дэйв заслужил уважение российских борцов и любовь российских болельщиков. Весьма вероятно, что Дэйва больше признавали и ценили в Европе, чем у него на родине.

Когда Дюпон решил создать при университете Вилланова спортивный центр по подготовке борцов, он сразу же подумал о Дэйве. Но Дэйв только что получил порцию финансовой поддержки из моей зарплаты, и это достаточно прочно привязало его к Стэнфорду, по крайней мере, до следующего года. При этом Дэйв рекомендовал Дюпону меня.

После нашего первого разговора Дюпон позвонил мне на следующий день и сказал, что готов платить мне столько, сколько я запросил.

Тем не менее мне хотелось получить от него побольше информации. Ведь обычно университеты сокращали спортивные центры по подготовке борцов, а не создавали их.

Ответы Дюпона были весьма расплывчатыми, из чего я уяснил, что он не владеет всей необходимой информацией о том, как реализовать свой проект. Но из того, что он мне сообщил, ничего не насторожило меня, не заставило подозревать, что у него какие-то сомнительные мотивы.

Тем не менее мне хотелось составить о Дюпоне более полное представление, поэтому я постарался устроить так, чтобы в течение следующих нескольких дней он названивал мне. Я попытался таким образом лучше узнать его.

Когда я выяснил, что он был мультимиллионером, мне пришлось по душе то, что человек с такими деньгами собирается вложить их в спорт. В свое время Арт Мортори организовал борцовский клуб «Санкист кидс», за который я выступал, но Арт в основном оплачивал лишь расходы своих борцов, участвовавших в соревнованиях. Его клуб практически не оказывал помощи в организации необходимых тренировок и в оплате расходов на проживание. Исходя из того, во что Дюпон, даже выражаясь достаточно туманно, заставил меня поверить, я решил, что он собирается стать первым мультимиллионером, который сделает вложения в спорт и возьмет на себя обязательства обеспечить участие своих спортсменов в соревнованиях на самом высоком уровне вне зависимости от стоимости этого.

Однако во время наших следующих телефонных разговоров у меня появилось ощущение, что он что-то скрывает. Он не сообщал мне ничего нового, и я не мог понять, почему. Это вынудило меня проявить осторожность, но опять-таки в наших разговорах не было ни намека на то, что от этого парня может исходить какая-то угроза.

На самом деле, по мере наших бесед во мне крепло

убеждение в том, что ему все больше нравится идея о моей тренерской работе при университете Вилланова. Я же, со своей стороны, был все менее заинтересован в том, чтобы туда поехать. Меня все не покидало ощущение, что с Дюпоном что-то не совсем в порядке, но я не мог определить по телефону, что же именно.

Однако у него были деньги, много денег, просто очень много, и он создавал впечатление человека, проявлявшего к борьбе серьезный интерес. Я полагал, что при финансовой поддержке Дюпона университет Вилланова вполне мог стать учебным заведением Восточного побережья с солидной борцовской династией. И если я мог в Стэнфорде удвоить свои доходы, организуя тренировки в обстановке стабильности, то деньги Дюпона позволили бы мне достичь всего, что я желал в своей карьере борца. Я сообщил ему, что, если он хочет, мы могли бы встретиться через две недели на отборочных соревнованиях к чемпионату мира в штате Индиана. Он ответил согласием.

Когда я совершал пробежку вокруг Университета штата Индиана, чтобы согнать вес перед соревнованиями, меня нагнал другой борец, Роб Калабрезе. Роб жил в городке Медиа, штат Пенсильвания, примерно в десяти милях от поместья Дюпона. Я поинтересовался у Роба, что он думает о Дюпоне и его новом спортивном центре при университете Вилланова, и тот назвал это «невероятно удачной ситуацией» и «потрясающей возможностью».

Парень по имени Чак Ярнолл, молодой тренер по борьбе в частном университете неподалеку от Филадельфии, в деятельности которого Дюпон принимал участие, проводил меня на встречу с Дюпоном в его отеле. Направляясь к номеру Дюпона, я ожидал, что смогу сразу понять, что это за человек, когда лично встречусь с ним. Если только это не очевидный неудачник, размышлял я, мои дела должны быть в порядке.

Когда Ярнолл открыл дверь, я впился взглядом в этого неудачника. Дюпон, которому было под пятьдесят, сидел в кресле и был похож на типичного богатея, рано повзрослевшего и пристрастившегося к наркотикам. Моей инстинктивной реакцией было чувство отвращения. Дюпон выглядел как избалованное богатое дитя. Я так долго жил, откладывая на потом все удовольствия, что мне было отвратно видеть олицетворение противоположности всему, чем я сам был и во что верил. Я сразу же понял, что мы с Дюпоном не просто отличались друг от друга – мы были полными антагонистами.

Первое, на что я обратил внимание в его внешности, были волосы. Было такое впечатление, что Дюпон одолжил у Рональда Макдональда[20] бутылку средства для окраски волос, но затем не стал поддерживать этот цвет. Примерно на дюйм от корней

волосы были седыми, переходя потом в ярко-рыжие. У него был прямой пробор, вдоль которого налипла перхоть. Эта перхоть сразу бросалась в глаза, она лежала толстым-толстым слоем. Выглядело это так, словно он месяцами не мыл голову.

Он был одет в футболку и шорты. На одной ноге была повязка или гипс, очевидно, после операции на колене, на другой – черный носок и теннисная туфля. На той ноге, которая была оголена, набухли толстые варикозные вены. Я задался вопросом, почему миллионер не мог позаботиться о себе. Имея такие деньги, я бы выглядел, как Марк Хэрмон[21] (необходимо помнить, что это был 1986 год). Дюпон был худым, с руками, – как веточки. Однако животик у него был что надо, словно он проглотил баскетбольный мяч.

Когда нас представили друг другу, он улыбнулся, показав темно-желтые зубы с налипшими остатками пищи. Мне захотелось спросить, как давно он смотрелся в зеркало.

У Дюпона на столе стоял какой-то напиток, и когда он начал говорить, стало ясно, что он был либо пьян, либо под кайфом: он что-то бормотал совершенно невнятно. Я ровным счетом ничего не мог разобрать из того, что он там произносил, кроме обращения ко мне – «дружище». И это продолжалось раз за разом. Иногда он прерывал сам себя, чтобы уточнить у меня: «Ты понимаешь, о чем я говорю?» Я не был в этом уверен.

Я был прав: при личной встрече с Дюпоном я смог сразу понять, что это за человек. Даже если бы я попытался представить себе очевидного неудачника, ориентируясь на худшие черты худших людей, которых я только встречал, я все равно не смог бы вообразить себе ту картину, которая предстала перед моими глазами в этом номере. Я и раньше встречал людей со странностями, и у меня был опыт общения с ними, но Дюпон в этом отношении превзошел всех. Парень при встрече со мной даже не пытался выглядеть опрятным и трезвым. Он производил впечатление чокнутого. Дюпон казался безобидным, но у него, совершенно очевидно, были серьезные проблемы с головой, весьма серьезные.

Я сразу же понял, что мне следует знать ответ на следующий вопрос: какова будет степень участия Дюпона в деятельности спортивного центра при университете Вилланова. Если он собирался только финансировать его работу и не предполагалось ни наших с ним встреч, ни разговоров, то никаких проблем не ожидалось. Но если он собирался хотя бы приближаться к борцовскому залу, то на этом наш разговор окончился бы.

– Какова будет ваша роль в Вилланова? – спросил я.

Его ответ не отличался конкретностью. Он сказал, что, может

быть, он будет время от времени заглядывать ко мне в кабинет, чтобы узнать, как идут дела и нет ли проблем, которые требуется решить. Наряду с этим он бы хотел, чтобы в информационных бюллетенях для прессы он упоминался просто как «тренер». Не «главный тренер» и не «помощник тренера». Просто «тренер».

Интуиция подсказывала мне, что следовало откланяться. Но предполагаемые выгоды казались слишком соблазнительными. Ну и что с того, что в этом была доля риска? Если по каким-либо причинам в Вилланова что-то не сложится, я мог просто уйти оттуда. На тот момент у меня не было лучших вариантов, это уж точно.

Я должен был бы довериться своей интуиции. Или же Дюпон должен был составить документ с собственноручной подписью, где был бы зафиксирован круг его обязанностей. Вместо этого я сказал, что заинтересован в этом проекте и что после отборочных соревнований мы вернемся к этому разговору.

* * *

В двух схватках на отборочных соревнованиях к чемпионату мира 1986 года я одержал победу над двукратным чемпионом Национальной ассоциации студенческого спорта Майком Шитсом. За несколько недель до чемпионата мира я спланировал поездку в Филадельфию, чтобы воочию посмотреть на то, что меня ожидало в Вилланова.

В аэропорту меня встретил Ларри Шемли, пилот вертолета Дюпона, ветеран Вьетнама. В ожидании моего багажа на ленте мы с ним приятно пообщались. Ларри мне понравился, а узнав о его ветеранском прошлом, я его сразу же зауважал. Я поинтересовался у Ларри о спортивном центре, который создавал Дюпон.

– Думаю, он вам понравится, – ответил Ларри.

Ларри устроил мне воздушную экскурсию по таким историческим местам, как Вэлли Фордж[22] и Геттисберг[23]. Если ее целью было произвести на меня неотразимое впечатление, то эта цель была достигнута.

У меня не было никакого представления о поместье, в котором жил Дюпон. Сначала мы летели в вертолете над Филадельфией, где дома теснились друг к другу. Затем под нами распахнулось пространство, похожее на национальный парк. Посередине был особняк, который являлся центром поместья, в пределах которого находилось еще несколько строений, оказавшихся другими жилыми зданиями.

Особняк можно было назвать трехэтажным, поскольку, кроме первого, просматривался еще цокольный этаж, а на верхний вела лестница из двадцати или около того ступенек. Ландшафтный дизайн был просто безупречным благодаря усилиям, как я узнал позже, целой бригады специалистов, которые круглосуточно занимались обустройством территории.

«Если он здесь живет, – подумал я, в то время как Ларри приземлялся на вертолетную площадку, – *то в Вилланова мы можем сделать все, что угодно. Уже через пять лет мы можем верховодить в Национальной ассоциации студенческого спорта».*

Мой оптимизм и энтузиазм били через край. Я, наконец, получил шанс добиться успеха!

Джон Дюпон встретил меня и сопроводил в Вилланова. Борцовский зал был в корпусе «Батлер», и он был просторней всех тех залов для борцовских команд, которые я когда-либо видел. Джон сказал, что на первом этапе нам придется делить его с бейсбольной командой, но вскоре он будет в нашем полном распоряжении. Он предусмотрел все детали, включая кабинеты, из которых можно будет следить за тренировками борцов. Один из кабинетов предназначался для меня. В Стэнфорде у меня не было не только своего кабинета, но даже стола или телефона.

– Как скоро зал станет нашим? – спросил я.

Дюпон дал очередной расплывчатый ответ, добавив, что, поскольку он пожертвовал для учебного заведения кучу денег, это произойдет, вероятней всего, до начала сезона соревнований или сразу же после его начала. Как я понял, это означало октябрь или ноябрь.

Это было спустя год после того, как мужская баскетбольная команда университета Вилланова под руководством тренера Ролли Массимино буквально размазала по паркету в финале команду из Джорджтауна и выиграла национальный чемпионат Национальной ассоциации студенческого спорта 1985 года. Дюпон проводил меня в баскетбольный зал, который назывался «Павильоном Джона Э. Дюпона». Его имя было обозначено большими буквами на фасаде здания. Затем мы остановились у плавательного комплекса университета, который был также назван в честь Дюпона.

«Черт побери! – подумал я. – *У этого парня, должно быть, денег куры не клюют!»*

По сравнению с двумя зданиями, носящими его имя, выделение старого корпуса для борцовского центра казалось сущим пустяком. В устах Джона это прозвучало так, что предоставление помещения исключительно для нужд борцов было лишь административной формальностью, ожидавшей

окончательного утверждения.

У моей работы были огромные возможности. Дюпон был готов платить мне как помощнику тренера по борьбе весьма приличные, по моим понятиям, деньги. Он сказал, что все организационные вопросы практически решены. И если раньше на Олимпийских играх и на чемпионатах мира у меня не было никакой медицинской страховки, то теперь впервые после окончания университета она у меня появилась. Кроме того, я мог сам набирать партнеров для тренировок. Таким образом, хотя я и остался без Дэйва, теперь я мог окружить себя крутыми парнями, чтобы повышать свое мастерство борца.

Я согласился на эту работу, несмотря на предчувствие, что многое, касавшееся работы, которую предоставил мне Дюпон, и самого Дюпона, совсем не то, чем казалось.

* * *

После того как я сообщил Дэйву, что покидаю Пало-Альто и перебираюсь в Вилланова, он тоже решил уехать и стать помощником тренера в Висконсине. Я не спрашивал Дэйва о причинах его решения, но, похоже, оно было как-то связано с событиями в Стэнфорде. Он собрался уезжать, несмотря на то, что здесь его зарплата была вдвое выше прежней, у него было дешевое жилье в доме отца, ему с Нэнси была бесплатно предоставлена «Тойота Терцел», а кроме того, у него от Стэнфорда была медицинская страховка.

Может быть, он был зол на Хорпела за то, что тот уволил меня, а может, решил уехать в качестве жеста солидарности со мной. Нельзя также исключать, что, лишившись меня как своего партнера по тренировкам, он теперь не видел причин задерживаться в Стэнфорде. В Висконсине была сильная команда, где он вполне мог найти для себя весьма опытных партнеров.

Какими бы ни были мотивы Дэйва, Дэвид Ли последовал в Висконсин вслед за ним. Ли был лучшим борцом Стэнфорда и появился в Пало-Альто благодаря Дэйву. Войдя в тренерский кабинет, я застал завершение перепалки между Дэйвом и Хорпелом как раз по поводу того, что Ли уезжал вместе с Дэйвом.

Крис утверждал, что для Ли было бы лучше остаться в Стэнфорде.

– Нет, это не так, – спокойно, но твердо возражал Дэйв.

Для меня все складывалось достаточно удачно. Как только я увидел, что происходит между Дэйвом и Крисом, я тут же вышел.

Мне это понравилось!

* * *

Чемпионат мира 1986 года был для меня настоящим кошмаром. Годом ранее я был вынужден отвлекаться на массу проблем: увольнение, финансовые неурядицы, бесчестный менеджер, пытавшийся меня надуть, поиски работы. Все это неизбежно сказалось на чемпионате в Будапеште.

Я проиграл первую схватку какому-то паршивому венгру. Это была его единственная победа на турнире. После этого я уже выигрывал, пока не добрался до полуфинала, где мне предстояла схватка с Александром Наневым, болгарином, которого я победил в финале год назад.

Чемпионат 1986 года был единственным, на котором Международная федерация объединенных стилей борьбы отвернула электронное информационное табло от борцов в сторону зрителей. Цель состояла в том, чтобы предотвратить умышленную потерю темпа схватки при ее завершении. Согласно логике руководства Федерации, если борцы не могли видеть счета на табло, они продолжали выкладываться до самого конца схватки. В дальнейшем Федерация вернулась к прежнему варианту, поскольку борцы затягивали схватку, выходя за пределы ковра, чтобы взглянуть на табло, а затем возвращаясь обратно.

С ковра информацию на табло все же можно было увидеть, но лишь с определенного места и под определенным углом.

Я проигрывал Наневу один балл, а время уходило. Я несколько раз атаковал соперника и, наконец, перевел его в партер. Затем я выполнил переворот накатом. Поднявшись на ноги, я попытался различить счет на табло, но не смог сделать этого. Поэтому я посмотрел в свой угол, чтобы получить подсказку от тренеров.

Робинсон, наш главный тренер, крикнул мне: «Вперед! Вперед!»

Черт! Я проигрываю!

За десять секунд до конца схватки я пошел на отчаянный, неподготовленный бросок. Я не смог сделать надежный захват. Нанев сбил его и – я даже не понял, что произошло, – смог свести к ничьей со счетом 4:4. С учетом принципа завершающего приема при ничейном счете я проиграл.

Когда спустя час я, понурый, сидел в вестибюле отеля, ко мне подошел Брюс Баумгартнер, наш тяжеловес.

– Зачем ты атаковал? – спросил он.

– Потому что я проигрывал.

– Нет, ты не проигрывал, – сказал Брюс.

Я вернулся в Пало-Альто разозленным не только из-за того, что проиграл на чемпионате мира, но и потому, что знал, как именно я проиграл. Предстоящее прощание с домом отнюдь не улучшало моего настроения. Мне совершенно не хотелось покидать своего отца и перебираться в Филадельфию на другом конце страны.

Я пребывал в шоке в связи со своим отъездом. Мои родители оба окончили Стэнфорд. Мой дед преподавал в Стэнфордском университете, а бабушка работала там врачом. Я родился в больнице Стэнфорда. Когда я переезжал из Оклахомы в Пало-Альто, мне казалось, что я окончательно возвращаюсь домой. Но поскольку Хорпел уволил меня, я был вынужден пересечь всю страну и оказаться на Восточном побережье. Я чувствовал себя так же, как тогда, когда мне пришлось уехать из Пало-Альто в штат Орегон: словно меня выгоняют из родного дома.

Я хотел провести еще одну, последнюю тренировку в борцовском зале Стэнфордского университета, и она должна была быть с Дэйвом. Думаю, что это была моя лучшая тренировка с ним. Дэйв, судя по всему, понимал, как мне тяжело уезжать. В конце тренировки он попросил помочь ему отработать захваты за шею. Когда мы занимались этим, он остановился и посмотрел мне прямо в глаза.

– Я уже давно не говорил тебе, что люблю тебя, – сказал он. – Так вот, я делаю это.

И затем он поцеловал меня в щеку.

Глава 12
Проблемы спортивного центра и его создателя

Джон Дюпон был самым богатым человеком из всех, кого я встречал. И самым обездоленным. Есть в жизни некоторые вещи, которые элементарно нельзя купить, но Джон Дюпон все же пытался сделать это. Мне вскоре предстояло узнать, что он был не просто человеком, сложным для понимания, или человеком со странностями – он умел плести интриги и манипулировать другими с такой ловкостью, какой ранее мне не доводилось еще видеть. Его деньги позволяли ему иметь власть над людьми, и нельзя сказать, чтобы такое положение дел было нормальным.

Он считал, что у каждого есть своя цена, и стремился для каждого определить ее.

Мне пришлось столкнуться с этим практически сразу же.

Я платил около восьмисот долларов в месяц за квартиру с одной спальней в пригороде, где проживал средний класс, «синие воротнички», в трех милях от университетского городка Вилланова. В гостиной стоял диван с креслом, в моей спальне – письменный стол. В том же здании были оборудованы монетные стиральная машина и сушилка, и в целом я вполне недурно устроился в чистом жилом районе.

Но по сравнению с коттеджем в швейцарском стиле, в котором размещался Дюпон на территории поместья, мое жилище походило на тесную подсобку.

Вскоре после моего переезда в Вилланова Дюпон позвонил мне на квартиру и попросил приехать к нему в коттедж. Его дом был оборудован по последнему слову техники, в частности, мог превращаться неприступную крепость со стальными жалюзи, которые, ниспадая, закрывали окна. Они запечатывали их так плотно, что в помещениях даже в разгар яркого солнечного дня наступала кромешная тьма. Если перейти из фойе в гостиную, то в глаза прежде всего бросался диван, задрапированный белым мехом, похожим на шкуру белого медведя. По стенам гостиной были развешаны фотографии, одна из которых запечатлела рукопожатие Дюпона с президентом Джеральдом Фордом.

Когда я вошел в гостиную, там было несколько человек, в том числе два парня, то ли сановники из Вашингтона, то ли советники, то ли ловцы спонсоров. Возможно даже, это были «решальщики» Джона, которых звали, когда у Джона возникали

проблемы с законом. Мне это было, по большому счету, все равно. Еще там был парень, которого звали Боб. Как позже объяснил мне Джон, он занимался организацией различных мероприятий. Джон любил устраивать церемонии награждения самого себя, которые он проплачивал вкупе с призами из местного магазина наградной продукции, и, надо полагать, работа Боба как раз и заключалась в организации этих событий. Был там и секретарь Джона, Виктор.

Дюпон надрался больше, чем обычно, и по выражению лиц присутствующих я мог понять, что к моменту моего появления Джон уже всласть покуражился над ними. У него была врожденная способность портить окружающим кровь.

Когда я вошел, парень из Вашингтона заметил меня и воскликнул: «Слава богу, вы здесь!» Полагаю, он надеялся, что теперь я смогу избавить его от обязанностей нянчиться с Джоном.

Я подошел к камину у правой стены и, повернувшись, заметил, что почти все в комнате воззрились на меня, словно от меня что-то ожидалось. Я стоял, пытаясь сообразить, что происходит, когда Дюпон обратился ко мне через комнату: «Слава богу, ты здесь, *дружище*!» Всякий раз, когда он называл меня «дружище», я не мог понять, как воспринимать это, поскольку в его устах это могло звучать как нелепо, так и саркастически, как с дружеской ноткой, так и с гневной.

Дюпон на четвереньках двинулся ко мне по полу и, добравшись до моих ног, обхватил меня за талию, словно собирался бороться со мной. Затем он предпринял попытку подняться, уцепившись за меня. Насколько я помню, я еще не видел Дюпона более пьяным, чем в тот вечер. Остальные присутствующие вполне осознавали степень его опьянения, однако, как казалось, они просто не могли поверить, что этот, так сказать, столп американского общества так низко пал в своем поведении. Я схватил его, оттолкнул от себя и направился к двери, когда двое парней из Вашингтона стали умолять меня остаться.

Я возблагодарил Бога, выбравшись, наконец, наружу. *Слава богу, он не в Вилланова и мне не придется часто иметь с ним дело!*

«Все обязательства закреплять в письменной форме!» Этот урок я вынес из опыта работы на Дюпона в Вилланова.

Первые несколько недель Джон был верен своему слову и оставался в стороне, вообще не появляясь у нас в кабинетах. Чак Ярнолл, университетский тренер, который познакомил меня с Дюпоном в отеле штата Индиана, был нашим главным тренером. Мы пока еще не могли пользоваться корпусом «Батлер», но этот день приближался.

Или же нас вынуждали в это поверить.

Прошло не так много времени, и Дюпон начал заглядывать ко мне в кабинет. Он всегда был пьян, или под кайфом, или все вместе. Поскольку во время разговора он брызгал слюной, во время общения с ним я старался сохранять достаточную дистанцию между нами, чтобы его слюна не долетала до меня.

Однажды он пришел, плюхнулся у меня в кабинете и объявил:

– Я безумно хочу черники, прямо сейчас!

Серьезно? Я тут пытаюсь все подготовить к началу тренировки, а он отвлекает меня, и все только потому, что он безумно хочет черники!

– Если бы у меня прямо сейчас была корзина черники, я бы всю ее съел. Ам! Ам! Ам!

Что он здесь делает?

– Ты понимаешь, о чем я говорю?

Даже когда я понимал, о чем он говорит, я не понимал, что именно он хотел этим сказать.

Он постоянно спрашивал: «Ты понимаешь, о чем я говорю?» Это, должно быть, был его способ обратить на себя внимание.

Через пару месяцев Дюпон стал заявляться каждый день. И всегда под кайфом. И всякий раз тратил мое время на бесконечные разговоры, отвлекая меня от того, что мы с Чаком должны были сделать для подготовки нашего спортивного центра и обеспечения его работы, как мы этого хотели.

Всякий раз, когда Джон сидел в моем кабинете и болтал ни о чем, я думал: *«Зачем ты пригласил меня сюда? Я думал, ты хотел, чтобы я занимался тренерской работой, но я не могу этого делать, поскольку ты тратишь впустую кучу моего времени!»*

Ему нужен был не помощник тренера по борьбе, который бы выслушивал его разговоры, – ему был нужен психиатр.

Не существовало никакого плана работы, и, насколько я мог понять, Джон не отчитывался ни перед кем в университетском городке. Деньги, которые он уже пожертвовал, плюс те, которые он пообещал для спортивных сооружений, похоже, совершенно успокоили ректора университета Вилланова. Я никогда не отмечал никаких признаков того, что спортивный директор университета делал что-либо, кроме полного игнорирования всего происходящего.

Дюпон, возможно, и числился где-то как некий «тренер», но это был замысел самого Джона. Чак был самым бесправным и недееспособным главным тренером первого дивизиона Национальной ассоциации студенческого спорта, независимо от

вида спорта.

Джон делал все, что хотел, и мне приходилось отчитываться перед ним, и только перед ним одним.

Надежды на то, что Вилланова сможет обеспечить необходимую мне стабильность, быстро улетучились. В действительности это место стало воплощением нестабильности.

Когда Джон находился в моем кабинете, он хотел лишь имитации мной работы в течение дня. Вместо того чтобы делать дело, он предпочитал поручить это другому – как правило, тому, кто погрязал в выслушивании его алкогольно-наркотической болтовни.

Ты понимаешь, о чем я говорю?

Один день Чак мог быть назначен ответственным, на следующий день – я. Решая, кто именно сегодня или в этот конкретный момент несет ответственность, Джон тем самым демонстрировал свою власть.

Местный телеканал сделал репортаж о новой борцовской команде университета Вилланова, обратив особое внимание на роль Джона в ее становлении. Там была сцена с заплывом Джона в плавательном комплексе его имени. Он вышел из бассейна, весь мокрый. Затем камера проследовала за ним в «Павильон Джона Э. Дюпона», где прямо во время тренировки мужской баскетбольной команды он подошел к тренеру Массимино, выхватил у него из рук баскетбольный мяч и принялся говорить в камеру, тогда как вода стекала с него на площадку. Джон показывал всем, насколько безгранична его власть в Вилланова и что он мог делать все, что хотел.

* * *

У нас практически не было основы, на которой можно было бы комплектовать команду. Всегда сложно начинать подготовку борцовской команды, состоящей из одних новичков. Кроме того, Джон и Чак не могли привлечь хороших борцов. По существу, мы создавали команду с нуля. Джону и Чаку приходилось ходить по университетскому городку, выискивая парней, одетых в университетские футболки с борцовской эмблемой. Если кто-то занимался в университете борьбой, он мог попасть в нашу команду.

Однажды Чак сказал мне:

– Джон просил передать, что отныне ты отвечаешь за подбор кандидатов.

Это взбесило меня, поскольку наступал тот этап, когда я

должен был активизировать подготовку к чемпионату мира 1987 года, а на меня теперь свалились обязанности по подбору кандидатов в команду, занимавшие массу времени и сил.

Вместо занятий борьбой я стал заниматься подбором новых борцов. В отличие от Дюпона, который мог сколько угодно козырять своими деньгами, зазывая новичков в команду, у меня в этом плане было очевидное преимущество: золотая олимпийская медаль и участие в чемпионате мира. Не требовалось много времени, чтобы вычислить новичков, заинтересованных в перспективных тренерах, на которых можно было бы положиться. Но я не мог предоставить им никаких гарантий. Мне легко было представить, как кандидаты в нашу команду мысленно вычеркивают нас из своего списка, стоит только мне упомянуть, что у меня нет в планах оставаться в Вилланова на ближайшие пять лет. Еще пять лет? Это исключено. Если бы не предстоящий чемпионат мира 1987 года, я бы уже ушел оттуда.

К весне, когда мы набирали новичков, у нас все еще не было корпуса «Батлер». Борцовский зал необходим для занятий борьбой. Невозможно на законных основаниях вести подготовку команды первого дивизиона без собственного борцовского зала.

Каждый день перед тренировкой нам приходилось раскатывать маты, а после тренировки скатывать их. У нас уходило полчаса на то, чтобы раскатать и расстелить их, затем еще полчаса на то, чтобы убрать. Сначала я сам каждый день занимался этим. Это неизбежно влияло на мою тренерскую работу, поэтому мы сформировали из своих борцов «команду по матам» и платили им за то, чтобы они делали все необходимое.

Если каждый день раскатывать маты, то требуется некоторое время для того, чтобы они выровнялись, поэтому нам пришлось иметь дело со складками на них. Стало уже привычной картиной, когда во время тренировки очередной пары один из борцов запинался на мате, который не успел полностью расправиться.

Я спрашивал Дюпона, когда же мы получим свой собственный зал.

– Скоро, – отвечал он, и это было его привычным ответом.

Где-то через три месяца такой фигни мы стали брать своих борцов на тренировки в поместье Джона. Он превратил в борцовский зал свой стрелковый тир, находившийся в доме. Проблема заключалась в том, что у тиров, как правило, низкий потолок, чтобы пули не рикошетили. Нам уже не приходилось скатывать-раскатывать маты, однако борцы не могли высоко поднимать соперника, не рискуя задеть потолок. Мы были вынуждены, по существу, изменить свой борцовский стиль, уделив с учетом высоты потолка больше внимания приемам без

высоких бросков.

Нам также приходилось ставить будущих новичков в известность о том, что борцовский зал появится только в течение года с момента их зачисления в команду. Я не знал, будет ли это именно так, но выражение «скоро» не очень-то воодушевляло новых борцов.

Тем не менее Джон нашел способ произвести впечатление на новичков. Хотя данный шаг противоречил некоторым правилам Национальной ассоциации студенческого спорта, он все же пошел на это. Новичков доставляли на частных самолетах и вертолете Дюпона и размещали в дорогом отеле с безлимитным обслуживанием. Их кормили омарами и крабами, очищенными от панциря и порезанными кусочками, и поили шампанским. Это нарушало правила Национальной ассоциации студенческого спорта, которые определяли предельную сумму расходов на поездку каждого новичка. Однако эти парни были студентами и вряд ли знали все правила, которым надо было следовать. Они получали выгодное предложение и, полагаю, соглашались с условиями Дюпона, поскольку у них не было ничего лучшего.

Спортивные чиновники в Вилланова, однако, знали эти правила. Не думаю, что они действительно жаждали создания нового спортивного центра по подготовке борцов, но были готовы терпеть наше присутствие, учитывая обещания Дюпоном крупных пожертвований на баскетбольный зал и плавательный комплекс. Подозреваю, что их смущало участие Дюпона в спортивном проекте, но, насколько мне известно, они не заявляли никаких претензий и не интересовались нашей практикой набора новичков.

У Джона была плохая привычка предлагать каждому новичку, которого мы находили, полные стипендии. Правилами Национальной ассоциации студенческого спорта для борцов было разрешено 9,9 стипендий в год. Обычная команда, как правило, имеет в своем составе максимум тридцать человек, и очень немногие из них, если вообще кто-либо, находятся на полной стипендии. Как показал опыт главного тренера Оклахомского университета Стэна Абела, при формировании команды с 9,9 стипендиями требовался творческий подход.

Следовало учитывать также финансовые возможности каждого новичка. Необходимо было оценить каждого из них, чтобы понять, кого надо в первую очередь включить в создаваемую команду. Тот, кто наиболее полно удовлетворял требованиям и подходил для команды, получал бóльшую часть стипендий. По крайней мере, так всегда было организовано в реальных спортивных центрах.

Когда Джон занимался поисками новичков – а это происходило практически постоянно, – он обещал парням, что, если только те пожелают, они будут иметь полную стипендию. Я понятия не имел, как он был намерен обеспечивать эти стипендии. Не в финансовом отношении, а на бумаге, чтобы это не выглядело нарушением правил Национальной ассоциации студенческого спорта.

В первый год Дюпон дал одному из парней стипендию. Мне жаль это говорить, но тот парень ее не заслуживал. Ничего личного, просто он не был борцом уровня первого дивизиона. Он учился на бесплатной основе, но я не стал бы даже предлагать ему бесплатных учебников, чтобы привлечь в нашу команду.

Мы разъяснили Дюпону, как мы нуждались в этой стипендии, чтобы предложить ее другим, которые могли бы помочь команде. И Дюпон велел мне избавиться от этого парня. *Он* дал парню стипендию, а *мне* велел отнять у него бесплатное обучение!

Я не знал, как это сделать. Мы встретились, чтобы поговорить об этом, и Дюпон велел мне составить список причин, по которым парень лишается стипендии. Я составил такой список, который занял полстраницы, и передал его Джону. Тот поставил внизу свою подпись, даже не удосужившись прочитать.

Я чувствовал себя виноватым перед парнем. Это ведь я заявил о том, что его стипендия мешает нашей работе. К счастью, вмешался университет и предоставил ему стипендию, не связанную со спортом.

Такой ситуации не должно было возникнуть, но она возникла – из-за плохого руководства проектом.

Подбирая новичков, я пытался создать команду – а Джон упорно разрушал ее. Я должен был найти способы, чтобы воспрепятствовать его участию в подборе кандидатов. Конечно, я не мог просто попросить, чтобы он не лез не в свое дело, потому что это был его проект и он предоставил место для спортивного центра.

* * *

Чак Ярнолл продержался не более года. В университете объявили, что Чак уволился в феврале 1987 года. Без объяснения причин. На самом деле он был уволен. Мной. Потому что Дюпон велел мне сделать это.

Да, именно так: помощник тренера уволил главного тренера. Вот так все и было устроено в центре Дюпона.

Мое участие в увольнении Чака – тот поступок, в котором я,

пожалуй, больше всего раскаиваюсь в своей жизни. Чак был, на самом деле, хорошим парнем. Мне он очень нравился.

Дюпон лежал в больнице, выздоравливая после операции. Он захотел, чтобы я навестил его.

Вначале, пока я там был, Дюпон позвонил Марку Спитцу. Марк выиграл девять золотых олимпийских медалей по плаванию и тренировался в клубе университета Санта-Клара. Джон познакомился с ним в период своего увлечения плаванием.

Судя по тому, что я мог понять, слыша лишь часть разговора со стороны Джона, это был телефонный звонок, от которого Спитц вряд ли пришел в восторг. В один из моментов Дюпон дал мне трубку, чтобы я поговорил со Спитцем. Марк практически ничего не сказал мне. Похоже, он задавался вопросом, почему Джон передал мне трубку.

Подозреваю, что этим звонком Дюпон просто хотел произвести на меня впечатление.

После звонка Джон решил поговорить о борьбе.

– Ты хочешь быть главным тренером в Вилланова? – спросил он.

Я ответил отказом и был уверен, что он заранее знал этот ответ. После того как я убедился в назойливой манере Джона постоянно вмешиваться не в свои дела, я ни за что не взялся бы за работу Чака. Кроме того, главным тренером все же был Чак.

– Не думаю, что Чак может быть тренером, – сказал Джон.

Честно говоря, как человек, который любил Чака, должен сказать, что Дюпону не следовало нанимать его в качестве главного тренера. Чак был университетским тренером. Ему было тридцать, и он мог бы быть прекрасным администратором, но его личные качества и уровень профессиональной подготовки не позволяли ему стать тренером первого дивизиона.

Я долго пытался понять, почему Дюпон нанял Чака в качестве первого тренера в Вилланова. Он хотел, чтобы эту руководящую должность занимал тот, кого он мог бы контролировать. Джон был бы не прочь и сам быть главным тренером, но он не хотел связываться с обязанностями главного тренера. Ему совершенно не хотелось ежедневно заниматься расписанием тренировок, возней с матами и всей той утомительной рутиной, которая была необходима для повседневного руководства спортивным центром по подготовке борцов. Он не проявлял интереса к тому, чтобы изучить правила Национальной ассоциации студенческого спорта о наборе новичков.

Я не мог бы упомянуть ни одной из функциональных обязанностей обычного тренера первого дивизиона, с которой Дюпон был бы в состоянии справиться. Он не мог даже

разобраться в простом принципе распределения новичков по категориям и выделения стипендий. Но он хотел, чтобы с ним обращались как с главным тренером, и, возможно, следовало брать выше – все только для того, чтобы он мог почувствовать себя главным тренером. В интервью, которое Джон дал прессе, он упомянул о себе как о главном тренере.

Лежа на больничной койке, Дюпон сказал мне, что вскоре он должен будет отъехать из города, а к моменту своего возвращения он бы хотел, чтобы Чак уже ушел. И что это я должен уволить его.

Я должен был бы сказать Джону, что не буду делать этого. Я должен был бы уйти вместе с Чаком.

Не могу вспомнить, как я сообщил Чаку о том, что он уволен. Я рад, что не могу этого вспомнить, потому что даже два десятилетия спустя мне причиняет боль мысль о том, что я сделал его. Я хотел бы стереть из памяти этот ужасный момент своей жизни. Следовало бы заставить Джона сделать его собственную грязную работу. Не думаю, однако, что у него хватило бы мужества на это. Он был таким слабаком, что предпочитал уцепиться за сильных личностей и пользоваться ими, чтобы добиться того, чего хотел.

Университет дал необходимые разъяснения по поводу ухода Чака. Его официальный представитель сообщил журналистам, что тренеры по борьбе пришли к коллективному мнению о том, что, хотя Ярнолл и числился главным тренером, обязанности главного тренера команды на самом деле исполнял Дюпон. Какая хрень! Я никогда так не считал, в противном случае я просто не пошел бы в Вилланова.

Спортивный директор университета, Тед Ацето, отметил в опубликованном заявлении: «Дюпон является и всегда был главным тренером нашей борцовской команды. Чак Ярнолл занимал должность главного сотренера. Джон Дюпон остается главным тренером нашей борцовской команды».

Когда до меня дошли последние новости, у меня сложилось впечатление, что дело нечисто и что происходит какая-то закулисная интрига.

* * *

Я чувствовал себя в Вилланова так, словно угодил в ловушку, по двум причинам: первое – мне нужны были деньги, второе – до чемпионата мира 1987 года оставалось всего несколько месяцев, и я не мог сорвать свои тренировки. Я бы не смог найти для них

других партнеров такого уровня, которые у меня были в Вилланова.

Все остальное также вселяло мало оптимизма.

Я не мог рассчитывать на поддержку Федерации спортивной борьбы США и вынужден был работать университетским тренером, чтобы обеспечивать себе тренировки и соревнования. Но найти работу в этой области становилось все труднее.

В 1972 году был утверждена Статья IX Поправок к Закону об образовании, которая запрещала дискриминацию по половому признаку в сфере образования. В легкой атлетике это означало создание равных условий на спортивной площадке для мужчин и женщин, то есть таких, при которых оба пола имели бы равные возможности.

Насколько я могу понять, Статья IX была направлена на то, чтобы расширить возможности женщин, сравняв их с возможностями, которые были предоставлены мужчинам. Однако в большинстве случаев это обернулось сокращением финансирования мужчин и предоставляемых им возможностей. Иногда весьма существенным сокращением. И на университетском уровне одним из наиболее пострадавших видов спорта оказалась борьба, где сравнительно с другими видами спорта участие мужчин гораздо выше, чем женщин.

Чтобы обеспечить выполнение требований Статьи IX, по всей стране были сокращены программы подготовки борцов: чем меньше программ, тем меньше рабочих мест. А чем меньше рабочих мест, тем больше тренеров, цепляющихся за работу, которую им посчастливилось найти. Я был двадцатишестилетним помощником тренера, и вокруг было достаточно много бывших главных тренеров старше и опытней меня, которые искали работу.

Когда мне в жизни приходилось туго, я обычно прикидывал, не пойти ли мне на военную службу. И теперь у меня опять появились мысли об этом. У военных была специальная борцовская команда, и если ты был достаточно хорошим борцом, твои обязанности заключались бы в том, чтобы представлять их на соревнованиях. Но поступление на военную службу никогда не входило в мои первоочередные планы, поскольку у меня еще оставались юношеские воспоминания о ветеранах вьетнамской войны, возвращавшихся домой. Они были ранены и искалечены, а их сограждане называли их «убийцами детей», правительство же, казалось, не обращало на них никакого внимания.

Мне пришла мысль, что я мог бы уехать из Вилланова, выбрать университет по душе, обосноваться где-нибудь рядом и оформить там себе пособие по социальному обеспечению. Однако

в силу своего воспитания я не рассматривал такой вариант серьезно.

Я оказался в тупике. А Джон, поскольку с уходом Чака все формальные препятствия были устранены, теперь был вправе считаться официальным и бесспорным главным тренером по борьбе университета Вилланова.

Но он не был способен руководить спортивным центром. Я – тоже, поскольку он постоянно ошивался в моем кабинете, пьяный, рассказывал разные дурацкие, бессмысленные истории. Подозреваю, для Джона важнее было то, что я ублажаю его, чем то, что я пытаюсь обеспечить нормальную работу его центра.

Мы вместе выезжали на завершающие соревнования этого сезона. Когда у него случались приступы «белой горячки», я сидел рядом, смотрел на этого убогого типа, с которым я связался, и думал: *«Я не смогу пережить этого сезона. Это мой последний год в Вилланова»*.

Джон, должно быть, чувствовал мое разочарование. Как он мог не чувствовать? К концу моего первого года он поинтересовался, не хочу ли я партнера для тренировок. У меня был на примете один идеальный парень: Дэн Чэйд. Дэн был университетским борцом в Калифорнии, с которым мы с Дэйвом познакомились и которому помогали тренироваться. Дэн был выпускником неполной средней школы и сидел на трибуне, когда Дэйв, учась в то время на старшей ступени средней школы, выиграл чемпионат штата. Сам Дэн смог выиграть два чемпионата штата.

Дэн поехал с нами в Оклахому, чтобы заниматься борьбой, там стал четырехкратным чемпионом общенациональных чемпионатов и выиграл чемпионат Национальной ассоциации студенческого спорта 1985 года в весовой категории до 87 килограммов. Он в течение года работал помощником тренера в штате Аризона, когда Джон нанял его и обеспечил его жильем. Дэн стал помощником тренера, чьи обязанности в основном сводились к двум пунктам: приходить на тренировки и тренироваться со мной.

* * *

Переехав в Вилланова, я вошел в состав команды Дюпона «Фокскэтчер». Дюпон создал свою собственную команду, назвав ее в честь конюшни чистокровных скаковых лошадей своего отца, которая также называлась «Фокскэтчер». Дюпон был намерен оказывать финансовую поддержку пловцам, современным

пятиборцам, троеборцам. К этому списку он решил добавить и борцов, и я был вторым из них после Роба Калабрезе. Как только заходила речь о названии «Фокскэтчер» либо о чем-то, связанном с командой с таким именем, я интуитивно чувствовал, что здесь что-то неладно.

После того как я был принят, Джон стал быстро подбирать в свою команду новых борцов международного уровня, которые, испытывая финансовые затруднения, пытались устроиться на любой скудный бюджет.

Дэйв присоединился к клубу Дюпона после чемпионата мира 1986 года, когда он был тренером в штате Висконсин. За то, чтобы Дэйв вошел в состав борцовской команды «Фокскэтчер» и стал помощником тренера, Дюпон согласился платить ему столько же, сколько тот получал в Висконсине.

Зная, что у Дэйва не было намерений покидать Висконсин, я не видел никакой необходимости предупреждать его насчет некоторых особенностей команды «Фокскэтчер». На тот момент Джон платил Дэйву, по существу, вторую зарплату. Однако, желая предотвратить повторения неприятностей, случившихся в Стэнфорде, я пришел с Джоном к соглашению о том, что он не будет платить одному из нас больше, чем другому, и не будет назначать на разные по иерархии должности. С моей стороны это оказалось весьма проницательным шагом.

Не ставя в известность борцов команды «Фокскэтчер», Дюпон планировал организацию двусторонней встречи с болгарской сборной. Подозреваю, что он затевал это исключительно для того, чтобы подставить меня, поскольку я должен был вновь бороться с Александром Наневым, с которым я и так сталкивался практически на каждом чемпионате мира. Я надеялся, что смогу удержать преимущество над Наневым, хотя каждая очередная схватка с ним на чемпионатах мира шла ему только на пользу. В то время становились все более популярными видеозаписи, и я не хотел, чтобы он имел возможность посмотреть в записи схватку со мной и сделать полезные для себя выводы.

Джон настаивал на том, чтобы я боролся с Наневым, я же постоянно отказывался. После окончания университета я еще не принимал участия в командных соревнованиях, за исключением того раза, когда должен был отомстить Владимиру Модосяну в Чикаго. Однако Дэйв согласился участвовать в матче с болгарами, и я, таким образом, оказался перед необходимостью также бороться.

Я никогда не говорю о турнирах или соперниках накануне предстоящих схваток. Однако, когда вопрос с двусторонними соревнованиями был решен, Дюпон не умолкал о них. Каждой

второй репликой у него было: «Скоро встречаемся с болгарами!» Меня это выводило из себя, и он это прекрасно понимал. Я старался, как мог, избегать Джона, проводя как можно больше времени в своей квартире.

В день соревнований мы с Калабрезе на пути в тренажерный зал столкнулись машинами. Мы болтались без дела и нарезали на машинах круги, чтобы отвлечься от предстоящей встречи. Я был слишком погружен в свои переживания в связи с тем, что Джонс смог втянуть меня в схватку с Наневым, и по неосторожности слегка задел машину Роба. Тот рассердился на меня, и этот инцидент, похоже, психологически доконал меня накануне турнира.

Я проиграл Наневу со счетом 1:0 в ничего не значившей схватке. Я не пытался выиграть. Мне было все равно, и я не стремился ничего показать в этом дурацком турнире, который был чистой показухой, особенно с учетом предстоявшего чемпионата мира.

Большинство болельщиков пришли посмотреть на Валентина Йорданова, который к тому времени уже выиграл свой второй из шести чемпионатов мира, одержав победу над Эдом Гизом в весовой категории до 52 килограммов. Эд Гиз уже завершал свою карьеру, он двенадцать раз занимал призовые места на национальных чемпионатах вольного стиля и греко-римской борьбы и был пятикратным финалистом, выступая за команду США на чемпионатах мира. И Йорданов одержал над ним верх.

Эта схватка положила начало дружбе между Дэйвом и Йордановым.

Дюпон изводил меня, настаивая на том, чтобы быть моим секундантом на соревнованиях, но я твердо говорил ему «нет». После того как Крис Хорпел уволил меня, я разрешал ему быть моим секундантом на крупных турнирах, поскольку мне не оставалось ничего другого, кроме как простить его. Мне пришлось простить и всех остальных, чтобы снять с души эту тяжесть. Крис был хорошим тренером, и он действительно помогал мне в качестве секунданта. Что же касается Дюпона, то об этом не могло быть и речи. Он ничем не мог помочь мне. Он просто хотел отметиться как мой секундант, чтобы затем поставить себе в заслугу мои возможные победы.

Джон нанял съемочную группу, чтобы сделать фильм о своем присутствии на чемпионате мира 1987 года в Клермон-Ферране, во Франции. Это был документальный фильм под названием «В поисках лучшего», который позже был показан на канале «Дискавери». На этом чемпионате, где бы он ни был, съемочная группа постоянно следовала за ним.

После того как мы вернулись в Штаты, Джон взял некоторых из нас с собой в Южную Каролину, где он дал старт соревнованию по троеборью. Его съемочная группа и там сопровождала его. Они хотели снять, как я рассказываю о том, каким отличным руководителем является Джон. Я пытался отбиться от них, но они не отставали от меня. Должно быть, им очень хотелось этого, поскольку смотрелось бы весьма эффектно, и они проявляли настойчивость. Я нашел выход из положения, который устроил всех. Я напился – и после этого рассказал про Дюпона: и что он отличный руководитель, и все остальное «бла-бла-бла». Я был настолько пьян, что отснятый материал никак нельзя было вставлять в фильм.

Во время моих первых схваток во Франции я как-то вышел против западногерманского борца Райнера Трика, который на Олимпийских играх 1984 года занял четвертое место. Я выигрывал, и он нырнул мне в ноги. Я применил рычаговый захват. Этим приемом я на Олимпийских играх сломал Решиту Карабаджаку руку. Я не причинил Трику никакого вреда, но рефери, должно быть, не понравился мой прием, поскольку до конца схватки оставалось около десяти секунд, и мне вынесли предупреждение за ее затягивание.

В результате этого поражения я оказался в такой ситуации, когда в финал я мог пройти только в том случае, если туширую или выиграю с «сухим» счетом у Владимира Модосяна из Советского Союза, отстаивавшего свой титул чемпиона мира, либо если ему вынесут предупреждение.

Я вышел из зала, чтобы ни с кем там не встречаться, кто-то из съемочной группы Джона также вышел и протянул мне пиво. Я никогда не употреблял алкоголь во время соревнований, но в тот раз я выпил это пиво. Я считал, что это уже не имело никакого значения, поскольку стоило только Модосяну в схватке со мной заработать хотя бы один балл – и для меня чемпионат был бы завершен.

Ко мне подошел Брюс Баумгартнер.

– Ты сможешь сделать это, – сказал он.

– Нет, не смогу, – ответил я.

– Ах да! – сказал Брюс. – Я и забыл о силе действия внушения от обратного.

Первый период схватки с Модосяном окончился нулевым счетом. Во втором периоде я провел сваливание, удерживал его внизу около минуты и повел в счете – 1:0. Этот балл оказался единственным в схватке. Я не мог поверить, что победил Модосяна с «сухим» счетом.

Я уже во второй раз встречался с Наневым в финале

чемпионата мира и победил его со счетом 2:1. Таким образом, я стал двукратным чемпионом мира. Ли Кемп трижды выигрывал чемпионаты мира в период с 1978 по 1982 год, и с учетом моего титула двукратного чемпиона мира и моего олимпийского золота я приблизился к нему по этим званиям среди американских спортсменов. За наши достижения мы даже попали в «Книгу рекордов Гиннесса».

После победы на чемпионате мира надо было проходить тест на наркотики. Те, кто проводил тест, сказали, что я мог выпить пиво, воду или содовую, если это поможет мне собрать мочу для пробы. Я попросил пива. Когда пришел Ли Джа-сик, чемпион из Северной Кореи в категории до 48 килограммов, чтобы сдать свой тест, он также попросил пиво. Мы хлестали пиво, забив на все вокруг.

Никто из нас не имел ни малейшего понятия, о чем говорит его собеседник на своем родном языке, но это не мешало нам безудержно смеяться. Когда проводившие допинг-контроль поинтересовались, готовы ли мы мочиться в баночку, мы оба ответили «нет», чтобы попить еще пива. Мне уже сильно хотелось отлить, но я не собирался отказываться от бесплатного пива. Наконец, я уже больше не мог терпеть. Я заполнил три баночки, обоссав себе руку, и пролил первую баночку на одного из проводивших тест. Хорошо еще, что оставались в запасе две другие баночки.

Сразу после того как мы вернулись с чемпионата мира, Джон захотел сделать рекламный плакат команды «Фокскэтчер» со мной, первым американцем – двукратным чемпионом мира по вольной борьбе и победителем Олимпийских игр. Я, как первый чемпион мира из спортсменов команды «Фокскэтчер», должен был бы стать ее лицом. Джон хотел разослать этот рекламный плакат во все университетские спортивные центры страны как доказательство того, что его команда занимает ведущие позиции в борцовском сообществе и что с ней следует считаться. Я принял участие в фотосессии, изображая, будто бы только что выиграл титул: на мне было красно-белое с желтой окантовкой трико команды «Фокскэтчер», меня обмазали маслом, чтобы казалось, что я весь взмок, голова опущена, указательный и средний пальцы подняты вверх в знак победы, на фоне большого американского флага.

Прямо под моими красными борцовками, на одной из белых полос флага, в других местах заглавными буквами красовалось: КОМАНДА «ФОКСКЭТЧЕР». Я был готов держать пари, что это были любимые фрагменты плаката Джона. Когда я увидел плакат первый раз, я испытал смешанные чувства. С одной стороны, было

приятно оказаться на таком огромном плакате, и мне понравилось, как я выглядел. С другой стороны, мне было противно, что подо мной и на моем трико была надпись: КОМАНДА «ФОКСКЭТЧЕР». Я был возмущен, что меня изобразили таким образом, словно мои спортивные достижения – это заслуга команды и, таким образом, Джона, потому что Джон именно этого и добивался.

Дюпон ставил мой успех себе в заслугу и в то же время пытался сломать мою карьеру.

Глава 13
Любой ценой

Джон Дюпон был коллекционером. Когда он был моложе, он собирал морские ракушки, птиц и птичьи яйца и хранил их наверху в своем особняке. Это была особенная коллекция: он ездил на Филиппины, Самоа, на острова Фиджи и в Австралию, в другие страны мира, где собрал сотни тысяч ракушек и более сорока тысяч экземпляров птиц.

Однажды он взял меня показать свою коллекцию в Делавэрском музее естественной истории, основание которого он финансировал. Когда отец Дюпона умер в 1965 году, Джон получил от него в наследство, как сообщалось, от 50 до 80 миллионов долларов. На эти деньги он смог осуществить свои давние планы по созданию музея, открывшегося в 1972 году, в котором он разместил свою коллекцию.

Оказавшись там вместе с Джоном, я испытал противоречивые чувства.

С одной стороны, мне стало несколько не по себе, поскольку музей был заполнен мертвыми птицами. Он собрал всех этих птиц, набил из них чучела, все чучела промаркировал и разместил на хранение. С другой стороны, мне стало не по себе, потому что эта коллекция, очевидно, был существенной частью его жизни. Это музей был одним из самых сокровенных мест Джона, и хотя, как я понимал, его основным мотивом было произвести на меня впечатление, я оценил то, что Джон приоткрыл частичку самого себя, которая раньше была от меня скрыта.

Я был скорее опечален, чем впечатлен. Эта поездка в музей позволила заглянуть в душу Джона, которой, судя по всему, была чужда любовь к окружающим, доброта и щедрость. Нет, его душа, по всей видимости, была темна, мала и вся как-то скособочена.

На свете существовало много того, чего я не мог приобрести за деньги, но я в своей жизни узнал, что деньги не требуются для того, чтобы обрести уверенность в себе, счастье, преданность, дружбу… и любовь. У Дюпона ничего этого не было. У него были деньги, чтобы купить практически любую материальную вещь, которую бы он только захотел. Однако, несмотря на все его усилия, ему не удалось получить то, к чему он больше всего стремился. И, пытаясь этого добиться, он потерпел моральное фиаско.

Для меня было весьма символично то, что все существа в

музее у Дюпона были мертвы и превращены в чучела. У него не было необходимости кормить их, ухаживать за ними. Ему требовалось лишь собрать их. Он убил их, завладел ими, получил возможность поступать с ними по своему усмотрению и развесил их по стенам для того, чтобы другие могли полюбоваться на них.

Теперь же, как я осознал, он коллекционировал борцов. Мы были его новыми трофеями. Мы стали для него тем, с чем он мог бы, пользуясь родительскими деньгами, поступать по своему усмотрению. И забавляться с нами было интересней, чем с ракушками или птицами, поскольку мы представляли собой предметы коллекционирования, которыми он мог манипулировать. Того, кто не желал стать экспонатом его коллекции и быть повешенным на стенку, он был готов уничтожить.

Во время чемпионата мира 1987 года я обнаружил, что работать в Вилланова мне может оказаться еще сложней. Я узнал, что Дюпон предложил работу тренера Андре Метцгеру, нашему с Дэйвом товарищу по команде борцов Оклахомского университета, и что Андре принял это предложение.

Андре занял на чемпионате мира третье место в весовой категории до 68 килограммов. Он разрешил Джону быть своим секундантом во время схваток, и съемочная группа Джона фиксировала каждое их мгновение.

В Оклахомском университете мне казалось, что мы с Дэйвом и Андре словно братья. В тот год, когда мы все трое стали победителями на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта, на первой странице газеты была опубликована наша общая фотография. Однако, когда Дюпон нанял Андре, это оказалось началом конца моей работы в Вилланова.

Ранее Джон с подозрением отнесся к предложенной мной кандидатуре на тренерскую должность и отклонил ее. Он искал тренера для борцов среднего веса, и я предложил Билла Наджента, который замечательно показал себя на открытом чемпионате США 1985 года в весовой категории до 68 килограммов. Билл был тренером, который проводил мастер-классы в штате Пенсильвания, и я предложил ему приехать в Вилланова, чтобы встретиться с Джоном.

Я представил Билла Джону как «лучшего в стране борца среднего веса прошлого года».

Обычно, когда я приводил к Джону новичка, тот предлагал парню весь мир. На сей раз он ничего не предложил Биллу. Более того, кода тот ушел, Дюпон сказал мне: «Никогда больше мне

никого не рекомендуй». Оглядываясь назад, я подозреваю, что Джону не понравилось то, что мы с Биллом были друзьями. Уже позже я понял, что Джон хотел на это место того, кого он мог бы использовать против меня.

После чемпионата мира я попросил Джона о пятитысячной прибавке к зарплате. Он мне отказал. Я почувствовал, что, приняв в штат Андре, Джон стал не особенно-то нуждаться во мне. «Теперь у меня в курятнике есть два лиса», – хвастался мне Джон.

Я тренировал борцов всех весовых категорий, но у Андре было солидное резюме. Теперь при желании заплести интригу Джон мог использовать Андре в качестве рычага давления на меня. Он мог прогнать меня в любой момент, поскольку у него оставался именитый помощник для привлечения новичков и поддержания своего авторитета в борцовском сообществе.

В конечном итоге Дюпон поднял мне зарплату на втором году моей работы у него, но сделал это тогда, когда он сам это захотел, а не тогда, когда я его об этом попросил. Другими словами, это произошло так, как он того пожелал.

Он поднял мне зарплату до тридцати тысяч долларов, изменив порядок оплаты. Первый год он выдал мне всю зарплату наперед. Второй год он платил тренерам порциями по трети зарплаты. Полагаю, он думал, что имеет возможность лучше обеспечивать контроль над нами, если нам еще причитались какие-то деньги, чем если бы мы все уже получили в полном объеме.

На самом деле Джон не платил мне напрямую. У меня был контракт, по которому он платил мне один доллар в год, чтобы я мог получать от университета страховку. Остальные деньги мне поступали от Джона через доверительный фонд Федерации спортивной борьбы США. Мой бухгалтер уточнил этот вопрос в Федерации, где ему сказали, что эти деньги будут считаться стипендией и, таким образом, будут освобождены от налогообложения. В последующем, однако, Федерация спортивной борьбы аннулировала программу доверительных фондов и заявила, что предоставила моему бухгалтеру неточную информацию. Для меня все завершилось тем, что я был вынужден заплатить более шести тысяч долларов для погашения налоговой задолженности и штрафов налоговому управлению.

Ко второму сезону соревнований мы впервые смогли в полную силу развернуться, набирая новичков. Нам удалось привлечь хороших борцов. Большинство из них были университетскими чемпионами на соревнованиях своих штатов. Однако в центре спортивной подготовки творился такой хаос, что мы не могли рассчитывать на какие-либо победы независимо от

того, с кем мы заключили контракты.

Кроме присутствия Дюпона, самой большой проблемой, которую мы никак не могли решить, являлось отсутствие специально выделенного для нас борцовского зала. Я имею в виду борцовский зал в университетском городке, который имел бы потолки выше, чем в тире для стрельбы.

«Скоро» никак не могло материализоваться.

Тем не менее «скоро» раз за разом срывалось с губ того парня, который также утверждал, что не собирается мешать, а будет лишь время от времени заглядывать, чтобы узнать, как идут дела и нет ли проблем, которые требуется решить.

Мне так надоела неопределенность, что я составил проект, где были прописаны правила спортивного центра, обязанности его должностных лиц и порядок подчиненности. Я пришел с этим проектом к Джону и попросил его ознакомиться с ним, внести любые изменения, которые он захочет, и подписать. Он отказался. Если бы такой документ вступил в силу, он бы не мог оставаться диктатором.

Словно таблички на двери не было достаточно для информирования о том, что Метцгер принят в штат, это имя было проставлено в «шапке» фирменного бланка, четко расставляя все по полочкам. В один прекрасный день в наш офис доставили упаковки фирменных бланков. На самом верху значилось имя Джона с титулом главного тренера. Прямо под ним шел Андре, который был обозначен как помощник тренера. В самом низу страницы были напечатаны имена других помощников тренера: Чэйд, Калабрезе, Гленн Гудман, Билл Хайман и я. Мой номер телефона был там единственным. Короче говоря, если что-то требовалось сделать, звоните мне, но Джон и Андре были важными «шишками».

– Вы утвердили это? – спросил я у Джона.

– Нет, я не утверждал, – ответил он.

Когда затем парень из типографии пришел получить деньги за работу, Дюпон заявил, что не собирается платить. Они принялись спорить, и все завершилось тем, что парень вышел из себя, махнул рукой и ушел.

Джон улыбнулся вслед ему. Этот мультимиллионер вел себя так, словно одержал крупную победу, не заплатив за канцелярские принадлежности.

Дело было не в деньгах, хотя при общении с Джоном люди обращают на них особое внимание. Просто для Джона это был вопрос контроля над окружающими. Его деньги позволяли ему обеспечивать контроль над остальными.

Я договорился с Дюпоном о том, что буду руководить

борцовскими сборами в Вилланова. Многие университетские тренеры сегодня организуют сборы, и зачастую в их контрактах с самого начала прописана такая возможность. Сборы обеспечивают целый ряд преимуществ: они содействуют развитию твоего спортивного центра, позволяют должным образом тренировать молодых спортсменов в этом виде спорта, способствуют укреплению отношений в спортивном сообществе, приносят дополнительный доход, который можно использовать как прибавку к зарплате тренера или же для развития спортивного центра, в том числе на стипендии или его оборудование и инвентарь.

Джон свел меня с человеком, который, по его словам, мог подготовить проспекты с рекламой сборов для рассылки каждому университетскому тренеру и борцу в Пенсильвании. Парень, заявившийся в мой кабинет, был растрепанным, небритым и грузным, глаза у него смотрели в разные стороны. Тем не менее проспекты получились нормальными. Как ни странно.

Калабрезе, Хайман и некоторые другие наши друзья помогли в качестве инструкторов на сборах, в целом в них приняли участие около восьмидесяти парней. Для первого года сборов это было совсем неплохо. За неделю сборов мы получили 8000 долларов. Еще через неделю Дюпон спросил меня: «Как нам быть с затратами на проспекты?»

Как оказалось, этот парень запросил за них 7500 долларов. В конечном итоге я смог поделить затраты с Дюпоном, и, когда все было обговорено и согласовано, мы в результате получили в виде чистой прибыли только около половины из этих 8000 долларов.

В другой раз я приобрел в студенческом клубе некоторые канцелярские товары. Джон обнаружил их у меня на столе, взял канцелярскую скрепку и уставился на нее так надолго, что я оставил все свои дела и стал ждать, что теперь последует.

– Знаешь ли ты, сколько это стоит? – спросил он. – Это стоит пять центов. А знаешь ли ты, сколько это – пять центов?

Он устроил скандал из-за пяти центов, а затем взял кое-кого из нас, посадил на самолет бизнес-класса и полетел в Южную Каролину, чтобы он мог там дать старт соревнованию по троеборью. После этого мы сели обратно на самолет и вернулись домой.

Дюпон мог не задумываясь истратить тысячи, десятки тысяч долларов, если это привлекало внимание к нему, а затем устроить нам скандал из-за какой-нибудь ерунды – просто чтобы напомнить нам, что мы находимся у него на иждивении.

Он предоставил нам талоны на питание в кафе напротив стадиона «Филдхаус». Затем он решил забрать их без какого-либо

объяснения. В этом, однако, был свой плюс: не будучи уверенным в том, что мы питаемся в этом кафе, он не мог присоединиться к нам во время обеда.

Его манеры за столом были ужасающими. Он мог говорить, жуя с открытым ртом, как ни в чем не бывало. Однажды я оказался во время обеда прямо напротив него. Он разбрызгивал и расплевывал пищу по всему столу, по моим тарелкам, по моей одежде. Это было настолько отвратительно, что я не мог заставить себя прикоснуться к своему обеду. Я встал и вышел прямо посреди еды.

* * *

Дюпон вскоре стал вмешиваться и в то, что происходило на ковре. Как-то во время одного двустороннего соревнования он сел на скамейку рядом со мной. Я подавал реплики одному из наших борцов, подсказывая, какие можно было бы провести приемы, и Джон принялся спорить со мной прямо там, в углу, о том, какой, по его мнению, нашему парню сейчас следует проводить прием и что я должен ему подсказать. Я посмотрел на него, и он все прочел в моем взгляде: *«Ты идиот!»*

Никогда не было ничего хорошего, если Дюпон был рядом.

Он приходил в свой тир для стрельбы, переделанный под борцовский зал, одетый как полицейский, и начинал размахивать пистолетом. Борцы бросались врассыпную. В эти минуты я просто стоял и смотрел на него. Он пытался вести себя так, словно был важной шишкой. Никто не думал, что он может начать стрелять, тем более убить кого-либо. Зачем ему с его деньгами, властью, влиянием рисковать потерять все это, чтобы остаток дней провести в тюремной камере? Джон был неуравновешенным, но он не был сумасшедшим.

На самом деле бóльшую тревогу вызывал тот борцовский прием, который, по его утверждению, он создал. Он назвал его «Пятерней Фокскэтчер». По существу, этот прием заключался в том, что он хватал всей пятерней чьи-то яйца.

Эта идея пришла ему в голову после того, как я рассказал ему о своей схватке в университете с Доном Шулером. Мы с Доном встречались на ковре пять раз, и он был тем, кого мне надо было победить в финале отборочных соревнований к Олимпиаде, чтобы попасть в Олимпийскую сборную 1984 года. Дон был одним из тех немногих парней, которые укладывали меня в университете на лопатки, и, полагаю, он мог оказаться единственным человеком, который не проиграл бы мне в моем родном зале

Оклахомского университета.

Наша первая схватка проходила у меня дома, в Оклахоме, и в третьем периоде я вел 4:0. Дон смог провести переворот и пытался удержать меня на спине. Он получил два балла за переворот и проводил удержание. Удержание соперника на спине в течение двух секунд стоило два балла, в течение пяти секунд – три балла.

Я как сумасшедший пытался сбросить с себя Дона, потому что три очка принесли бы ему победу. Он продолжал жестко удерживать меня, и я почувствовал, как его пах, прижимая мне руку к ковру, вдавливался в мою ладонь. Я должен был освободить свою руку, иначе я бы проиграл. На какую-то долю секунды я сжал Дону яйца. Он закричал и отскочил от меня, как пробка из бутылки шампанского. Я резко перевернулся на живот. Дон обратился с жалобой к рефери, однако тот не заметил моего движения и показал Дону: «Продолжайте борьбу». Схватка завершилась вничью со счетом 4:4.

Как правило, Джон не обращал особого внимания на рассказы окружающих, но этот запомнился ему. На его основе он как раз и придумал свою «Пятерню Фокскэтчер». Он чрезвычайно гордился своим «приемом» и любил всем рассказывать о нем, даже женщинам. Всякий раз, когда он расписывал этот «прием», он смеялся и пытаться представить свой рассказ в виде удачной шутки.

Как-то, когда я проводил летние сборы в Вилланова, я сидел в зале, а Джон подошел ко мне, изобразил рукой лапу с когтями, произнес: «Пятер-р-р-р-рня Фокскэтчер!» – и сделал движение этой рукой к моему паху. Я выразительно посмотрел на него: «Прикоснись ко мне – и ты труп!» Он не стал приставать ко мне. Но другим тренерам и борцам Вилланова он продолжал хвастать своим «приемчиком».

Один борец рассказал мне о том, как Джон таким образом схватил его. Он здорово нервничал, излагая эту историю в полушутливом тоне: «Да, так вот, эта самая «Пятерня Фокскэтчер». Джон раз – и схватил меня! Ха-ха-ха!»

Мне следовало сообщить об этих действиях Джона спортивному директору университета. Это было тем шагом, который я, среди прочих, должен был бы совершить в Вилланова. Сексуальный скандал с участием футбольного тренера Пэнна Стэйта, случившийся несколько лет назад, существенно изменил отношение к информации о таких злоупотреблениях и реакцию на нее. Не знаю, к чему бы это привело, если бы я тогда все рассказал спортивному директору. Но если бы о таком инциденте стало известно сейчас, после скандала с Пэнном Стэйтом,

руководство университета Вилланова разорвало бы все отношения с Дюпоном, а его имя было бы стерто со стен университетских корпусов еще до того, как президент университета мог бы обратиться к нему с вопросом: «Ты понимаешь, о чем я говорю?»

> Это поставило бы крест на царствовании Дюпона в университетском городке. И кто знает, на чем еще это, возможно, поставило бы крест и что бы еще могло предотвратить.

* * *

Отсчет времени пошел с той ночи, когда у меня на квартире была устроена вечеринка.

Мы собрали группу студенток, которую назвали «Кошечки ковра» (в Вилланова у них было прозвище «Тигрицы»). Это было традицией у борцовских центров, как и у других университетских спортивных центров, иметь группу поддержки, как эта. Их основная задача заключалась в том, чтобы поддерживать команду и болеть за нее. Они вели счет и статистику во время соревнований, помогали обеспечивать всех водой, подбадривали, скандировали приветствия, оказывали поддержку такого вот рода.

Мы выбрали в университетском городке семь самых красивых девушек, взяли их в торговый центр и купили им блузки с тиграми на спине, рубашки от Армани, чулки, обувь, носки, серьги, браслеты, духи и все остальное, чтобы они хорошо смотрелись и привлекательно пахли. Молодым спортсменам нравятся такие группы, как наши «Кошечки ковра», поэтому эта группа во время наших выступлений в других университетах помогала нам также набирать новичков в нашу команду.

Я устроил вечеринку, чтобы отпраздновать то ли чей-то день рождения, то ли мою победу на чемпионате мира, либо набор группы новичков, либо еще то или иное событие, я уже не помню, какое именно. Главное было то, что мы хотели устроить вечеринку. Среди приглашенных были и «Кошечки ковра». Об этой вечеринке, в которой участвовали и некоторые несовершеннолетние борцы, стало известно. Там были и алкогольные напитки, но я не собирался выгонять с вечеринки несовершеннолетних борцов.

Это была вполне обычная университетская вечеринка. Но стараниями Метцгера она переросла в большую проблему.

На следующий день я вместе с Дэном пришел в корпус «Батлер». Джон и Андре уже были с командой, и Андре втолковывал борцам, что они не должны были приходить на нашу вечеринку. Когда я выслушивал его речь, Джон смотрел на меня и на Дэна со своей дурацкой улыбкой на лице.

Когда Джон вышел, я вместе с Дэном последовал за ним, схватил его за руку и спросил: «Что, черт возьми, вы делаете?»

В ответ Джон закричал на меня:

– Ты отвернулся от меня, и я отвернусь от тебя!

– С меня хватит! – закричал, в свою очередь, Дэн. – Я ухожу отсюда!

Дэн был уже на выходе, когда я схватил его и Джона за руки, притащил их назад в раздевалку и высказал Джону все, что думал.

Когда я закончил, Джон посмотрел на меня и сказал:

– Я сломаю тебе карьеру.

Это был тот единственный раз, когда он выполнит данное им слово.

В декабре 1987 года Дюпон послал меня в Орегон для набора борцов-новичков. Я провел Рождество у своей матери, и на самое Рождество, когда мы открывали подарки, Джон позвонил мне.

– Ты уволен, – сказал он мне. – Не возвращайся в университетский городок, потому что тебя ищет полиция.

И повесил трубку. Никакая полиция меня не искала, он просто пытался напугать меня, чтобы я не появлялся какое-то время.

Он не дал мне никаких объяснений по поводу причин моего увольнения и не сделал этого, когда я вернулся в Филадельфию.

Вернувшись после праздников в Филадельфию, я узнал, что Дюпон вместе с командой полетел на самолете бизнес-класса в Пуэрто-Рико на соревнования по борьбе. Это поездка не значилась в наших планах. Как выяснилось позже, были также нарушены правила Национальной ассоциации студенческого спорта, потому что команда не участвовала в достаточном количестве соревнований и, таким образом, не соответствовала нормативам для такого рода поездок. В Пуэрто-Рико была проведена только одна схватка. Собственно говоря, для команды это были такие маленькие бесплатные каникулы, и они провели эту единственную схватку, чтобы можно было попытаться оправдать совершенную поездку.

Роб и Дэн пришли ко мне домой, чтобы рассказать мне о ней. По их рассказу, Дюпон организовал схватку с Хосе Бетанкуром, который на Играх 1984 года был в составе пуэрто-риканской сборной. Хосе позволил Дюпону победить, что, судя по всему,

заставило Джона почувствовать себя крутым парнем. Он велел пуэрто-риканскому тренеру взять его, Джона, сумки и отнести их в его, Джона, самолет, словно тренер был его слугой.

– Да мне наплевать, кто ты! – набросился тренер на Дюпона. – Я сейчас надеру тебе задницу!

Это настолько напугало Дюпона, что он рванул к самолету и велел всей команде также поторопиться.

* * *

Джон хотел, чтобы его уважали. Ему *было необходимо*, чтобы его уважали, чтобы компенсировать то, чего он не смог достичь.

В 1987 году он написал книгу «Вне ковра: создание победителей в жизни». Я как-то подслушал, как он начитывал на магнитофон отрывки из этой книги. Он был пьян и совершенно не в себе. Это было просто посмешище. В том, что он начитывал, не было вообще никакого смысла. Как я слышал, он заплатил за то, чтобы эта книга была издана и бесплатно роздана университетским тренерам по всей стране.

Он попросил меня написать предисловие. Я против своего желания сделал это, чтобы гарантировать, что он не припишет себе моих успехов. Через несколько лет я прочитал это предисловие. Я был обозначен автором, но это был не тот текст, который я написал, поскольку там Джону в заслугу были поставлены все мои достижения.

Я никогда не думал, что можно изобрести какую-то награду, чтобы затем вручить ее самому себе. Общение с Джоном предоставило мне массу возможностей понаблюдать за тем, как он справлялся с этой задачей.

Он заставил меня выступить на одном из банкетов, посвященных его награждению. Я не собирался говорить ничего, что могло бы представить Джона в выгодном свете, поэтому, поднявшись, я рассказал о том, как завоевал свое золото на Олимпиаде. Таким образом, внимание было больше уделено мне, чем Джону. Я постарался сделать историю о себе забавной, и все присутствовавшие посмеялись.

После меня слово взял парень, которого я не знал. Он сидел рядом с Джоном. Судя по всему, Джон ожидал, что я скажу что-то подобное, и он нанял этого парня, чтобы тот высказал мысли, противоречившие моему выступлению. Когда он сказал: «Золотая медаль ровным счетом ничего не значит», – мне захотелось встать и ударить его.

Одна из самых забавных историй о «наградах» Джона

касается созданного им «Фонда граждан-спортсменов». Никто из тех, кого я знал, так и не смог понять, ради чего был создан этот фонд. За исключением того, конечно, чтобы организовать церемонию награждения Джона.

Мне претило даже само название фонда. Я не был гражданином-спортсменом. Я был просто спортсменом!

У Дюпона были ручки, канцелярские принадлежности, запонки, рубашки, галстуки и значки с названием фонда. Для выступления с приветственной речью на большом банкете в Вашингтоне он нанял профессионального футболиста.

В первых рядах сидели важные персоны. Борцы и тренеры Вилланова были размещены в конце узкого коридора. По существу, мы даже не были в банкетном зале. Однако мы могли видеть футболиста, когда он выступал, и было смешно слушать, как он переходил от одной истории к другой, пытаясь увязать их с основной темой своего выступления, которая не была сформулирована.

Футболист мог бы смотреться так же эффектно, если бы он стоял там и зачитывал текст на коробке с кукурузными хлопьями. Мне было интересно, о чем он еще думал, кроме как: *«Мне надо просто пройти через это, чтобы получить свой чек»*. В любом случае это не имело ровно никакого значения. Все это мероприятие было лишь предлогом для того, чтобы – вручить Дюпону его очередную собственную награду и создать шумиху вокруг него.

После футболиста поднялся парень, который должен был вручить Дюпону его награду. Я никогда не пытался сделать этого, но предполагаю, что это должно быть трудно: с каменным лицом говорить хорошее о человеке, который получал награду, изобретенную им с единственной целью вручить ее самому себе. Судя по тому, как парень мучился, это было, действительно, непросто.

Когда Дюпон получил награду, я не стал аплодировать. Я просто сидел и смотрел на весь этот фарс на сцене. Дюпон поблагодарил миллиард людей, ни о ком из которых он ничего не слышал, и попытался изобразить из себя эксперта по борьбе.

В конце своей речи он обратился к нам, сгрудившимся в конце комнаты-коридора. Очевидно, он выпил, поскольку несколько раз останавливался, пытаясь создать драматические паузы. Под конец он выпалил: «Завтра тренировка в 7 утра!» Конечно же, он не пришел на нее. Он никогда не смог бы подняться на тренировку в такую рань.

После церемонии он бродил по комнате, часто спотыкаясь, переходя от одного гостя к другому и порой случайно брызгая им

слюной в лицо, чтобы выслушать поздравления, которые были такими же фальшивыми, как и его последняя награда.

Глава 14
Протест на Олимпиаде

Переезд в Вилланова должен был принести стабильность, к которой я стремился с момента окончания университета. Но теперь я потерял работу, а общение с Дюпоном подрывало мой моральный дух и желание участвовать в соревнованиях. Лучшим решением для того, чтобы выиграть золото на Олимпиаде в Сеуле, был бы выход из-под влияния Дюпона, но я не мог позволить себе этого как по финансовым причинам, так и с учетом необходимости продолжать тренировки. Дела складывались для меня настолько неудачно, что не получилась даже обычная процедура по исправлению зрения.

Из-за своей близорукости я проиграл на чемпионате мира 1986 года, потому что не смог рассмотреть счет на электронном информационном табло в результате того, что Международная федерация объединенных стилей борьбы отвернула его от борцов в сторону зрителей. Я подумал, что операция на глазах могла бы решить эту проблему, а учитывая, что Джон объявил мне об увольнении, я решил, что для такой операции как раз самое удачное время.

Но проблема не решилась. Близорукость у меня осталась, таким образом, операция на глазах была проведена зря. Испытывая сильные боли, я принимал обезболивающие. Однако, несмотря ни на что, мне следовало позаботиться о своем будущем. В это время года не было никаких шансов найти работу в другом университете. Кроме того, через несколько месяцев предстояли отборочные соревнования к чемпионату мира. Я был в отличной форме и чувствовал себя, пожалуй, более уверенно, чем когда бы то ни было за всю свою спортивную карьеру. Я не мог позволить себе упустить такую возможность.

Передо мной вновь встал выбор пойти в армию, но основная подготовка к чемпионату заключалась в участии в отборочных соревнованиях, и вряд ли армейское руководство позволило бы мне «забить» на службу ради этого. При этом накопленных мной средств не хватало на то, чтобы достаточно долго тренироваться без какого-либо заработка.

Я пошел к Джону. Он был пьян и что-то бессвязно лепетал, затем стал вообще невменяем и принялся кричать и вопить. Я не мог понять, чем он был так расстроен, но он постоянно переспрашивал: «Ты понимаешь, о чем я говорю? Ты понимаешь, о чем я говорю? Ты понимаешь, о чем я говорю?»

Я сказал Джону, что меня не волнует, остаюсь ли я тренером в Вилланова, я просто хочу продолжать работать с Дэном Чэйдом. Джон ответил, что подумает об этом, и я вернулся к себе домой.

Джон стал каждый день названивать мне.

– Ты можешь остаться, – говорил он. – Но в этом случае ты должен будешь переехать в поместье.

В этом не было никакого смысла. Он уволил меня с работы в Вилланова и при этом хотел, чтобы я жил в его поместье? Без арендной платы?

Он настаивал на этом предложении и даже упомянул, что если я буду менять с доплатой свой старый «Шевроле Камаро», то он готов заменить его на «Линкольн Гранд Маркиз». В финансовом отношении у меня появлялись дополнительные возможности. Отсутствие необходимости оплачивать аренду существенно облегчило бы мое финансовое бремя. Поэтому через три или четыре недели после увольнения я переехал из своей квартиры в коттедж в его поместье. Мать Джона жила в особняке, сам он жил то в особняке, то в коттедже, но по большей части в особняке. Я предполагал – я надеялся! – что после моего переезда в коттедж он будет еще больше времени проводить в особняке, но такого не случилось.

Особняк был старым и нуждался в ремонте. А коттедж был новым. Кроме стальных жалюзи крепостного вида в коттедже была кухня, оборудованная по последнему слову техники, в гостиной полностью укомплектованный бар и прекрасное фортепьяно, джакузи, спальни в противоположных концах здания. Моя спальня была на удивление небольшой, и матрац там был слишком мягким. Это было все равно что спать в гамаке. Такое впечатление вполне соответствовало обстановке, поскольку я никогда не чувствовал себя комфортно в этом доме. Коттедж выглядел гораздо привлекательней моей квартиры, но жить было лучше все же в квартире.

Я переехал, сделав необходимые приготовления на случай срочного выезда. Кроме одежды я взял с собой от силы две сумки со спортивной формой и коллекцию памятных знаков, врученных мне после победы на чемпионате мира 1987 года, памятных знаков всех стран, принявших участие в чемпионате. Для остальных своих наград, в том числе медалей и призов, я арендовал банковскую ячейку. Я не считал коттедж Дюпона своим домом и не хотел, чтобы Джон увидел какую-либо из моих наград. Я не желал, чтобы он смотрел на них и думал, что это он помог мне выиграть хотя бы одну из них.

Позже события, которые происходили в эти годы, могли для меня слегка смещаться по времени, но, насколько я помню, после

моего переезда из Вилланова в поместье Дюпона между Метцгером и Дюпоном вышла размолвка. В то время я как-то говорил по телефону с Хэлом Майлсом, своим хорошим другом, который был главным тренером в штате Вирджиния. Я сказал Хэлу, что Дюпону следовало бы организовать спортивный центр по подготовке борцов вольного стиля, а не спортивный центр Национальной ассоциации студенческого спорта, поскольку в этом случае не пришлось бы строго следовать правилам Национальной ассоциации студенческого спорта.

Пока Дюпон не вошел в мой кабинет после окончания этого разговора, я не предполагал, что он его прослушивал.

– Следует ли нам отказаться от нашего спортивного центра? – спросил Джон.

– Честно говоря, – ответил я, – нам не следовало и организовывать его.

– Хорошо, – сказал Джон. – Мы отказываемся от него.

Метцгер ушел из спортивного центра в январе или феврале. Я больше не создавал никаких проблем. Я просто посещал Вилланова, чтобы набрать борцов, с которыми работал в борцовском зале в поместье Дюпона.

После окончания сезона руководство университета объявило о закрытии спортивного центра в связи с проблемами его материального обеспечения, что означало отсутствие отдельного борцовского зала. Я не общался с университетскими кругами после своего увольнения, поэтому ничего не знаю о роли университета в закрытии спортивного центра. Но я знаю, что после того, как Дюпон подслушал мой телефонный разговор, он решил его свернуть.

Убогость этого спортивного центра и его проблемы не позволяли ему нормально работать. По существу, он никогда не был законным спортивным заведением. Это был просто спортивный центр Дюпона и его денег. Не больше и не меньше.

Руководству Вилланова нравились деньги Дюпона, и оно было готово терпеть Джона ради его денег. Джон хотел создать в университете борцовскую команду, поэтому ему выделили кабинет и сказали, что он может формировать ее. Но спортивный центр был обречен с самого начала, потому что нам так и не предоставили борцовского зала. Если бы руководство университета серьезно отнеслось к спортивному центру по подготовке борцов, оно бы предоставило нам корпус «Батлер». Это было бы не такой уж большой уступкой с учетом тех денег, которые Джон жертвовал им. Но, я полагаю, университетские круги в действительности не хотели связываться с борцовским центром в своем городке. Их также не привлекала и перспектива

присутствия там Дюпона. А кого бы она привлекла? Этот парень был для всех просто стихийным бедствием.

На тренировочных костюмах команды было его имя. Как я понимаю, это было нелегко: расти богатым и поэтому не знать, уважают ли твои деньги или же тебя самого. Но казалось, в Вилланова никто не делал никаких существенных усилий, чтобы хоть как-то следить за борцовским центром или организовывать его работу. Этот центр нарушал правила Национальной ассоциации студенческого спорта, касавшиеся набора новичков. Джону была предоставлена полная свобода действий, и он в полной мере воспользовался этим.

У меня было чувство вины перед нашими борцами. Мне вспомнилась кризисная ситуация, которая сложилась на первом году моего пребывания в спортивном центре Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. Неразбериха, творившаяся в спортивном центре по подготовке борцов в Вилланова, выходила далеко за рамки того, что я видел в Калифорнийском университете. Для борцов было крайне тяжело пройти через все это дерьмо, с которым они встречались в центре, и сделать карьеру, которую им там умышленно ломали.

Не помню уже конкретных итогов нашей работы, но недавно я наткнулся на старую газетную статью, в которой утверждалось, что за два года своего существования наш спортивный центр выиграл восемь из тридцати встреч. Я был удивлен, узнав, что дела у нас шли не так уж и плохо.

Ко второму году нам удалось включить в команду вполне приличных борцов. Том Роджерс во время нашего второго сезона занял на турнире ассоциации университетов третье место. Линдон Кэмпбелл уже после того, как спортивный центр при Вилланова закрылся, выступал за команду Калифорнийского государственного университета в Фуллертоне и трижды проходил отборочные соревнования Национальной ассоциации студенческого спорта. Но даже с хорошими борцами наш центр был из рук вон плох, это была безвыходная ситуация. Насколько мне известно, одновременно с закрытием центра завершились и карьеры борцов. К счастью, они смогли остаться в университете Вилланова, поскольку тот предоставил им стипендии на срок до четырех лет.

После закрытия спортивного центра при Вилланова Джон переключил свое внимание на любительскую борьбу[24]. В тот год он сделал свое первое пожертвование Федерации спортивной борьбы США в размере 100 000 долларов. В следующем году он внес еще 100 000 долларов. В период с 1989 по 1995 год он ежегодно жертвовал 400 000 долларов.

Он стал свободным членом правления Федерации спортивной борьбы США. Его имя стало упоминаться при освещении национальных чемпионатов США по вольной борьбе.

Если его целью было таким образом купить свободу действий и власть, то он ее достиг.

* * *

После того как я переехал в поместье, одной из моих первоочередных забот было придумать, как поступить с прической Дюпона. Она имела тот же вид, как и в первую нашу встречу: с прямым пробором, с запущенной сединой у корней и ярко-красного окраса под Рональда Макдональда.

Сам я брился наголо и предложил ему сделать то же самое. Я предложил это не ради него, но ради себя. Не думаю, чтобы его заботило, как он выглядел, просто я больше уже не мог смотреть на то уродство, которое было у него на голове.

Он согласился, чтобы я его постриг. Должен сказать, что после этого он стал выглядеть не так уж и плохо. Стрижка наголо существенно улучшила его внешний вид, однако, продолжая принимать алкоголь и наркотики, он все равно выглядел как полный дурак.

Джон перенес несколько операций на колене, поэтому, мало того, что он был алкоголиком, он еще подсел на некоторые рецептурные лекарства. Являясь в Вилланова нетвердой походкой, он обычно объяснял свое состояние приемом обезболивающих таблеток, которые он глотал с учетом различных травм, в том числе травм обоих колен и спины. А наколенники, по его версии, зачастую являлись причиной того, что он спотыкался. Но его состояние было вызвано как приемом таблеток, так и пьянством. Не знаю точно, на каком именно этапе это произошло, поскольку это случилось еще до моего переезда в поместье, но с какого-то момента он стал предпочитать наркотики.

Это может прозвучать странно, однако переход на кокаин оказался для него благом. Это была примерно та же ситуация, как и с Дензелом Вашингтоном в фильме «Экипаж»[25], чей персонаж напился, и, чтобы отрезвить его, ему предложили «дорожку» кокаина. Аналогичный эффект кокаин оказывал и на Дюпона. Начав принимать кокаин, он на некоторое время словно пришел в себя и стал чуть более адекватным.

Как-то, когда я жил в поместье (но не тогда, когда я вел тренерскую работу в Вилланова), Джон поинтересовался у меня,

не знаю ли я, где можно достать кокаин. Я баловался «коксом»[26] один или два раза на вечеринках до своего переезда в Вилланова, когда кто-то делился им со мной (для меня самого купить «кокс» было слишком дорого). Я сказал Джону, что знал одного парня, у которого водился «кокс», и Джон дал мне полторы тысячи долларов, чтобы купить ему какое-то количество. Я так и сделал, и мы два или три раза вместе побаловались им. Последний раз я употреблял «кокс» в 1989 году. Я принял слишком большую дозу: у меня подкосились ноги, а сердце принялось бешено колотиться. Этого оказалось достаточно, чтобы я, испугавшись, прекратил такие эксперименты.

Однажды вечером Джон продемонстрировал мне где-то около килограмма «кокса», хранившегося в ящике комода.

За его заслуги перед местной полицией ему был выдан полицейский жетон. Я был свидетелем того, как Джон как-то использовал его, чтобы попасть на чемпионат по борьбе штата Пенсильвания. У него не было билета, и, несмотря на все свои деньги, ему не хотелось тратить на него несколько долларов. Поэтому он показал свой жетон и прямиком прошел в зал.

Так вот, подозреваю, что он использовал этот жетон, чтобы попасть в хранилище вещественных доказательств полиции, поскольку на пакете с кокаином была ярко-оранжевая надпись: «ВЕЩЕСТВЕННЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА». Джон ткнул соломинку в пакет и вдохнул самую большую дозу «кокса», какую только кто-либо вдыхал при мне. Это было такая большая доза, что я испугался, как бы с ним чего-нибудь не случилось.

– Что мне делать, если что-нибудь случится – позвонить по «911»? – решил я уточнить на всякий случай.

– Нет, – ответил он. – Позвони моему адвокату.

Когда я общался с Джоном, еще не было такого, чтобы он в это время не находился под кайфом: либо от алкоголя, либо от рецептурных лекарств, либо от кокаина.

После убийства моего брата широкую огласку получила та роль, которую в жизни Джона сыграла его мать. Как оказалось, Джон был маменькиным сынком. Он был единственным из четырех детей в семье Дюпона, кто не завел своей собственной семьи и остался в поместье. У меня не было возможности пообщаться с его матерью, поэтому я мало что знал о ней.

Она умерла в середине августа 1988 года в возрасте девяноста одного года. Джон взял на себя материнские обязанности по уходу за поместьем, и казалось вполне логичным то, что он стал управлять им. Джон изменил название поместья: вместо «Лиситер Холл» оно стало называться «Фокскэтчер». Но я никогда не встречался с тем, чтобы кто-то называл это место его

официальным именем. Все, кого я знал, называли его просто «поместьем».

После похорон матери Джон перестроил особняк. Все его «награды», спортивные призы, спортивные плакаты и его фотографии со знаменитостями заняли почетное место над вещами, напоминавшими о его матери.

Смерть матери Джона часто упоминалась как поворотный момент в его жизни. Члены его семьи говорили, что, когда его мать умерла, его психическое состояние стало ухудшаться. В сентябре того года я поехал на Олимпиаду, а вернувшись, до своего отъезда из поместья прожил там еще около двух месяцев. Это не такой большой период времени, тем не менее я не замечал никаких изменений в его психическом состоянии сразу же после смерти матери.

Я вообще не заметил в его поведении ничего особенного, и он практически ничего не говорил мне о ее смерти. Учитывая наши с ним отношения, все это было похоже на то, что ее смерти словно и не было.

* * *

Олимпиада должна была начаться в середине сентября в Сеуле. Я был готов уйти от Дюпона еще до этого срока, поскольку общение с ним лишало меня какой-либо мотивации. Я вымотался физически, духовно и эмоционально. Единственным выходом было только бросить борьбу. Но я не мог сделать этого.

Я выиграл чемпионат мира 1987 года и считался фаворитом Олимпийских игр. Я мог бы стать первым американцем, который выиграл две золотые олимпийские медали по борьбе после Джорджа Менерта, который завоевал олимпийское золото в 1904 и 1908 годах. При этом в 1904 году вольная борьба была впервые включена в программу летних Олимпийских игр, и в том году все борцы вольного стиля были представлены только сборной США.

Надежды на меня возлагались большие, просто огромные, но если бы те, кто питал эти надежды, провели со мной хотя бы пару дней и понаблюдали, как я общаюсь с Дюпоном, они бы увидели, как сильно они ошибались во мне.

Иногда мне кажется, что Джону хотелось, чтобы я проиграл, потому что он сам никогда не был победителем и не желал, чтобы я стал им. Наряду с этим я подозреваю, что Джон был вовсе не против, чтобы я выиграл, поскольку в этом случае он мог приписать себе мой успех. Какой бы ни была его истинная мотивация, он продолжал отвлекать меня от дела.

Я попросил его оставить меня в покое, чтобы я мог сосредоточиться на подготовке к Олимпиаде.

Он этого не сделал.

Я сказал ему, что собираюсь приобрести футболки, на которых было бы написано: «ЗАТКНИСЬ И ОСТАВЬ МЕНЯ В ПОКОЕ». Вскоре после этого он заявился с коробкой, в которой были две футболки с этой надписью. Одна из них предназначалась мне, другая – ему. Я хотел, чтобы это было моим посланием ему, он же сделал это нашим посланием всем остальным. Это показывает, как Джон воспринимал сам себя: как исключительную личность, стоящую выше других. По его мнению, он был выше критики, являлся принцем крови и мог делать все, что ему вздумается.

Я еще никогда не был так деморализован, как в середине мая на отборочных соревнованиях на Олимпиаду в Топике, штат Канзас. В финале Майк Шитс победил меня удержанием. Это было мое первое поражение на национальном уровне за последние пять лет.

На заключительном этапе олимпийского отбора по «нокаут-системе», который проходил в следующем месяце в Пенсаколе, штат Флорида, я был «посеян» вторым после Шитса. В каждой весовой категории участвовали по шесть борцов; после двух поражений претендент на место в Олимпийской сборной выбывал.

В первой схватке по системе «лучший из трех» я вел во встрече с чемпионом Национальной ассоциации студенческого спорта Рико Чиппарелли со счетом 5:0, но это не отражало моего морального настроя, точнее, его отсутствия. Рико собрался и нанес мне поражение с разгромным счетом 16:8, причем мне было совершенно все равно. Я чувствовал себя опустошенным и был готов завершить свою спортивную карьеру. Если общение с типами наподобие Джона Дюпона было единственным способом обеспечивать мне участие в соревнованиях, то я больше уже не мог этого продолжать. Я вернулся в свой номер в отеле, принял решение отказаться от своего дальнейшего участия в турнире и заказал себе кучу еды.

Ко мне в номер пришел Хэл Майлс. Это был единственный человек, который приехал во Флориду исключительно ради меня, и у нас был долгий, серьезный разговор. Он сказал мне, что я должен перестать думать о рефери. Судьям не нравился мой стиль. Я уходил в глухую оборону, а затем «взрывался» и атаковал соперников, и по ряду причин в большинстве случаев судьи были настроены против меня. В тот вечер я был крайне зол и находился в подавленном состоянии, и Хэл внимательно выслушивал меня,

пока я изливал перед ним свою душу. Больше всего мне помогло не то, что он говорил мне, а то, что, как он показал мне, он был там ради меня, что не имело значения, выиграю я или проиграю. Это помогло мне привести свои мысли и чувства в порядок.

Я больше никого, кроме Хэла, не стал посвящать в свои планы завершить спортивную карьеру. Однако с учетом своего проигрыша Рико я мог провести схватку с Шитсом за право оказаться в сборной на Олимпиаде, только одержав верх над Рико во второй схватке прямо на следующий день. Готовясь к этим схваткам, я пересмотрел свои борцовские принципы. Если уж это последний турнир, который я провожу у себя дома, то я впервые буду бороться так, как хочу, и пусть судьи идут к черту. Я был готов хватать соперников за пах и превращать схватки в настоящую драку, не считаясь с возможными предупреждениями судей, которые могут быть настроены против меня, сколько угодно.

«Если я собираюсь остаться в памяти американцев, – думал я, – *то пусть они запомнят мою технику и мой спортивный уровень».*

Я дважды тушировал Рико, один раз – за секунду до окончания схватки, и пошел на взвешивание.

У меня был перевес на пять с половиной килограммов!

В тот короткий промежуток времени, когда я принял решение отказаться от своего дальнейшего участия в турнире и вообще завершить свою спортивную карьеру, я слишком опрометчиво навалился на еду, заказанную в номер. И теперь у меня было только девяносто минут, чтобы привести свой вес в норму. Шитс взвешивался после меня. Должно быть, у него была полная уверенность в том, что с учетом моей дисквалификации он уже практически включен в состав сборной.

Первые полкило я просто отрыгнул. Затем я натянул четыре спортивных костюма и как сумасшедший прыгнул на велотренажер. В моем распоряжении было девяносто минут. Все это время рядом со мной был Дэйв, который подбадривал меня и побуждал отработать по полной. Чтобы я мог освежаться, не принимая никаких напитков, он укладывал мне в ноздри куски льда.

Я прошел на официальное взвешивание за десять секунд до истечения контрольного срока. Как мне затем рассказали, когда Шитс, сидя в ресторане, узнал, что я согнал вес до нормы, он выплюнул то, что ел. Мне еще никогда не приходилось столько сгонять в столь короткое время.

На следующий день я одержал над Майком убедительную победу со счетом по периодам 6:2 и 13:1, и итог финальной

схватки подтвердил и мне самому, и борцовскому сообществу, насколько вырос мой уровень. Дэйв в весовой категории до 74 килограммов проиграл в финале Кенни Мэнди, трехкратному чемпиону Панамериканских игр в штате Оклахома, который на Олимпийских играх 1988 года выиграет золото. Андре проиграл в весовой категории до 68 килограммов Нэйту Карру, трехкратному чемпиону Национальной ассоциации студенческого спорта из штата Айова и в конечном итоге стал бронзовым призером в Сеуле.

Мы с Брюсом Баумгартнером были единственными американцами – участниками Олимпиады 1984 года, которые прошли квалификационный отбор в сборную для участия в Олимпиаде 1988 года. Тренер Джим Хамфри заявил, что будет разочарован, если наша команда не привезет из Сеула пять золотых медалей. Он рассчитывал на то, что одну из них привезу я. Мы получили только две, а я занял шестое место. После Олимпиады я завершил свою спортивную карьеру. Фактически я оставил ее еще до завершения Игр.

Я выиграл в первых пяти отборочных схватках, одержав победу, среди прочих, над борцами, занявшими на предыдущем чемпионате мира второе, четвертое и пятое места.

Я начал с победы над Александром Наневым, своим соперником по этой идиотской двусторонней встрече, организованной Дюпоном. Счет был 4:0, несмотря на то, что я повредил правое колено. Затем я весьма продуманно провел схватку с Рейнером Триком. Она была остановлена за минуту с небольшим до окончания второго периода при счете 16:1 в мою пользу.

На второй день первый период моей схватки с Анджеем Ражомским из Польши завершился вничью 0:0, но затем я поднажал и победил со счетом 8:1. Затем я тушировал Виктора Кодея из Нигерии за минуту и 41 секунду. Причем туше я провел, уже ведя со счетом 5:0. В тот же вечер я тушировал Ханса Гстёттнера из ГДР за две минуты и две секунды и, таким образом, повел на турнире со счетом 5:0.

На следующий день, который был предпоследним днем Олимпийских игр 1988 года и последним днем моей борцовской карьеры, я проиграл Александру Тамбовцеву из СССР со счетом 3:7. В полуфинале моим соперником был Некни Генчалл из Турции. Имея одно поражение, я тем не менее мог продолжать бороться и рассчитывать на золотую медаль.

Но я не сделал этого. Я просто *не захотел*.

Я всегда говорил, что для меня было важно завершить свою спортивную карьеру крупной победой. Вот почему, когда я был

выпускником Оклахомского университета, я не мог позволить себе проиграть на чемпионате Национальной ассоциации студенческого спорта в последний год своего обучения. Но в тот день на Олимпиаде, когда я задумался над тем, как мне придется жить дальше, если я не стану победителем и, таким образом, двукратным золотым медалистом, мне представился только один вариант, который был хуже поражения.

Это была победа.

Было время, когда я был готов отдать свою жизнь за то, чтобы одержать победу. Или даже просто за саму возможность одержать победу.

«Победа или смерть», не так ли?

Я слишком упорно и слишком долго работал без какой-либо поддержки. И теперь, когда появился тот, кто мог бы оказать мне такую поддержку, он потребовал взамен все то, что для меня было дорого.

Это того не стоило.

Я не мог выиграть ради «Фокскэтчер». Я не мог позволить Дюпону воспользоваться авторитетом команды и ее статусом, которые у нее появятся в результате победы ее членов на Олимпийских играх. Я не мог позволить ему в очередной раз воспользоваться моим успехом.

Турок одержал верх надо мной со счетом 14:0. Я дал ему выиграть. Во время этой схватки я множество раз мог повести в счете, но даже не пытался. Мне было все равно. Я сдался еще до начала схватки. Я не вышел на схватку за пятое место и сел на первый же рейс домой.

Средства массовой информации сообщили, что я покинул Олимпиаду в связи с травмой колена. Мое колено, конечно, болело. Но на самом деле я ушел в знак протеста. Мое поражение было протестом против Федерации спортивной борьбы США. Против всей этой системы. Проиграв эту схватку с позорным счетом 14:0, я тем самым заявил: «Вот что случается, когда мы лишены вашей поддержки. Вот каково в данный момент состояние нашего спорта».

На протяжении всей своей спортивной карьеры я должен был находить способы, как побеждать в схватках, я должен был для каждой схватки запастись каким-то «магическим средством». Как только я достиг вершины мира, я понял, что разница между завоеванием титула чемпиона мира и второго места на чемпионате – тоньше волоска. Я, совершенно точно, не был борцом с хрупкой психикой, однако в моем характере было нечто, что не позволяло мне нормально тренироваться, если мне мешали. Мне была нужна стабильность, я мечтал о ней. Это было

единственным, что мне было необходимо для успеха. Мой отец давал мне чувство стабильности, а также Дэйв. Период жизни в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе мне трудно было назвать стабильным. Вот в Оклахомском университете – совсем другое дело. Увольнение в Стэнфорде нарушило мою стабильность и привело к моему переезду в Вилланова.

Дюпон и «Фокскэтчер», конечно же, не относились к числу стабильных факторов. Я мог бы выиграть еще два или три чемпионата мира, если бы занимался в стабильном спортивном центре. Я мог бы по крайней мере еще лет пять принимать участие в чемпионатах, если бы Федерация спортивной борьбы США предоставляла мне жалкие десять тысяч долларов в год. Я мог бы заниматься этим делом. Прежде мне *приходилось* заниматься им.

Но вместо этого такие парни, как я, с невероятным опытом, способностями, настроем и мотивацией, были вынуждены, чтобы выжить, опускаться до такого жалкого существования, как поддержка со стороны Джона Дюпона. Команда «Фокскэтчер» стала практически единственным местом, где борцы могли выживать в финансовом отношении, участвуя в различных соревнованиях, – до тех пор, пока Дюпон получал то признание, которое он хотел, а Федерация спортивной борьбы США получала от него деньги, которые она хотела. Все наши борцы отказались от того, что они заслуживали: от уважения и справедливости в борьбе за выживание.

Дюпон воспользовался моим именем для того, чтобы обеспечить себе власть и авторитет в борцовском мире. Если бы я выиграл золотую медаль, это бы укрепило его положение в мире спорта и заставило людей поверить, что он был безобидным филантропом. А это было бы ложью.

Дюпон любил повторять, что он готов решить все финансовые проблемы, чтобы я мог сосредоточиться только на борьбе. Однако он не упоминал при этом, что, решив все финансовые проблемы, он взамен создаст одну-единственную, громадную, совершенно непреодолимую проблему в лице самого себя. Я не мог смириться с мыслью, что Дюпон мог предстать в качестве образца для подражания, в качестве хорошего руководителя. Он не был ни тем, ни другим. У него были мотивы, чтобы платить всем тем, кто был готов петь дифирамбы в его адрес, которые он так жаждал услышать.

Однажды в раздевалке он угрожал сломать мою карьеру. И он сделал это, сукин сын.

Я просто не мог позволить ему получить то, что он хотел больше всего на свете: хорошую репутацию. Я не мог больше

помогать ему в этом. Я не мог больше мириться с этим.

После двадцати семи лет занятия борьбой, всего того, через что я прошел, и немыслимых жертв ради того, кем я стал, единственно возможным способом оказать сопротивление оказалось отказаться от глухой обороны – и от самой борьбы.

Глава 15
Новый дом, новая жизнь

Я больше никогда не выступал в качестве борца. Я выиграл золотую олимпийскую медаль и два чемпионата мира. Ни один другой американский борец не мог похвастаться таким достижением. Я четыре раза выигрывал открытый чемпионат США, три раза – чемпионат Национальной ассоциации студенческого спорта. Тем не менее я чувствовал, что еще не достиг всего того, на что был способен.

Я бы хотел быть русским, потому что их борцам высокого класса платили за то, чтобы они тренировались и участвовали в соревнованиях. Они не были поставлены перед необходимостью вести борьбу за выживание, им было разрешено преуспевать. И, вне всякого сомнения, им не приходилось полагаться на типов, подобных Джону Дюпону.

Дэйв еще в Висконсине также перестал участвовать в соревнованиях, отказавшись на год от продолжения своей спортивной карьеры, чтобы стать тренером национальной сборной Федерации спортивной борьбы США. Обычно должность тренера национальной сборной предоставляется спортсмену на один год, и за нее не платят. Таким образом, почетная возможность возглавить сборную страны предоставляется различным тренерам. Но если бы Дэйв захотел быть на этой должности более одного года, я думаю, у него было достаточно влияния в Федерации спортивной борьбы, чтобы сохранить ее за собой.

Я с самого начала намеревался оставить поместье «Фокскэтчер» после Олимпиады, однако оно позволяло мне, вернувшись из Сеула, на какое-то время спрятаться от всех. Я находился в депрессии, понимая, что речь идет не только о завершении моей спортивной карьеры, но и о моем фиаско в том, что я мог бы и должен был бы сделать. Я хотел уехать из поместья, как можно дальше от Дюпона, но в то же время мне хотелось быть там, где мне не стали бы докучать вопросами об Олимпиаде-88. После крупных поражений я обычно прячусь от всех. После самого крупного своего поражения, а я именно так воспринимал свое последнее выступление, я не знал, как долго мне захочется скрываться от всех. Поэтому я попросил свою подругу приехать и побыть со мной в поместье «Фокскэтчер» некоторое время.

У Дюпона были ключи от моего дома, и он обычно приходил

без приглашения. У меня вообще не было никакой частной жизни. Где-то спустя неделю после приезда ко мне моей подруги Джон вдруг распсиховался и ворвался ко мне в комнату, размахивая пистолетом во все стороны, в том числе и в нашем направлении. Это напугало мою подругу, и я быстро заслонил ее собой. Сам я не боялся Джона. Он никогда не представлял для меня опасности. Это был просто слабый человек, который пытался как-то компенсировать неуверенность в себе и низкую самооценку.

Джон вышел и вернулся с видеокассетой.

– Я хочу показать вам что-то, – сказал он нам, вставляя кассету в видеомагнитофон.

Это была видеозапись фургона наружного наблюдения, из которого можно было, направив на окно лазер, прослушивать, о чем говорят в доме, сканированием вибрации стекол. Мы с подругой просто сидели и смотрели, не понимая, что он хотел этим сказать нам. Все это было весьма странно. Он словно пытался довести до меня, что ни частной жизни, ни безопасности, ни свободы действий не существует не только в поместье, но и в любом другом месте, где бы мы ни оказались. И я вновь ошибочно расценил это как очередную пустую угрозу слабого человека.

После этого случая я решил, что необходимо ускорить свои планы по отъезду до конца года.

Однажды я застал в главном офисе одного из членов его семьи, которого я принял за его сестру. Когда я разговаривал с ней, вошел Джон. Он попытался быть с ней крайне любезным и предложил ей что-нибудь перекусить. Она бросила на него взгляд, в котором явственно читалось: «Отвяжись!» – и рявкнула: «Со мной этот номер не пройдет, Джон! Тебе меня не купить!»

Думаю, она хотела дать мне понять, что Джон – это человек, всегда стремящийся подкупить окружающих.

Джон пытался изобразить себя филантропом, но на самом деле, предоставляя что-то другим, он тем самым делал для себя очередное приобретение. Всякий раз, когда он давал деньги, он делал это в обмен на славу или признание. Он был эгоистичен и за свои услуги всегда взимал непомерные комиссионные.

В Вилланова были павильон и плавательный центр, названные в его честь, хотя он не заплатил за это столько, сколько торжественно обещал. За его пожертвование расположенному поблизости медицинскому центру «Крозер-Честер» его именем назвали травмпункт, написав на фронтоне большими, хорошо заметными буквами: «Травматологический центр имени Джона Э. Дюпона». Широкой общественности было известно об этих дарах.

Тем не менее я помню, как однажды какая-то женщина в

частном порядке обратилась к Джону с просьбой привести на территорию поместья сирот, чтобы они могли поиграть в бассейне, – и Джон отказал ей, сказав: «Сюда не приводят неимущих полюбоваться на то, что имеется у имущих».

В оставшееся время моего пребывания в поместье «Фокскэтчер» атмосфера там изменилась, и дела обстояли все хуже и хуже. Когда был готов мой рекламный плакат для команды «Фокскэтчер», Дюпон попросил меня подписать один из них, чтобы он повесил его у себя на кухне. Я согласился, однако чуть позже понял, что похвалил его там больше, чем он того заслуживал. Поэтому спустя некоторое время я вынул этот плакат из рамки и вставил в нее плакат без всякой подписи.

Дюпон сказал мне, что мои манипуляции с плакатом не прошли для него незамеченными, однако он не собирается делать никаких комментариев на этот счет, поскольку все понимает. Тем не менее затем он снял плакат со стены, положил его на кухонный стол и попросил меня подписать его: «Моему наставнику и тренеру».

Я отказался. Это было бы слишком далеко от истины. Я мог бы, подписывая такой текст, упомянуть там достаточно длинный список нежелательных для себя имен, – и в этом случае я бы в меньшей степени противоречил истине, чем если бы я, солгав, назвал Дюпона своим наставником и тренером.

Примерно в то же время у нас состоялся разговор, в ходе которого Джон рассказал мне историю, ранее мне неизвестную.

Мы были на кухне, и Джон предложил сделать мне бутерброд.

– Хорошо, – сказал я.

– Я сделаю бутерброд, – повторил он мне еще раз.

Бродя по кухне и сооружая этот бутерброд, он все время напоминал мне о том, чем он занимается, словно это было нечто исключительное.

Когда я принялся за предложенный бутерброд, Джон сказал:

– Знаешь, Марк, как-то в молодости лошадь сбросила меня прямо на ограждение манежа, и я оседлал его. У меня было заражение яичек, и их были вынуждены удалить. Мне сделали искусственные, и теперь я должен каждый день делать инъекции тестостерона. Но иногда я забываю это делать.

Когда он мне рассказывал эту историю, я смотрел ему прямо в глаза. Для него это было большой редкостью, но в данном случае он не пытался обмануть, и у него не было никаких скрытых мотивов. Я понял, что ему было больно делиться этой историей, поэтому я чувствовал себя польщенным, что он поделился ею со мной.

Я поверил рассказанному им, потому что мне вдруг стали понятны некоторые моменты, связанные с Джоном. У него были признаки бисексуала. Он мог вести себя по-женски. У него были густые волосы. У него были проблемы, связанные с состоянием психики, и чувствовался недостаток уверенности в себе. Возможно, именно поэтому он так много пил. Я представил себе, как тяжело жить со всем этим. Это был тот случай, когда я почувствовал к Джону искреннюю жалость.

Возвращаясь мыслями в прошлое, когда произошло убийство Дэйва, и даже еще раньше, следует отметить, что уже в то время было предположение, что Джон был геем. У меня были определенные подозрения на этот счет, но ни во время своей работы в Вилланова, ни во время проживания в поместье «Фокскэтчер» я не замечал каких-либо явных признаков, указывавших на то, что он был гомосексуалистом. И мне ничего не было известно о его возможных отношениях с парнями.

Вместе с тем рядом с Джоном было не так много женщин. Насколько я припоминаю, у него была одна подруга, которая отиралась вокруг него, поскольку, похоже, рассчитывала использовать его деньги, чтобы стать кинозвездой. Ей нравилось то, что Джон имел отношение к борьбе и что поэтому вокруг него были хорошо сложенные парни. Но, за исключением этого персонажа, я никогда не замечал, чтобы Джон был как-то особенно доброжелателен с женщинами.

Как-то он упомянул, что был женат и развелся.

В 1983 году он был непродолжительное время женат на медико-социальном работнике. В отличие от Джона, она не относилась к числу состоятельных людей. Их свадьба была организована в стиле семейства Дюпонов: было пятьсот гостей, трубачи в униформе, фейерверки. Однако этот брак продлился всего несколько месяцев.

Несмотря на то что ею был подписан брачный договор, она подала иск против Джона. Дело было урегулировано без огласки деталей, но, согласно просочившейся информации, это стоило Дюпону 46,2 миллиона долларов. Сумма казалась достаточно внушительной, пока в 1987 году журнал «Форбс» не оценил в своем рейтинге самых богатых людей мира состояние Дюпона на уровне 200 миллионов долларов.

Спустя несколько лет бывшая жена Дюпона поведала об эксцентричном и оскорбительном поведении Джона в то время, когда она была за ним замужем. Она упомянула, в частности, как он злоупотреблял спиртным, как запихивал ее в камин, как пытался вытащить ее из машины, как угрожал ей ножом. А один раз, по ее утверждению, Дюпон приставил к ее голове пистолет и,

обвинив ее в том, что она являлась русской шпионкой, заявил, что русских шпионов расстреливают.

* * *

Когда я понял, что мне пора покинуть «ферму», я позвонил Дэйву и попросил его приехать в Пенсильванию помочь мне сложить вещи и забрать то, что я оставлял на хранение. Чуть позже, когда я стоял на крыльце, ко мне подошел Джон.

– Приезжает Дэйв, – сказал я ему.

Джон был просто неописуемо пьян.

– Теперь вы объединитесь против меня, два против одного, так? – закричал он на меня.

– Нет, просто я хочу видеть Дэйва.

– Ладно, хозяин, – сказал он. – Значит, ты против меня.

Я взвесил такую возможность и получил от этого удовольствие.

– Хотите рискнуть? – спросил я. – Что ж, рискните, если хотите, чтобы я врезал как следует.

Джон испугался и ушел. Затем он вернулся и сказал:

– Ты дал мне урок. Спасибо.

После этого он сразу же развернулся и снова ушел.

Не знаю уж, о каком уроке шла речь, но я остался стоять на крыльце расстроенный, в первую очередь при мысли о той ужасной ошибке, которую я совершил, став частью команды «Фокскэтчер».

Дэйв появился на следующий день. Джон и его адвокат сразу же обратились к нему с просьбой встретиться с ними в особняке, причем без меня. Я был весьма зол, что Джон со своим адвокатом перехватил Дэйва, прежде чем я мог переговорить с ним.

После встречи в особняке Дэйв выглядел слегка взволнованным. Он сказал, что не хотел бы, чтобы я окончательно порвал с Джоном, потому что он продолжал получать у Джона зарплату. Согласно контракту, который я заключил в свое время с Джоном, он обязался платить Дэйву и столько же мне до тех пор, пока кто-нибудь из нас выступает за его команду. Затем Дэйв попросил меня перед своим отъездом подписать для Джона плакат или что-нибудь еще. Мне не хотелось делать этого, но ради Дэйва я пересилил себя. Не помню уже, что я там написал.

В тот вечер Дэйв хотел поговорить со мной в коттедже, но Джон велел, чтобы все шли спать. На следующее утро я обнаружил, что у меня пропал бумажник. После того как я заблокировал все свои кредитные карты, Джон вручил мне мою

пропажу, объяснив, что его секретарь, Виктор, нашел бумажник на полу в комнате, которую я осмотрел самым тщательным образом. Подозреваю, что Джон припрятал его, чтобы задержать мой отъезд или чтобы посмотреть, что я собирался делать перед отъездом.

Дэйв уехал обратно в Висконсин, а я собрал остатки своих вещей. Дюпон поручил начальнику службы безопасности проследить за мной и убедиться, что я ничего не стащил. Это был декабрь 1988 года, и спустя год после жизни в поместье «Фокскэтчер» я жаждал уехать из Пенсильвании, подальше от Джона Дюпона. Навсегда, насовсем.

Из-за этого дьявола-искусителя я потерял все, в том числе ощущение счастья, которое я так страстно стремился обрести, утратив его в детстве. Я сел в машину и нажал на газ, оставляя следы колес на лужайке перед его особняком.

* * *

У меня не было никаких конкретных планов относительно того, куда направиться из «Фокскэтчера». Когда я поехал на запад, меня привлекла мысль оказаться в Колорадо-Спрингс, штат Колорадо, рядом с Уэйном Боманом. В то время я еще не был с ним знаком, но знал о нем практически все. Каждый уважающий себя борец знал, кто такой Уэйн.

Он был главным тренером по борьбе в Академии ВВС США в Колорадо-Спрингс. В этом городе размещалась также Федерация спортивной борьбы США, организация «Атлеты в действии»[27], Олимпийский тренировочный центр и Национальный институт дзюдо. Казалось, Колорадо-Спрингс был создан для меня.

В тот год, когда я родился, Уэйн занимался борьбой в Оклахоме. Он выиграл чемпионат Национальной ассоциации студенческого спорта и трижды становился призером Панамериканских игр. Занимаясь спортивной борьбой, он выиграл шестнадцать национальных чемпионатов и никогда не опускался ниже третьего места в двадцати пяти турнирах национального уровня. Он также участвовал в трех Олимпийских играх и восьми чемпионатах мира.

Менее года назад он стал руководить спортивным центром ВВС. Он стал также известен как легендарный бегун, каждое утро наматывавший пять миль и участвовавший в нескольких 100-мильных гонках.

Уэйн недавно написал книгу «Борьба: на ковре и за ним». Ее название было схоже с названием книги Дюпона. Однако,

сравнивая эти две книги, понимаешь, что они отличаются так же, как Уэйн отличается от Дюпона: книга Уэйна намного лучше и совершенно другая. Уэйн являлся воплощением мужественности и силы.

Уважение – вот первое слово, которое мне невольно вспоминалось, если бы меня попросили рассказать об Уэйне. В большинстве своем все борцовское сообщество испытывало к Уэйну именно это чувство, отмечая его безупречную честность и безукоризненную репутацию.

Я вызвался быть помощником Уэйна в Академии и купил небольшой домик поблизости. Он никогда не узнал, насколько то, что он разрешил мне быть рядом с ним, помогло мне постепенно восстановить то душевное состояние, которое было у меня до моего отъезда из Пало-Альто в Вилланова. Нормальная обстановка в Колорадо-Спрингс открыла мне глаза на все потуги Дюпона плести интриги и манипулировать окружающими. У меня возникло впечатление, что мне удалось сбежать из какой-то секты.

Как-то я сидел дома, смотрел телеканал «Дискавери» – и наткнулся на документальный фильм о Джоне, создание которого он профинансировал. Там были показаны разные аспекты его тренерской деятельности: как он обучает парней разным простым приемам, как дует в свисток во время тренировки. В самом конце была показана церемония моего награждения на чемпионате мира 1987 года. Я наклонился, чтобы мне на шею повесили золотую медаль. Когда я выпрямился, прямо над моей головой появилась заставка: «История Джона Дюпона». Словно это он явился причиной моей победы. Слова были такой величины, что за ними было сложно различить мое лицо. От этой картины у меня скрутило живот.

«Он, в конце концов, полностью взял верх, – подумал я. – *Он сломал мою карьеру и пробрался в руководство Федерации спортивной борьбы США»*.

Но он не мог задержаться там надолго. Полагаю, что все в борцовском мире прекрасно знали: Дюпон не имеет к спорту никакого отношения. У него не было ничего, что он мог бы предложить, кроме денег. Однако за счет своих пожертвований он смог на какое-то время обеспечить себе политическое продвижение в Федерацию спортивной борьбы США и Международную федерацию объединенных стилей борьбы. Даже при том, что Дюпон получил звание «человека года» Федерации спортивной борьбы США и издания «Новости спортивной борьбы», большинство борцов испытывали к нему сильное презрение. Если бы он не начал постепенно терять интерес к

спорту, его просто выдавили бы из спортивного мира. У Джона не было шансов остаться в этом мире, в котором все ненавидели его. Странным было то, что именно борцовское сообщество на какое-то время подпустило его к себе.

Неприязнь к Дюпону настолько глубоко засела во мне, что, отчасти в связи с этим документальным фильмом, я в 1989 году стал размышлять об убийстве. По мере того как я взрослел, меня учили, что успех складывается из упорной работы, жертв, страданий, честного отношения к делу и отказа от кратчайшего пути. Наблюдая за тем, как Джон приобретал все больше власти в борцовском мире, я убеждался в том, что меня учили неправильно. Те, кто занимался борьбой, откровенно попрошайничали, предоставляя Джону в ответ все, что бы он ни пожелал. У него была потрясающая способность каждому назначать свою цену. Я еще никогда не чувствовал себя таким подавленным, увидев, как его имя появляется над моим изображением в документальном фильме, за создание и трансляцию которого он заплатил. Это послужило мне последним напоминанием о том, что он воспользовался моей болью, чтобы завоевать авторитет и добиться власти, а затем сломал мою карьеру. Мне захотелось отомстить.

Я купил миниатюрный арбалет, насадил на палку пластмассовый кувшин для молока и представил, будто бы это голова Дюпона. Я натренировался попадать в кувшин с пятнадцати метров: насколько я помнил, это было примерное расстояние от кустарника у его особняка до того, кто, подъехав к дому, будет подниматься вверх по лестнице.

Я планировал продать все, что у меня было, скрыться от всех, поехать в Ньютаун-Сквэа, переночевать в машине, чтобы не селиться в мотеле и избежать свидетелей, спрятаться в кустах у особняка и дождаться Дюпона.

Я бы выстрелил ему в голову из арбалета, когда он поднимался по лестнице. Пока он умирал на ступеньках, я бы спокойно подошел к нему, чтобы в последние минуты своей жизни он знал, что это я стрелял в него. Но я бы проявил осторожность и не стал бы слишком приближаться к нему, чтобы на меня не попала его кровь.

Он бы умолял меня о жизни, глядя, как я заряжаю следующую стрелу. Он бы извинялся, не переставая: «Я прошу прощения за все! Пожалуйста! Дружище! Прошу! Нет! Не надо! Пожа…»

Вот тебе!

Каждый раз в ответ на его просьбы я бы всаживал в него очередную стрелу, пока последняя из них не вошла бы ему прямо

в горло или в глаз.

Если бы меня поймали и стали допрашивать, у меня было бы алиби: я находился в туристическом походе. Затем я поехал бы в Бразилию, изменил там свое имя и заимел бы ребенка от бразильянки, поскольку как отец бразильца я мог избежать депортации.

* * *

Мы с Дэйвом постоянно общались. Он сделал перерыв в соревнованиях и после нескольких месяцев моего пребывания в Колорадо-Спрингс позвонил, чтобы сообщить мне, что он подумывает об уходе с должности помощника тренера в Висконсине.

– Джон позвонил мне и предложил тренерскую работу в «Фокскэтчер», – сказал он мне. – Думаю, я мог бы принять это предложение и начать вновь участвовать в соревнованиях.

– Хорошо, – сказал я. – Полагаю, однако, что ты не знаешь, во что ты ввязываешься. Если же ты все-таки хочешь попробовать, то помни, что любая сделка с Джоном должна быть оформлена в письменной форме. Это касается в первую очередь твоих должностных обязанностей и твоего места в общей иерархии. Иначе тебя надуют.

Через некоторое время после моего разговора с Дэйвом мне позвонил Джон и сообщил, что Дэйв принят на работу и что он, Джон, не забыл о нашей с ним той договоренности.

– Я буду платить тебе столько же, сколько и Дэйву, ни больше ни меньше, – сказал мне Джон. – И ни один из вас не сможет вмешиваться в работу другого. Вы оба – тренеры команды «Фокскэтчер».

Джон платил мне сорок тысяч долларов в год, хотя я и уехал от него. Более важным моментом была медицинская страховка, которая предусматривалась наряду с зарплатой.

Я опасался, что переезд Дэйва в «Фокскэтчер» может так же негативно отразиться на его спортивной карьере, как и на моей. Но проживание в поместье для Дэйва не сопровождалось такими проблемами, с которыми столкнулся я, поскольку у него в этом плане было два основных преимущества.

Во-первых, с ним была семья, которая поддерживала его. К этому времени у Дэйва и Нэнси уже появилась дочь Даниэль (названная так в честь Дэна Чэйда), которую они взяли с собой вместе с сыном Александром (был так назван в честь легендарного советского борца Александра Медведя).

Его второе преимущество заключалось в том, что к тому времени в поместье «Фокскэтчер» уже проживали и тренировались многие другие борцы. Команда Дюпона даже без помощи моего имени и моих достижений уже создала себе авторитет и обеспечила привлекательность имени «Фокскэтчер», что позволило Дюпону включить в свою борцовскую коллекцию таких талантливых спортсменов, как Дэйв, Чэйд, Роб Калабрезе, Дэйв Ли и Валентин Йорданов, а также тренеров Грега Стробела и Джима Хамфри.

Для Дэйва присутствие других борцов означало, по крайней мере, то, что Дюпон был бы вынужден «доставать» его при всех. Их разговоры могли происходить лишь во время появлений Джона на тренировках, а это было не каждый день.

На тренировках в поместье «Фокскэтчер» Дэйв никогда не испытывал недостатка в партнерах такого уровня, как Кэвин Джексон (будущий чемпион Олимпийских игр) или Ройс Элджер (двукратный чемпион Национальной ассоциации студенческого спорта). Время от времени подъезжали и другие борцы, чтобы потренироваться с Дэйвом. Ему всегда хватало, над кем одержать верх.

Я посетил Дэйва в поместье в 1989 году, и у меня сложилось впечатление, что ему там очень хорошо. Он и Нэнси с детьми жили в трехэтажном доме площадью более 230 квадратных метров, в дальней стороне поместья, в миле от особняка Дюпона. В их распоряжении был целый угол поместья площадью около восьми сотен акров. Рядом был лес, где Дэйв мог ходить на охоту. Он умел пользоваться оружием и знал, как освежевать и разделать оленя, чтобы приготовить стейки и вяленое мясо.

В поместье Дюпона уже был спортзал, который Джон использовал для подготовки пятиборцев. Там был бассейн олимпийского класса, где на стене были мозаикой выложены изображения Джона, занимающегося каждой из пяти дисциплин пятиборья. Рядом со спортзалом Дюпон совсем недавно отгрохал крупнейший в стране борцовский центр. Национальный тренировочный центр «Фокскэтчер» занимал около 1300 квадратных метров и обошелся ему в шестьсот тысяч долларов. В борцовском зале от стены до стены были разложены три борцовских ковра полного размера фирмы «Сарнейж». Точно такие же ковры использовались на Олимпийских играх. Были также оборудованы кабинеты для тренеров, душевые, раздевалки, тренажерный зал и видеосалон. Я еще никогда не видел борцовского зала, который был бы так хорошо оборудован и

содержался бы в таком хорошем состоянии.

В торце помещения, в стороне от других кабинетов, располагался кабинет Джона. На табличке, красовавшейся на его двери, было выгравировано ОРЛИНОЕ ГНЕЗДО. Внутри были стол и большая круглая кровать. Вдоль основания кровати были уложены ветки, чтобы создавалось впечатление, будто бы эта кровать-гнездо была сделана орлом. Джону нравилось, когда его называли «орлом», потому что он сам постоянно называл себя «беркутом Америки».

* * *

Хотя общение с Уэйном Боманом помогло мне вернуть душевное спокойствие, Колорадо-Спрингс не мог обеспечить мне той стабильности, к которой я стремился. Академия спустя год не приняла меня на работу на полную ставку, как я надеялся. Я работал каждый день без всякой оплаты, мои средства начинали подходить к концу, ездить в Академию приходилось довольно далеко. Федерация спортивной борьбы США также не собиралась брать меня к себе на работу.

Я был одинок, и я вернулся в Ашленд ради женщины.

Я встретил Кристи в баре в Ашленде после чемпионата мира 1985 года. До того как я очутился в баре, я знал о ней только то, что, по словам моих друзей, она была тренером по борьбе в Южном Орегоне. Однако они мне так расписали ее физические данные, что я должен был непременно встретиться с ней. В то время я не мог позволить себе жениться и вернулся в Стэнфорд к своей работе и тренировкам без нее.

Мы с Кристи поженились в 1989 году, приобрели грузовик с трейлером, уложили туда все свое добро и направились в Юту, потому что я вычитал, что в Парк-Сити в этом штате есть самый большой перепад высот лыжной трассы, на которой можно прокатиться за деньги. Несколько недель мы катались там на лыжах, а затем совершили часовую поездку на юг в Прово и были очарованы этим опрятным городком. Мы остановились там, и люди, которые с нами общались, были дружелюбны и доброжелательны. Мы припарковали наш трейлер на стоянке магазина «Шопко», и я отцепил грузовик, чтобы съездить в городок университета Бригэма Янга[28].

Подъезжая к городку, я был поражен видом гор, которые вырисовывались на заднем плане. Мы никогда не видели такого в Оклахоме! У университетского городка был еще более опрятный вид, чем у самого города. Как только я оказался на территории

городка, я сразу же понял, что Прово – это то место, где я хотел бы жить.

Первому парню, которого я там встретил, я прежде всего задал вопрос насчет спортзала. После того как он показал мне его, я спросил, почему он приехал в «Би-Уай-Ю».

– Чтобы заниматься борьбой, – ответил он.

Он попытался произвести на меня впечатление упоминанием того, что являлся членом борцовской команды «Би-Уай-Ю». Я представился. Думаю, парнишка был смущен, узнав, что я собираюсь посетить борцовский зал, где мог наблюдать за тем, как он боролся на *внутривузовских* соревнованиях.

Направляясь к борцовскому залу, который располагался в крытом спортивном манеже «Смит», между спортивным манежем «Ричардс» и учебным и корпусом «Ричардс», я заметил неподалеку мулового оленя с четырьмя пятнышками.

«Это самый замечательный университетский городок на земле!»

Я провел в «Би-Уай-Ю» одиннадцать лет и больше никогда не видел на территории университетского городка ни одного мулового оленя.

Мне пришла в голову замечательная идея перелистать рекламную брошюру борцовского центра, чтобы узнать имя главного тренера по борьбе в «Би-Уай-Ю» – им оказался Алан Олбрайт – и как он выглядит, а также узнать, кто у него лучшие борцы. У меня, таким образом, появилась возможность подойти к нему, словно я был знаком с ним всю свою жизнь, и сказать: «Привет, Алан! Как в этом году поживает Рик Эванс?»

Борцовская команда была еще в дороге, и когда они подъехали, я встретился с Аланом и спросил, могу ли я потренироваться. Он не только разрешил мне тренироваться, но также выделил мне шкафчик и все необходимое и обеспечил мне доступ к борцовскому залу. Мы с Аланом сразу же нашли общий язык и до сих пор остаемся хорошими друзьями.

После того как я провел несколько тренировок, Алан сказал мне, что через несколько лет собирается уходить из университета и может посодействовать в том, чтобы на его место взяли меня. Возможность стать главным тренером по борьбе в первом дивизионе Национальной ассоциации студенческого спорта – это было похоже просто на сказку.

В 1991 году я официально стал помощником главного тренера в «Би-Уай-Ю», а в 1994 году был принят на работу в качестве главного тренера, когда Алан уехал работать тренером в среднюю школу к югу от Прово.

В Юте в моей жизни произошли четыре важных события. У

меня родился сын, Марк Дэвид, и дочери Келли и Сара Джессика. Четвертое же событие – это мой переход в Церковь Иисуса Христа святых последних дней[29].

Когда я появился в Прово, у меня были предвзятые представления о мормонах. Тренер Олбрайт ничего не говорил мне о том, что я был неправ, – он показал мне ошибочность моего мнения своим образом жизни.

Раньше я ходил в евангелистскую церковь Назорея, но этот опыт мне ничего не дал. С того времени я больше не обращался в какую-либо религию и поклялся вздуть любого, кто хотя бы заикнется о переходе в какую-либо истинную церковь. Мне было непонятно, как все церкви могли быть истинными, поскольку некоторые их догматы противоречили друг другу.

После того, как я некоторое время поработал в «Би-Уай-Ю», Алан начал вести со мной беседы о том, что «Книга Мормона»[30] является краеугольным камнем веры Церкви Иисуса Христа святых последних дней. Он утверждал, что в «Книге Мормона» открывается истина. Я задавал Алану различные коварные вопросы, и у него был ответ на каждый такой вопрос.

Я задавал такие же вопросы и Кори Вичу, другому помощнику тренера в «Би-Уай-Ю». Один приятель дал мне почитать литературу, где церковь мормонов подвергалась критике, и Алан попросил Питера Соренсона, университетского преподавателя английского языка, указать мне на ошибки и искажения в этой литературе.

Я получил ответы на все свои вопросы и убедился в несостоятельности нападок на мормонов. В один прекрасный день Алан сообщил мне, что Джозеф Смит, создатель «Книги Мормона», был борцом. «Если это окажется правдой, – сказал я себе, – то я, очевидно, захочу прочесть ”Книгу Мормона“». Я изучил данный вопрос, и это оказалось правдой. Я не смог выискать сведений о том, чтобы Джозеф Смит проиграл кому-нибудь хоть одну схватку.

22 сентября 1991 года Алан крестил меня в Церкви Иисуса Христа святых последних дней.

* * *

В 1993 году я сидел у себя дома в Прово, когда мне позвонил какой-то незнакомый парень и сказал:

– В город сейчас приехал лучший в мире борец джиу-джитсу. Вы не хотите провести с ним схватку?

Я слышал о джиу-джитсу, но ничего не знал об этой борьбе. Я

решил, что этот звонок был чьим-то розыгрышем.

– Каковы правила? – спросил я.

– Там нет никаких правил! – ответил он.

Я понял, что это не розыгрыш. *«Если там нет никаких правил,* – подумал я, – *значит, мы просто попытаемся убить друг друга? Получается, что это будет борьба не на жизнь, а на смерть?»*

Я не мог уклониться от такого вызова.

Это было накануне чемпионата Национальной ассоциации студенческого спорта 1993 года, и я не мог встретиться с этим мастером по джиу-джитсу до возвращения нашей команды.

– Передайте ему, что я буду ждать его в борцовском зале «Би-Уай-Ю», начиная со следующего четверга, – сказал я тому, кто звонил.

В течение следующей недели я нервничал. Я работал над дипломом магистра, но не мог сосредоточиться на своих заданиях. Я никому не рассказывал о том, что намечается, но когда этот знаменательный день настал, в зале уже ждала небольшая группа людей, некоторые из которых были с видеокамерами.

Бросив взгляд на ковер, я сразу же увидел там Алана, который боролся с каким-то парнем, который выглядел так, словно он снимался в фильме «Кумитэ»: спереди голова была обрита, а сзади волосы заплетены в длинную косу. Алан стоял, а парень сидел на пятой точке, делая выпады в сторону Алана, чтобы ногами зацепить его ноги.

«Если это все, что требуется, – подумал я, – *то тут нет ничего особенного»*.

Когда меня увидели, борьба прекратилась.

Парень встал, подошел ко мне и представился как Риксон Грейси.

– Ты – тот самый парень? – спросил он.

– Да, тот самый. А ты – тоже тот парень?

– Да, я тот парень, – сказал он.

Таким образом, мы определились с тем, что каждый из нас был «тем самым парнем».

Риксон был мастером бразильского джиу-джитсу[31]. У него были характерные уши борца: по форме они напоминали цветную капусту. Когда я увидел его уши, я сразу же понял, что это крутой чувак.

– Основа моих приемов, – пояснил он, – это удары локтем, коленом, рукой и ногой, но сегодня мы не будем ничего этого делать. Сегодня мы будем только бороться и пытаться проводить болевые или удушающие приемы, пока один из нас не признает

свое поражение.

«Как здорово! Смертоубийство на сегодня не планируется».

Меня вполне устраивал такой план.

Риксон стоял передо мной, без всякой стойки.

– Начинай! – предложил он.

Я провел атаку, сбил его под себя, зашел ему за спину и где-то минут двадцать удерживал его в таком положении. Я еще удивлялся, почему парень позволил мне сбить его на ковер и почему он при этом выглядел таким довольным.

Я не знал никаких болевых или удушающих приемов и проводил эту схватку так, как умел. Пользуясь тем опытом, который я приобрел в Колорадо-Спрингс во время двух недель тренировок с национальной сборной США по дзюдо, я старался прижимать к себе подбородок и локти. Но этим мои навыки и ограничивались, поскольку болевые или удушающие приемы были против борцовских правил.

Мой захват разорвался, Риксон выскользнул и стал отрабатывать на мне различные приемы на удушение и болевые захваты руки. Затем он продемонстрировал прием под названием «треугольник»[32], который в борьбе известен также как «четверка». Я не смог вырваться, и когда я начал уже задыхаться, мне пришлось похлопыванием по ковру признать свое поражение.

Наши борцы наблюдали за схваткой со скамейки, посмеиваясь надо мной. Если бы только мне не пришлось приходить в себя после удушения, я бы пошел и надавал кое-кому под зад.

– Нельзя ли повторить еще раз? – спросил я Риксона.

Я снова, сбив его под себя, еще двадцать бездарных минут тщетно удерживал его, пока, устав, не упустил – и Риксон зашел мне за спину. Моя естественная реакция как борца была лечь на живот, чтобы меня не тушировали. Он сразу же отжал мне подбородок вверх и сделал удушающий захват предплечьем. Я вновь похлопыванием по ковру был вынужден признать свое поражение.

Риксон сказал, что я был самым крутым парнем из всех, с кем ему приходилось встречаться, и пошутил, что, если только я овладею джиу-джитсу, он завершит свою спортивную карьеру.

Хотя я в тот день был опозорен, однако смог извлечь ценный урок. Я никогда не применял болевые и удушающие приемы, поскольку они были запрещены правилами Национальной ассоциации студенческого спорта и Олимпийского комитета. Правила вольной борьбы побуждали меня поддерживать хорошую физическую форму и обеспечивать позиционное превосходство над соперником, и не было никакой необходимости изучать

технику по принуждению соперника к сдаче. Я стал заниматься борьбой не для того, чтобы выигрывать схватки. Я стал заниматься борьбой, потому что считал ее идеальным воплощением единоборства. Благодаря Риксону я понял, что существуют более эффективные уличные приемы и что я должен овладеть ими.

Со времени моих последних Олимпийских игр прошло уже пять лет, и все это время я находился в депрессии. Мне требовалось изменить свою жизнь, и занятие джиу-джитсу предоставляло мне такую возможность. Техника бросков и поддержания хорошей физической формы в вольной борьбе превосходит аналогичную технику в любом другом единоборстве, и ее сочетание с удушающими и болевыми приемами джиу-джитсу могло бы привести к созданию более совершенного боевого искусства, чем любое из них по отдельности.

Одним из учеников Риксона являлся Педро Зауэр, у которого в Прово был клуб бразильского джиу-джитсу, пригласивший Риксона. Педро был весьма смышлен, он отличался хорошей реакцией и пластикой, его техника была безупречна. Он стал для меня идеальным тренером.

Глава 16
Беда в «Фокскэтчер»

Пока я в штате Юта экспериментировал с тем, что должно было изменить мою жизнь, борцовская карьера Дэйва сопровождалась разочарованиями, травмами и необходимостью принятия сложных решений.

После своей неудачи в схватке с Кенни Мэнди в 1988 году за место в Олимпийской сборной Дэйв на год прервал участие в соревнованиях, став тренером национальной сборной США по борьбе. В 1989 году, когда Дэйв вернулся на ковер, Кенни был в самом расцвете своей успешной карьеры борца вольного стиля.

Дэйв и Кенни были достойными соперниками на ковре, и они испытывали огромное уважение друг к другу. Когда Кенни выиграл золото на Олимпийских играх в Сеуле, Дэйв поднял его к себе на плечи и сделал с ним по ковру круг почета.

Популярность Дэйва на международной арене, пожалуй, наиболее ярко проявилась на международном турнире в Тбилиси в 1991 году. Он уже побеждал там в 1987 году и, таким образом, стал единственным американцем, выигравшим этот турнир дважды.

Российские болельщики обожали Дэйва. Зик Джонс, нынешний тренер национальной сборной США по вольной борьбе, возглавлял американскую команду на соревнованиях в Тбилиси в 1991 году, и он рассказал мне, что схватка Дэйва в финале с российским борцом закончилась с равным счетом. С учетом пассивности Дэйва из-за травмы плеча судьи присудили победу русскому спортсмену.

Болельщики пришли в неистовство, принялись швырять на арену разные вещи и свистеть. Потребовалось некоторое время, чтобы навести на трибунах порядок. Судьи вновь собрались на совещание, и в результате в знак совместной победы были подняты руки обоих борцов. Болельщики горячо приветствовали такое решение, хотя, казалось бы, должны были бы поддерживать своего земляка.

Зик сказал, что у него было такое ощущение, словно он оказался на съемках сериала «Сумеречная зона»[33]. Как мне сказали, это был единственный раз, когда в одной весовой категории на турнире были вручены две золотые медали.

Кенни снова выиграл у Дэйва в 1991 году на отборочных соревнованиях за место в сборной на чемпионат мира. После этого поражения Дэйв, стремясь вновь принять участие в

Олимпийских играх и устав от необходимости постоянно сбрасывать вес, решил выступать в весе до 82 килограммов. После перехода в новую весовую категорию Дэйва преследовали травмы. В сборной США эта весовая категория была представлена очень сильными борцами. Там были Кевин Джексон, защищавший титул чемпиона мира, Ройс Элджер и Мелвин Дуглас, который, начиная со следующего года, будет четыре раза подряд становиться чемпионом США. Все эти четверо парней могли завоевать медали на предстоящих Олимпийских играх.

После победы в первой схватке по системе «лучший из трех» Дэйв проиграл Дугласу. В результате в сборную команду США попал Джексон, который и выиграл золото в Барселоне.

Летом 1992 года Дэйву исполнилось тридцать три года. Он не относился к тому типу борцов, которые упускают шансы в своей спортивной карьере, но с учетом его возраста некоторые полагали, что Дэйв упустил последнюю возможность выступить на Олимпийских играх.

Тем не менее мой брат окончательно определился в своем решении и был полон решимости принять участие в Олимпийских играх 1996 года в Атланте, штат Джорджия. Он сбросил вес до 74 килограмм, Кенни Мэнди к этому времени завершил свою карьеру, и Дэйв стал одним из ведущих борцов нашей страны. Он выиграл национальный чемпионат и занял второе место на чемпионате мира. В 1994 году он вновь занял первое место на национальном чемпионате, выиграл Кубок мира и занял второе место на Играх доброй воли. В 1995 году Дэйв третий раз подряд выиграл национальный чемпионат, став, таким образом, семикратным чемпионом США по вольной борьбе. Кроме того, в этом же году он в пятый раз стал обладателем Кубка мира.

История возвращения Дэйва в чемпионский ранг весьма воодушевляла. В возрасте тридцати шести лет он выступал настолько результативно, что все говорило о его неуклонном продвижении к олимпийскому золоту спустя двенадцать лет после того, как мы оба завоевали золотые медали на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе.

* * *

В той же мере, в какой спортивная карьера Дэйва успешно шла по восходящей, настолько же очевидно ухудшалась ситуация в поместье «Фокскэтчер». То, что рассказывали Дэйв, мой хороший друг Дэн Чэйд и другие борцы о происходившем там, все более и более озадачивало. После убийства Дэйва, когда начались

журналистские расследования прошлого Дюпона, я узнал еще более поразительные вещи о том, насколько странным стало поведение Джона.

Убежденный в том, что в особняке завелись привидения и шпионы, Джон пригласил экстрасенса, чтобы тот описал этих привидений. Он также нанял рабочих, чтобы проверить каждый сантиметр стен и полов и обнаружить шпионов, которые, как был уверен Джон, следили за ним. Шпионов не нашли. Непреклонный в своей вере в их существовании, Джон просветил рентгеном все колонны особняка и его стены.

Дюпон также потребовал от борцов выявить нацистских шпионов, которых он заприметил в кронах деревьев. Кроме того, он считал, что его враги используют инженерные коммуникационные системы особняка для того, чтобы пробраться внутрь и убить его.

Джон велел вынести из спортивного центра все тренажеры с «бегущей дорожкой», поскольку опасался, что встроенные в них таймеры переносят его назад в прошлое. Одному из борцов он запретил появляться в бейсболке, поскольку был уверен, что та служит для передачи каких-то сигналов. По этой же причине он направил на проверку свои бильярдные шары, подозревая, что в них были встроены передающие устройства.

Один из родственников рассказывал, что Джон назвал себя «Далай-ламой США» и мог не ответить на приветствие тех, кто обращался к нему без упоминания этого титула. В другой раз он принялся утверждать, что является президентом Болгарии и Советского Союза.

Джон полагал, что с ним общаются камни, и намекал на то, что в особняке имеется устройство, распыляющее специальное масло, от которого исчезают люди. Он стрелял по гусям, утверждая, что те пытаются навести на него порчу.

Получили огласку также истории и более раннего времени.

В середине 80-х годов Джон без всяких причин подорвал динамитом выводок только что родившихся лисят. В 1990 году его обнаружили с окровавленными ногами. Когда его спросили, что случилось, он объяснил, что хотел посмотреть на жуков, которые вгрызлись ему в тело, и стал выковыривать их, вырывая вместе с кусками собственной плоти.

У Джона был танк со снятым вооружением, на котором он любил разъезжать по своему поместью, чтобы похвалиться перед окружающими. Однажды вечером на Рождество 1984 года он подъехал в этом танке в своем поместье к дому, в котором остановился полицейский с женой. Джон повалил несколько деревьев и расцарапал себе голову ветками. Весь в крови и

пьяный, он обратился к жене полицейского с вопросом, не желает ли ее муж «выйти поиграть».

Тем не менее каждый, кто излагал очередную историю о странностях Дюпона, всякий раз добавлял, что ему и в голову не могло прийти, что Джон мог причинить кому-то вред, не говоря уже об убийстве. Описание его выходок, как правило, завершалось традиционной фразой: «Ведь это же Джон!» Все объясняли его пьянством и употреблением им кокаина. Члены его семьи позже рассказывали, что они были обеспокоены психическим состоянием Джона и пытались убедить его обратиться к врачам. Однако он отказался, а по законам штата Пенсильвания без его согласия сами они не могли ничего предпринять.

Хотя это были истории десятилетней давности, стало ясно, что за последние годы ситуация изменилась только к худшему.

Только в прошлом году или где-то в это время мне стало известно о происшествии, которое произошло несколько лет назад и о котором раньше я никогда не слышал, хотя тогда уже работал в Вилланова. В декабре 1987 года Джон сбил регулировщика дорожного движения. Дюпон ехал не слишком быстро, однако удар получился достаточно сильным, и регулировщик оказался на капоте его «Линкольн Таун-кар», а затем, когда Дюпон остановился, упал на землю. Дюпон сказал ему, что он тренер по борьбе университета Вандербильта, и оттащил его к тротуару, хотя мне до сих пор трудно поверить, что у Джона хватило сил перетащить кого-либо. Как рассказал свидетель, Дюпон несколько минут оставался с регулировщиком, а затем, не дождавшись прибытия полиции или врачей, невнятно произнес: «С тобой все будет в порядке» – и уехал.

Когда Дюпон оказался в своем поместье, он сразу же сел в вертолет вместе с Чэйдом, Калабрезе и еще одним парнем, чтобы добраться до аэропорта Филадельфии и оттуда полететь в Висконсин, где они должны были встретиться с Дэйвом и посмотреть борцовскую схватку. Дюпон велел по дороге в аэропорт никому не разговаривать. Уже на борту самолета он рассказал им, что произошло и что он, возможно, убил регулировщика. Пока они летели в Висконсин, адвокат Дюпона несколько раз звонил Нэнси и просил, чтобы Джон созвонился с ним сразу же после прибытия. Уже в присутствии Дэйва и Нэнси, а также своих попутчиков Джон вновь признался в том, что сбил на машине человека.

Дюпон, Дэн, Роб и тот другой парень тем же вечером прилетели обратно домой. Когда на следующий день полиция допрашивала его, Джон сказал, что он не думал, что сбитый им

человек серьезно пострадал и что он уехал с места происшествия потому, что должен был лететь в Висконсин. Пострадавший, который получил незначительные травмы и которого после оказания необходимой помощи выписали из больницы, не стал подавать жалобу и получил страховое возмещение. Джона признали виновным в нарушении правил дорожного движения, не повлекшим тяжких последствий, и оштрафовали на целых 42,5 доллара.

Когда оглядываешься назад, начинает казаться, что все эти годы не хватало буквально самой малости, чтобы Дюпона вывели на чистую воду и показали, кем же он был на самом деле. Если бы кто-нибудь невзначай серьезно рассердился на Дюпона, то для Джона все могло бы окончиться плачевно. Однако у Джона были связи, власть и деньги, чтобы не быть разоблаченным как эгоистичный интриган, каким он являлся.

> Когда в поместье к Дюпону переехал работать Йорданов, проблемы в команде «Фокскэтчер», похоже, стали возникать все чаще. Валентин был из Болгарии, он был одной из звезд того командного матча, который организовал Дюпон.

После того как Валентин появился в команде «Фокскэтчер», он устроил для Дюпона в Болгарии схватки с борцами среди ветеранов в возрасте от пятидесяти и более лет. Джон летал на юго-восток Европы и платил болгарам за то, чтобы они проигрывали. Некоторые из борцов, проигрывая Джону, заработали больше, чем они могли бы получить, участвуя в течение целого года в официальных встречах.

Во время одного из турниров была организована специальная схватка между Джоном и болгарским борцом. Заранее была достигнута договоренность о победе Дюпона, но болгарин с первых же минут продемонстрировал значительное преимущество, и Дюпон ничего не мог поделать с парнем, чтобы набрать себе очки. Болгарин понял, что он рискует одержать победу, и сам упал на лопатки, тушируя себя. Судьи объявили ему поражение, и почему-то именно тунисские борцы принялись отмечать победу Джона, посадив его к себе на плечи и совершив с ним круг почета по арене. Кто знает, может быть, он заплатил и тунисцам, чтобы те помогли ему отпраздновать победу.

Я раньше никогда не слышал о том, чтобы подобные соревнования ветеранов организовывались в Соединенных Штатах. Я как-то видел одну такую схватку ветеранов, и мне было жаль обоих спортсменов, потому что они действовали медленно и несогласованно. Думаю, Джон использовал свое влияние, чтобы

организовать в США турниры ветеранов. Я бы не удивился, узнав, что он начал спонсировать какой-нибудь спортивный ветеранский центр. Эти турниры стали весьма популярны, завершившие спортивную карьеру борцы всех весовых категорий вновь стали участвовать в соревнованиях. Мой тренер в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса Дэйв Обл стал чемпионом мира среди ветеранов.

Если верить тому, что мне сказали, то у Дюпона появилась навязчивая идея победить в чемпионате мира среди ветеранов. Он принял участие в нескольких турнирах, но не смог выиграть. Для соревнований среди ветеранов нередко не набиралось участников для отдельных весовых категорий, чтобы соревноваться за титул чемпиона мира. С учетом этого Джон стал уточнять ситуацию и регистрироваться именно в таких весовых категориях, вне зависимости от того, отвечал ли он ее критериям. Никто из официальных лиц не сказал ничего, чтобы остановить его. Они не могли позволить себе кусать руку, которая кормила их.

Хосе Бетанкур, который организовал для Джона встречу с командой Вилланова во время ее поездки в Пуэрто-Рико, подружился с Дюпоном. Хосе принял участие в договорной схватке с Джоном, который, как мне кажется, даже не знал, что результаты этой схватки были подтасованы. Дюпон победил Хосе со счетом 14:13 или как-то так. Дэйв сказал мне, что считает Хосе героем за то, что тот осчастливил Джона. Когда Джон был счастлив, жизнь в поместье становилась замечательной для всех его обитателей.

Чэйд рассказал мне историю, которая была тщательно задокументирована с того момента, когда в «старом здании школы», отреставрированном здании на территории поместья «Фокскэтчер», поселился Марио Залетник. Марио относился к числу высокопоставленных должностных лиц Международной федерации объединенных стилей борьбы и главой ассоциации ее чиновников. Он оказывал влияние на размеры пожертвований Джона для федерации. Он также был главой администрации Олимпийских игр и чемпионатов мира. Он был «дополнительным должностным лицом», которому было поручено присматривать за Дэйвом и мной на Олимпийских играх 1984 года после того, как Дэйв нанес повреждения югославскому борцу, а я сломал турецкому борцу локоть.

Переезд Марио в поместье «Фокскэтчер» удивил меня. Я до сих пор не могу понять, что побудило его на этот шаг. Марио был достаточно влиятельным чиновником в борцовском мире, однако он проявил себя как коррупционер. Джон получал удовольствие, когда плел интриги и проверял, могут ли люди изменять своим

принципам в обмен на деньги. Для него это было игрой. Он действительно считал, что у каждого есть своя цена. И теперь настала очередь Марио пройти эту проверку.

Через некоторое время Дюпон обнаружил, что Марио пытался выудить у него денег побольше не только для Федерации, но и для самого себя. И Джон решил избавиться от Марио.

Зимой Дюпон умудрился как-то заехать в своем новом «Линкольне Континенталь» в пруд на территории поместья. Через несколько дней Джон встретил Марио у центральных ворот уже в другом «Линкольне Континенталь». Марио сказал, что слышал от борцов о той истории, когда Джон заехал в пруд, и поинтересовался, как же это могло случиться.

– А я покажу, – сказал Дюпон. – Садитесь на заднее сиденье.

Джон передал Марио билет на самолет на его родину, в Канаду, направился к тому же самому пруду, через те же кусты – и въехал прямо в пруд. На полпути Джон выскочил из машины и вернулся в свой особняк, оставив Марио на заднем сиденье. Марио удалось выбраться и вернуться в борцовский зал, где он, совершенно ошарашенный, рассказал про случившееся. Марио был весь мокрый, и когда снял свои брюки, его ноги были красными от ледяной воды.

У борцов появилась шутка: они стали дразнить Марио, спрашивая, не хочет ли он поплавать. Однако, оглядываясь назад, становится ясно, что этот инцидент был первым признаком того, что Дюпон готов избавиться от нежелательных лиц в своем окружении любыми средствами, в том числе причиняя им физический вред.

Когда Джон увлекался чем-либо: каким-то видом спорта, троеборьем или борьбой, или коллекционированием, или обеспечением соблюдения законов, то он «игрался» этим, пока оно ему не наскучивало. Тогда он бросал старую игрушку и принимался искать новую.

На мой взгляд, Джон как раз достиг этой критической точки в своем увлечении борьбой. Он добился власти в руководящих органах национальной Федерации спортивной борьбы и контроля над некоторыми ключевыми фигурами в этом виде спорта. Он сделал в нем политическую карьеру. Он обеспечил себе здесь более сильное международное влияние и престиж, чем мог бы сделать это в любой из других своих коллекций. Борьба пока еще оставалась его любимой игрушкой – но время бросить ее приближалось.

* * *

У Джона и Чэйда, который приехал в Вилланова в 1987 году, начались проблемы в отношениях друг с другом, которые завершились той историей, о которой мне рассказал Дэн. В октябре 1995 года Дэн занимался поднятием тяжестей в тренажерном зале «Фокскэтчер», когда появился Джон с автоматической винтовкой со стволом в перфорированном кожухе. Джон принял атакующую позу, направил винтовку на Дэна и сказал:

– Не связывайся со мной! Я тут же выгоню тебя отсюда!

– Джон, я всегда старался быть твоим другом, – ответил Дэн. – Но я уеду отсюда.

Дюпон вышел из зала, а Дэн рассказал другим борцам о том, что произошло, что Дюпон сошел с ума и не в себе. Они ответили Дэну, что Дюпон просто был сердит на него.

Всем всегда казалось, что Дюпон ни для кого не представляет опасности, потому что никто не думал, что он когда-нибудь на самом деле осуществит свои угрозы. Джон совершал какую-нибудь выходку, и все говорили: «Джон не причинит никому вреда».

Инцидент с винтовкой просочился в прессу уже после того, как Дюпон убил Дэйва, и Дэн заявил, что он сообщил о случившемся в полицию, но там не восприняли это всерьез, сказав, что Дюпон всегда был «слегка эксцентричным». Полицейское управление в ответ заявило, что Чэйд искажает то, что на самом деле было зафиксировано в протоколе и что они ничего не могли предпринять, имея на руках лишь голословные обвинения.

Дэн упаковал большинство своих вещей в фургон, который он оставил рядом с домом Дэйва, и вернулся домой в Калифорнию. Он вновь прилетел в Филадельфию через несколько недель, чтобы окончательно собрать свои вещи и уехать навсегда. Джона не обрадовала новость о возвращении Дэна. Поздно вечером он направился к нему домой, совершенно пьяным. Он пытался найти Дэна у Дэйва и Нэнси, но того там не было.

Джон был настолько пьян, что он постоянно спотыкался. Оступившись, он ударился головой о подоконник и здорово поранился.

Дэйв с женой помогли Джону дойти до своей машины, и Дэйв отвез его в отделение неотложной помощи. Еще до этого Нэнси, увидев в машине винтовку, отнесла ее в дом. Джон при этом непрестанно повторял, что он хочет забрать свою винтовку назад, и Дэйв в конце концов вернул ее, предварительно разрядив.

Проезжая везде на красный свет, Дэйв доставил Джона в медицинский центр «Крозер-Честер», травмопункт которого был

назван в его честь. По дороге Джон сказал Дэйву, что он собирается подать заявление в полицию о том, что Чэйд ударил его по голове битой и что он хотел бы, чтобы Дэйв подтвердил это.

В отделении неотложной помощи Джон отказался заполнять анкеты, крича: «Я – Джон Дюпон! Мне не нужно ждать в очереди! Немедленно дайте мне врача!» Медсестры метались, пытаясь успокоить его и получить анкеты, которые было необходимо заполнить. Джон продолжал рявкать на всех, раздавать приказы и спрашивать: «Вы разве не знаете, кто я такой?» В конце концов оказалось, что ему было нужно наложить швы на рану.

Джон упорствовал в своей истории о Дэне и бите. Дэйв с женой рассказали полиции, как обстояло дело в действительности. Когда Джон потом узнал, что Дэйв и Нэнси не поддержали его версии, он потребовал копию полицейского отчета.

У меня нет официального подтверждения этого факта, но, как мне рассказали, когда полиция, арестовав Дюпона после убийства Дэйва, осматривала его особняк, она обнаружила копию этого отчета на столе у Джона. Только после убийства, когда началось журналистское расследование и в ходе судебного процесса всплыла какая-то информация, разрозненные кусочки мозаики стали складываться в цельную картину.

Судя по всему, Дюпон начал испытывал растущую неприязнь к Дэйву, который ранее, переехав в поместье, относился к числу любимчиков Джона. Со временем место Дэйва в этой роли занял Валентин Йорданов, который так же, как и Дэйв, был женат и имел детей.

Как мне представляется, Валентин был единственным борцом в поместье, кто был способен выдержать Джона, и то только потому, что он в то время плохо знал английский. Когда я впервые встретил Валентина после его переезда к Джону, я сказал ему:

– Если хочешь остаться в «Фокскэтчер», не изучай английский. Он будет говорить тебе вещи, от которых можно спятить, и тогда ты возненавидишь свою жизнь здесь.

Удивительным было то, что Дэйв и Валентин стали очень близкими друзьями. Их дружба началась после той самой встречи команды «Фокскэтчер» с болгарами, которая была организована Джоном.

Джон уволил Дэйва после вечеринки, устроенной на Новый, 1994 год, потому что Дэйв, чтобы насмешить своего болгарского друга, нарядился в форму русского солдата. Джон был увлечен Болгарией и рассказывал разные невероятные истории о том, как

его мать занималась сексом с болгарским солдатом, намекая на то, что он, как и Валентин, являлся болгарином. Поэтому Джон, должно быть, стал рассматривать Дэйва как угрозу своей дружбе с Валентином.

На следующий день Джон вызвал Дэйва в особняк и уволил его. После этого Йорданов и Калабрезе оба заявили Дюпону, что, если Дэйв уедет, они также уйдут из команды. Джон пошел на попятную и извинился перед Дэйвом.

В 1995 году истек контракт главного тренера команды борцов «Фокскэтчер» Грега Стробела, и он перешел работать главным тренером университета Лихай. Грег рекомендовал Дюпону назначить на свое место Дэйва. Дюпон, однако, предпочел Дэйву Йорданова, хотя у Дэйва было явно больше опыта. Когда Валентин выразил разочарование в связи с размером своей новой зарплаты, именно Дэйв пошел к Дюпону и беседовал с ним по поводу увеличения зарплаты Валентина.

Дэйв был тем человеком в команде «Фокскэтчер», к кому обращались, когда у кого-то возникали проблемы с Дюпоном. Дэйв был единственным среди борцов, кто мог перечить Джону, а также успокоить его и в большинстве случаев убедить поступать разумно. Дэйв не проводил соглашательскую политику, он не боялся высказывать свою точку зрения и указывать Дюпону на его «косяки». Он считал, что сможет помочь Джону.

Джон больше, чем к кому бы то ни было в команде «Фокскэтчер», прислушивался к Дэйву, однако именно Валентин стал тем, на кого Джону больше всех хотелось произвести впечатление.

* * *

Тем ноябрем консультативный спортивный совет Федерации спортивной борьбы США провел селекторное совещание для рассмотрения вопроса о возможном прекращении в официальном порядке сотрудничества с Дюпоном. В ходе совещания были рассмотрены две жалобы.

Первая поступила от борца, который сообщил, что Дюпон направлял огнестрельное оружие на некоторых борцов команды «Фокскэтчер».

Вторая жалоба касалась инцидента, когда в начале года Дюпон выгнал из своего поместья по расистским мотивам трех чернокожих борцов, заявив, что в «Фокскэтчер» правит Ку-клукс-клан. Дюпон изгнал из поместья не только чернокожих борцов. У него появился страх перед черным цветом, и он велел все черное

на территории своих владений либо ликвидировать, либо перекрасить.

Дэйв на этом совещании защищал Джона больше всех, и консультативный совет решил не обращаться к руководству Федерации с требованием каких-либо шагов. Члены совета не были уверены в том, что Дюпон являлся расистом или что он представлял угрозу чьей-либо безопасности. Кроме того, интерес Дюпона к борьбе, похоже, начал падать. Он уже проинформировал Федерацию спортивной борьбы США о том, что после 1996 года перестанет делать взносы, которые обычно составляли четыреста или пятьсот тысяч долларов ежегодно. Он заводил также речь о том, что может и вообще бросить заниматься спортом.

После того как Дюпон дал понять, что он намерен прекратить ежегодные пожертвования в пользу Федерации спортивной борьбы США, между ним и руководством Федерации наметилось охлаждение отношений. Джон стал проблемой для Федерации, наряду с этим он пытался так представить свой уход из спорта, чтобы не создалось впечатления, что это Федерация спортивной борьбы США вынудила его на такой шаг.

Дэйв планировал оставаться в команде «Фокскэтчер» на период Олимпийских игр 1996 года, которые заканчивались в начале августа. Он хотел достойно отметить свое возвращение на самую авторитетную борцовскую арену, а затем вернуться домой в Пало-Альто, где, как я узнал совсем недавно, ему предложили вновь стать тренером в Стэнфорде. Когда другие борцы узнали о его планах, многие собрались и уехали, другие решили уехать вместе с Дэйвом. Валентин был одним из них.

* * *

Во время рождественских праздников 1995 года Дэйв со своей семьей навестил меня в штате Юта. Я забыл сообщить ему код системы безопасности в моем доме, и однажды, когда я был в университете, а он вошел в дом, сработала сигнализация и приехала полиция. Мы тогда долго смеялись над этим.

Я взял семью Дэйва в Солт-Лейк-Сити, чтобы показать им Храмовую площадь, которая является самым посещаемым туристическим местом в штате Юта. Я говорил с ними о своей вере, о том, какое влияние она оказала на мою жизнь, и о том, что я узнал об истинности изложенного в «Книге Мормона».

Мы с Дэйвом отработали в борцовском зале «Би-Уай-Ю» некоторые приемы джиу-джитсу. Я объяснил Дэйву, почему я

навсегда бросил борьбу и стал заниматься только джиу-джитсу. Ему захотелось посмотреть, что собой представляет этот вид единоборства. Я лег на спину – то есть сделал то, что борец никогда не сделает. Я лежал и ждал, чтобы Дэйв навалился на меня. Затем я провел ему болевой прием на руке – и за семь месяцев с небольшим до Олимпиады я сломал ему локоть. По дороге в больницу я все продолжал допытываться у него: «Почему ты не стучал по ковру? Я же велел тебе стучать!»

Врачи обнаружили у него в локте костные фрагменты, которые уже были там и раньше, и позже ему пришлось удалять их хирургическим путем. Я чувствовал себя виноватым, хотя это и не я был причиной его травмы.

Когда они гостили у меня последний день, я взял Дэйва покататься на лыжах в курортной зоне Сноуберд. Прогноз погоды предупреждал о сильной метели, но так как это был последний день пребывания Дэйва в штате Юта, мы решили все же поехать туда. Метель улеглась, и условия для катания на лыжах были почти идеальными. Везде лежал чистый, девственный снег, и мы на горе были единственными. Мы катались на лыжах весь день и замечательно провели вместе время.

После того как Дэйв с семьей вернулся в поместье «Фокскэтчер», он прислал мне открытку. В ней он напомнил мне о том времени, когда после второй победы на чемпионате мира я стал подписываться следующим образом: «Марк Шульц, Олимпийский и двукратный чемпион мира». Крис Хорпел сделал все, чтобы я не стал чемпионом мира, именно поэтому я и придумал себе такую подпись. Дэйв сказал мне, что, по его мнению, это было забавно.

Затем он добавил, зачем он послал мне эту открытку: он хотел, чтобы я знал, как сильно он любит меня и как он счастлив быть моим братом.

Глава 17
Почему?

Мы никогда не узнаем, почему Джон Дюпон убил моего брата. Но когда я пытался постичь это, мне всегда представлялась важной дата убийства: 26 января 1996 года. В этот день Валентину Йорданову исполнилось тридцать шесть лет.

Мы собрались в то утро в спортзале, чтобы отпраздновать день рождения Валентина и проводить группу болгарских борцов, которые тренировались у нас и в этот день уезжали. Дюпон был вместе с борцами.

Если я правильно понимаю побуждения Дюпона, он хотел сделать Йорданову подарок на день рождения. Такой подарок, который бы показал, как сильно Джон любит Валентина и насколько он ему предан.

Через несколько часов после начала праздника Дюпон попросил Пэта Гудейла, начальника своей службы безопасности, взять его с собой на объезд поместья. На юго-востоке Пенсильвании тогда стояла суровая зима. Знаменитая снежная буря 1996 года, которая разразилась в округе Делавэр менее трех недель назад, нанесла более полуметра снега, и после недавнего нового снегопада Дюпон решил проверить, какой ущерб мог быть причинен на восьмистах акрах его собственности.

Обычно Джон, обходя свои владения, носил пистолет 38-го калибра. Но в тот день, как заметил Гудейл, Дюпон, прежде чем сесть в машину, прихватил с собой длинноствольный револьвер «Магнум» 44-го калибра, один из самых мощных пистолетов в мире.

Машина Дюпона была в ремонте, и он сел за руль взятого напрокат серебристого «Линкольна Таун-кар». Проехав по заснеженному поместью, Дюпон направился туда, где жил Дэйв с семьей, – к белому двухэтажному дому на краю поместья, в миле от особняка.

Была холодная, хмурая пятница, около двух сорока пяти пополудни. Дети Дэйва были в школе, в нескольких кварталах от дома. Дэйв обожал Александра и Даниэль, и, насколько мне известно, он, починив в своей машине радио, следил за временем, отсчитывая минуты до того момента, когда можно было ехать забирать детей и организовывать с ними выходные.

Дэйв уже почти сел в машину, когда Дюпон свернул на аллею и затормозил рядом с ним. Дэйв ничего не знал о намерениях Дюпона. Не собираясь прятаться, он сказал: «Привет, тренер!» – и

направился к машине Джона.

Услышав первый выстрел и крик Дэйва, Нэнси бросилась к парадной двери дома. По пути она схватила телефон, чтобы позвонить по «911». Прежде чем она выскочила наружу, Дюпон сделал второй выстрел. Открыв дверь, Нэнси закричала Джону, чтобы он остановился. Он направил пистолет на нее, и она нырнула обратно в дом. Затем, сразу же после этого, раздался третий, последний выстрел.

Во время суда над Дюпоном Гудейл заявил, что он выбрался из машины через дверь со стороны пассажира. У него было два пистолета. Он выхватил один из них и направил его на Дюпона. По словам Гудейла, Дюпон повернулся к нему, и они стали целиться друг в друга.

Чтобы прогнать Дюпона и получить возможность осмотреть Дэйва, Нэнси вновь вышла наружу и сказала Джону, что сюда едет полиция. Гудейл бросился к железной бочке, чтобы укрыться за ней. Как он показал на суде, Дюпон после этого бросил пистолет на сиденье и поспешно уехал.

Нэнси и Гудейл пытались до приезда врачей остановить у Дэйва кровь. Однако экспансивные пули при попадании в цель расплющиваются, принимая форму гриба. Такие пули предназначены для того, чтобы наносить более тяжелые ранения, чем обычные. Джон зарядил ими свой пистолет, чтобы убить наверняка.

Дэйв умер на руках у жены.

Я так до конца и не прояснил для себя действия Гудейла во время стрельбы. У меня возникло подозрение, что он выскочил из машины и, чтобы спастись, укрылся за бочкой, а *затем уже* направил на Дюпона оружие. Он мог в любой момент выстрелить в Дюпона и остановить его, но не сделал этого. Он был единственным человеком, который мог спасти Дэйву жизнь. Тем не менее я постарался проникнуться к нему сочувствием. Только они вдвоем с Дюпоном знали, что в действительности произошло.

Я ни в чем не виню Гудейла. Разве он мог ожидать, что случится что-то подобное? Похоже, гораздо больше времени потребовалось на то, чтобы прочитать об этих трех выстрелах, чем на то, чтобы сделать их, и Гудейлу пришлось принимать мгновенное решение. Даже сейчас, когда меня все еще мучает вопрос, что же могло тогда произойти на аллее у дома Дэйва, трудно в чем-либо обвинять Пэта.

* * *

Отец позвонил мне где-то через полчаса после стрельбы. У меня был самый разгар второй половины обычного рабочего дня в середине борцовского сезона: я отвечал в кабинете на телефонные звонки, читал свежую почту. Тренировка завершилась чуть более часа назад.

Думаю, никто еще в истории «Би-Уай-Ю» так не матерился, как я после того, как швырнул трубку.

Я сидел в углу, рыдая, и горько сожалел о том, что не уговорил Дэйва раньше уехать из поместья «Фокскэтчер». Или же, еще раньше, вообще не переезжать туда. До того как Дэйв переехал в «Фокскэтчер», я советовал ему оформить все договоренности с Дюпоном на бумаге и предупредил его, что Джон являлся интриганом. Когда Чэйд рассказал мне о том, как Джон заявился в борцовский зал со штурмовой винтовкой, мне, очевидно, следовало уговорить Дэйва прямо тогда уехать из поместья.

Но я ничего не сказал ему, хотя мне следовало прислушаться к своему внутреннему голосу.

Я ненавидел себя за это, но никак не мог отвязаться от мысли о том, что теперь Дэйв уже никогда не побьет моего рекорда по победам на чемпионате мира. Мы всегда соперничали друг с другом. Мы оба. Но я все эти годы чувствую себя очень виноватым за такие мысли. Я должен был руководствоваться своей верой, которая говорила, что Бог хочет, чтобы я был счастлив, и что мне нужно простить себя, а не терзаться греховностью мыслей о сопоставлении с Дэйвом количества побед, одержанных на чемпионатах.

Ларри Наджент, помощник тренера, был первым, кто появился в кабинете. Он упал в свое кресло. Очевидно, он стал плакать, но я не знаю этого точно, потому что я не обратил на него внимания. Я даже не знаю, как долго мы оставались в кабинете. Прежде чем Ларри отвез меня домой, я заметил лишь, что до сих пор не повесил трубку. Отец все это время слышал, как я кричал, матерился и рыдал.

Алан Олбрайт и Бен Охай, борец, внесенный в списки Зала борцовской славы «Би-Уай-Ю», который вместе с Аланом был одним из моих ближайших друзей, ждали нас с Ларри у меня дома. Убийство Дэйва уже стало экстренной новостью, особенно с учетом первых же сообщений о том, что в нем подозревается один из наследников Дюпона. Был включен телеканал Си-эн-эн. Я посмотрел какое-то время, а затем вышел из комнаты, чтобы поплакать. Помню, когда я в очередной раз выходил, чтобы побыть одному, со мной пошел Бен, и он тоже плакал.

Кто-то у меня в доме взял трубку, когда позвонили из

полиции Ньютаун-Сквэа. Полицейские были обеспокоены тем, что у меня могло возникнуть желание что-либо сделать с Дюпоном, и предупредили, чтобы я не приезжал в Пенсильванию. А я как раз собирался сделать это. Я хотел вышибить Дюпону мозги, но знал, что не смогу до него добраться, поскольку в поместье уже были копы.

> Застрелив Дэйва, Джон уже без Гудейла вернулся в особняк и сразу же прошел в бронированный подвал без окон, со стальными стенами, который его мать оборудовала как бомбоубежище. Джон использовал это помещение, которое вместе с кодовым замком и запорным механизмом было похоже на банковское хранилище, как библиотеку, а зачастую и как место для употребления наркотиков. В эту библиотеку Джон, как было известно, приводил наркодилера, которому он исправно платил за кокаин, а позже появлялся уже в другом состоянии, и его нос был испачкан в белом порошке.

Дюпон извлек из своего «Магнума» три стреляных гильзы, заменил их тремя новыми патронами, чтобы револьвер был полностью заряжен, и задвинул оружие повыше на полку, чтобы его не было видно. Затем он вышел из библиотеки и крикнул персоналу наверху, чтобы в дом ни в коем случае не пускали полицию. Те подтвердили это указание, думая, что он имел в виду вызов в суд, который он ожидал в связи с продолжающимися судебными слушаниями.

Полиция, не зная, где находился Дюпон, стала подъезжать к входу в поместье. В конечном итоге для осады собралось семьдесят пять полицейских из десяти департаментов и тридцать сотрудников полицейского спецназа. Местной полиции было не понаслышке известно о том, что у Дюпона был весьма обширный арсенал оружия, в том числе и достаточно мощного. Полицейские также знали, что Дюпон – отличный стрелок, поскольку он обучал стрельбе многих из них вплоть до того дня в 1992 году, когда внезапно и без видимых причин не запретил полиции появляться в своих владениях.

В поместье начали собираться также журналисты. Они задействовали свои источники информации, чтобы собрать любые детали, способные открыть правду о человеке, который был известен как своей благотворительной деятельностью, так и своими странностями и который теперь скрывался у себя дома в качестве предполагаемого убийцы.

Почему он застрелил Дэйва? Как мог Джон Дюпон кого-либо

убить?

У журналистов будет достаточно времени, чтобы задавать эти вопросы до завершения осады.

Полицейские, держась на безопасном расстоянии от строений, объехали поместье в сопровождении персонала и жителей отдаленных домов. Спустя час с небольшим полицейский, наблюдавший в бинокль за особняком, заметил там Дюпона. Джон был не один. В доме находились также две его сотрудницы, Джорджия Даскас и Барбара Линтон, и маляр, который, не привлекая к себе внимания, работал наверху. Вначале возникли опасения, что Джон удерживал Даскас и Линтон в качестве заложниц, однако они развеялись, когда полиция отметила, что те передвигаются по особняку совершенно свободно. Они не знали, что Дэйв был убит, и ничто в поведении Дюпона не говорило о том, что случилось что-то из ряда вон выходящее.

Дюпон попросил Даскас, свою секретаршу, позвонить по мобильному телефону Пэту Гудейлу. Несколько месяцев назад пожар повредил в особняке телефонную связь, и Дюпон решил, что нет необходимости ее ремонтировать. Звонить куда-либо и получать звонки можно было только по мобильному телефону.

Даскас не смогла дозвониться до Гудейла.

Тогда Джон попросил ее позвонить его адвокату Тарасу Уочоку. Он хотел, чтобы Уочок приехал к нему. Однако Уочок уже ушел с работы, и в его офисе принялись дозваниваться до него.

К тому времени, когда это удалось, сообщения об осаде особняка были в выпуске новостей всех средств массовой информации в Филадельфии. Уочок сразу же направился в поместье.

Маляр был первым из трех остававшихся, кто покинул особняк. Даскас и Линтон через некоторое время заметили около особняка полицейских с винтовками, но решили, что те приехали вручить повестку в суд. О том, что происходило на самом деле, Даскас по телефону сообщил Уочок.

Даскас еще несколько раз пыталась дозвониться до Гудейла. Когда она наконец связалась с ним, она передала Пэту, что Дюпон желает встретиться с ним. Гудейл ответил, что не может, и посоветовал Даскас, чтобы она и Линтон уходили. После этого он повесил трубку. Даскас еще раз позвонила Гудейлу, и вместо того ей ответил уже Джон Райан, полицейский, возглавлявший переговорную группу.

Линтон вышла из особняка в 5.45 вечера, и ее увезли в безопасное место.

Чуть позже Дюпон напомнил Даскас о том, что ближе к ночи,

как обычно, может ненадолго зайти Йорданов. Дюпон попросил Даскас пригласить и других борцов, проживавших в поместье.

– Собственно говоря, – добавил Дюпон со зловещей усмешкой, – пригласи и Шульца.

Даскас позвонила Райану. Она поняла, что ей уже необходимо выбираться из дома, но была вынуждена дожидаться такого момента, когда можно было бы уйти незаметно для Джона. Она хотела, чтобы полиция была готова к тому, что она сбежит при первой же возможности. Такой шанс появился, когда Джон попросил ее отнести на кухню свою кофейную чашку.

В 6.45 вечера Даскас выскользнула из особняка. Джон остался там один.

* * *

Теперь, когда в особняке был только Дюпон, полиции оставалось набраться терпения и дождаться, когда он выйдет. Большое значение для действий полиции имело наличие надежной телефонной связи с Дюпоном, поэтому в пятницу вечером для восстановления телефонной линии в техническую шахту в сопровождении полицейских направили работников телефонной компании.

Чтобы снизить для них уровень шума, а также чтобы Дюпон не смог незаметно подкрасться к рабочим и полицейским в технической шахте, выключили бойлер.

Когда истекло обычное для Йорданова время появления у Дюпона, Джон принялся по мобильному телефону названивать тому домой, оставляя для Валентина сообщения с приглашением прийти в особняк. Джон не собирался говорить с полицией, пока внезапно в особняке не зазвонил телефон – это был Гудейл.

Стоя у полицейского ограждения, Гудейл попытался убедить Дюпона сдаться и выйти из дома, однако Дюпон не проявил интереса к такому предложению. Вместо этого он попросил, чтобы к нему пришли Валентин, Уочок и Марио Залетник. Прежде чем повесить трубку, Дюпон захотел убедиться, что Гудейл понимает, с кем он разговаривает. Дюпон напомнил Гудейлу, что он, Джон, был президентом Соединенных Штатов.

Переговоры периодически продолжались в субботу, которая выдалась морозной и ветреной. Полиция уговаривала Дюпона выйти из дома, а тот взамен настаивал на своей встрече с Валентином, Уочоком и Залетником.

Один раз Дюпон заметил: «Здесь в осаде находится Его Святейшество». В другой раз он назвал свое поместье «священной

собственностью» и «Запретным городом»[34]. А еще как-то он назвал себя «президентом Советского Союза».

По мере того как проходила суббота, Дюпон втягивался во все более длительные переговоры с полицией. Некоторые звонки были продолжительностью до двенадцати минут. Однако его никак не могли уговорить выйти из дома. Он также не признавал, что на его территории велась стрельба. Вечером полиция решила, что будет лучше иметь дело с отдохнувшим Дюпоном, и перестала звонить ему, чтобы дать ему поспать.

Ранним воскресным утром еще до семи часов Дюпон позвонил по сотовому телефону домой Уочоку. Джон назвал себя Иисусом Христом и предупредил, что смерть Иисуса будет означать конец мира. После этого он попросил сигар и трубочного табака. Дюпон сказал Уочоку, что может перезвонить ему в 10.00, и отключился. Незадолго до этого времени полиция вновь стала звонить ему, однако Дюпон не отвечал на звонки, пока не настало 10.00 утра.

Полиция позволила Уочоку этим утром поговорить с Дюпоном, и их разговор был похож на предыдущие день назад: Джон не собирался выходить из дома и хотел увидеться с Валентином.

Дюпон пожаловался на то, что он мерзнет. Накануне вечером температура опустилась до двадцати градусов, и камин не давал достаточно тепла. Джон сжег в нем экземпляры своей второй книги, которую он написал и за издание которой заплатил. Книга называлась «Никогда не сдаваться».

Джон рассказал своему адвокату, что хочет пойти в техническую шахту, чтобы понять, почему не работает бойлер. Его выключили только для того, чтобы помочь отремонтировать телефонную связь, однако прекращение подачи тепла в особняк оказалось самым важным шагом в завершении осады.

Во время телефонного разговора, который состоялся во второй половине дня и оказался последним, Дюпон потребовал у полицейского переговорщика сержанта Энтони Папаро, чтобы отремонтировали бойлер. Папаро ответил, что это невозможно. Однако Дюпону уже надоело мерзнуть. Он спросил, не разрешат ли ему пройти в оранжерею, чтобы он мог попасть в техническую шахту и посмотреть, что случилось с бойлером.

Папаро не дал Дюпону оборвать разговор и постарался затянуть переговоры с ним, чтобы успели оповестить полицейское руководство и привести полицейских, находившихся вокруг особняка, в готовность к действиям. Папаро стал обговаривать детали выхода Дюпона из дома. Он взял с Джона обещание – и не один раз, – что тот не будет брать с собой оружия.

В темном тренировочном костюме болгарской команды, под который была надета фирменная голубая рубашка команды «Фокскэтчер», Дюпон вышел из дома и сделал несколько шагов по дорожке, которая вела к оранжерее.

Сотрудник полицейского спецназа, укрывшийся за деревом, подождал, чтобы Дюпон отошел достаточно далеко и не мог развернуться и побежать обратно в дом. Затем он направил на Дюпона пистолет и приказал ему остановиться и поднять руки.

Джон сделал, как ему было приказано, а потом опустил руки и побежал к дому. Полицейский вышел из-за дерева и вновь приказал Дюпону остановиться. Тот остановился лишь на секунду, а затем опять бросился к двери.

Полицейский погнался следом и схватил его. Подоспели другие сотрудники полиции и надели на Дюпона наручники.

На шее у Дюпона висел заламинированный пропуск с прошлогоднего чемпионата мира по борьбе. В карманах его тренировочных брюк находились ключи и паспорт. Как Дюпон и обещал, он вышел из дома без оружия.

Его посадили в полицейский фургон и спустя сорок восемь часов после начала осады повезли в тюрьму.

Глава 18
Моя безусловная и окончательная победа

Я взял отгул на работе в «Би-Уай-Ю» и оставался в штате Юта. Тело Дэйва было кремировано, и я приехал в Филадельфию лишь на панихиду, которая была организована 11 февраля, в воскресенье.

Панихида проводилась на спортивной арене Пенсильванского университета, которая называлась «Палестра» – по имени места в Древней Греции, где обучались вольной борьбе и легкой атлетике. На церемонии прощания присутствовали борцы и представители Федерации спортивной борьбы США, которые отменили свои поездки на соревнования в Болгарию и Турцию.

На мне была полосатая рубашка с длинными рукавами и джинсы. Другие были одеты более солидно, большинство было в костюмах, но я специально надел такую одежду, которую больше уже не носил. Я не хотел, чтобы какая-нибудь одежда напоминала мне потом о службе.

В течение девяноста минут борцы, друзья и члены семьи делились своими воспоминаниями о Дэйве.

Роджер Рейна, тренер по борьбе Пенсильванского университета, назвал Дэйва «народным героем». Роджер рассказал, как Дэйву замечательно удавалось быть одновременно суровым и нежным, ребячливым и мудрым.

Ларри Циачетано, президент Федерации спортивной борьбы США, охарактеризовал Дэйва как «Мухаммеда Али, Мэджика Джонсона, Майкла Джордана нашего вида спорта».

Ларри отметил, что большинство людей счастливы, если у них есть один или два настоящих друга, а у Дэйва их было десять тысяч.

– Он умел делать так, что каждый ощущал свою значимость, – сказал Ларри. – Когда вы были с ним, он проявлял к вам искренний интерес, ему было интересно то, чем вы занимаетесь в своей жизни, и он был всегда готов помочь вам.

Валентин также говорил на панихиде.

– Ушел навсегда мой лучший друг, – сказал он. Он назвал период своих совместных тренировок с Дэйвом лучшими шестью годами своей жизни.

На лице Валентина были видны слезы, когда он покидал сцену и шел обратно к своему месту на трибуне. Александр и Даниэль заметили, как сильно он был расстроен, прошли следом и обняли его. Эти дети – мне невозможно даже представить себе,

через что им пришлось пройти. Александру было девять лет, Даниэль – шесть. Дэйв так гордился ими! На панихиде они показали, что смогли научиться у отца пониманию того, как важно проявлять заботу о других.

В течение всей службы я плакал. Некоторые из выступавших смеялись, рассказывая о Дэйве разные истории. Я не мог смеяться.

Один раз, когда я вновь стал рыдать, ко мне подошли Александр с Даниэль, чтобы утешить меня. Все должно было быть наоборот: это мне следовало утешать их, но церемония прощания оказалась для меня слишком тяжелой.

Когда говорил мой отец, он назвал Дэйва «Иисусом в вязаной шапочке» и «Микеланджело борьбы». С того дня, как мы потеряли Дэйва, прошло две недели, и отец признался собравшимся, что он все еще не может осмыслить случившегося. «Он был нашей радостью – и так быстро покинул нас», – посетовал он.

Отец сыграл на рояле и спел песню «Мальчик у моря». Он написал ее о том, как Дэйв играл в приморском городке Хаф-Мун-Бэй недалеко от Сан-Франциско, когда был еще маленьким мальчиком.

Отец рассказал также историю, которая поразила меня.

Когда мы жили в штате Орегон и я был в пятом или шестом классе, я спросил у Дэйва, какое у него самое раннее воспоминание.

– Сначала ты расскажи мне о своем, – попросил он.

– Катание по перилам лестницы в доме у бабушки, – ответил я. – А у тебя?

– На самом деле, у меня есть воспоминание о том, что было еще до моего рождения, – сказал он.

Не поверив в то, что такое может быть, я довольно невежливо оборвал его:

– Да неужели?

Дэйв при мне больше никогда не вспоминал об этом, и вплоть до панихиды я не знал этой истории.

Отец рассказал, что когда Дэйву было четыре года и они вдвоем гуляли по лесу, держась за руки, Дэйв спросил, не хочет ли отец узнать «один очень большой секрет».

– Конечно, хочу, – ответил отец. – Что же это такое?

– А ты не будешь смеяться надо мной? – спросил Дэйв.

– Нет, не буду, – заверил его отец.

– Еще до того, как я родился, – начал Дэйв, – я стоял в облаках в окружении двенадцати человек. Самый старый из них посмотрел вниз на Землю и сказал:

– Ты отправляешься туда, чтобы пройти испытание.

Дэйв завершил свою историю и, обогнав отца, стал уходить.

Отец несколько секунд стоял, ошеломленный, а затем кинулся догонять его.

– И ты прошел испытание? – спросил он его, догнав.

– Мне предстоит его пройти, – ответил Дэйв. – Но я не собираюсь быть здесь слишком долго.

Затем Дэйв оставил отца и пошел играть.

Когда настала моя очередь говорить, я ничего не мог поделать со своим голосом, который охрип. Не помню, плакал ли я когда-нибудь до этого на людях. Но тогда я стоял, на меня были направлены телевизионные камеры – и я ревел.

Я рассказал собравшимся, что считал Дэйва своим лучшим другом, своим учителем, тренером, что он был самым честным человеком, которого я только знал. Я поделился тем, как упорно и старательно он работал, чтобы преодолеть те недостатки, которые у него были в детстве.

– Он был не по годам мудр, – сказал я. – Человека замечательнее я еще не встречал.

Я обратился ко всем с просьбой молиться за нашу семью, «пока не будет завершено дело об этом убийстве и пока в этой жизни не будет восстановлена справедливость».

Переодевшись после службы, я выбросил свою рубашку и джинсы в мусор.

* * *

Менее чем через четыре месяца после вынесения судом заключения по делу об убийстве О. Джея Симпсона[35] против Дюпона было выдвинуто девять обвинений, в том числе в убийстве первой и третьей степени[36].

Дело Симпсона, возможно, было самым резонансным в судебной системе США делом по обвинению в убийстве, однако Джон был самым богатым из обвиняемых. Сразу же стали очевидными две вещи. Первое: у защиты Дюпона не было никаких веских аргументов в его пользу, кроме его невменяемости. И второе: защита Дюпона не постоит ни за какими расходами.

Суд тянулся удручающе медленно, поскольку команда юристов Дюпона (журналисты прозвали ее «восточной командой мечты» по аналогии с «командой мечты» юристов Симпсона) прибегла к тактике затягивания процесса. Судя по всему, они делали это, чтобы выиграть время для принятия решения о том, целесообразно ли защите использовать заявление о невменяемости своего клиента.

На предварительном судебном слушании дела спустя две недели после убийства один из адвокатов Дюпона заявил, что Джон не понял своих законных прав, когда они были объяснены ему судьей.

Адвокаты организовали для Дюпона неврологические тесты, рассчитывая найти какую-либо естественную причину манеры его поведения. О проведении тестов было объявлено, однако их результаты так и не были обнародованы. Было несложно сделать соответствующее умозаключение.

Во время судебных заседаний Дюпон сидел совершенно бесстрастно, зачастую с отсутствующим видом. Он непрестанно повторял своим адвокатам, что не понимает обвинений или процессуальных норм, излагаемых судьей.

Я знаю, как тянуть время на ковре во время схватки. Но это было сущими пустяками по сравнению с тактикой стороны защиты в зале суда. Разница между нами, однако, заключалась в том, что ее за это, в отличие от меня, не наказывали. Юристы Дюпона дважды обращались в Верховный суд штата Пенсильвания, пытаясь обжаловать отказ судьи освободить Дюпона из тюрьмы для прохождения психиатрического освидетельствования в кабинете врача.

Они также пытались отменить решение судьи, не разрешившего Дюпону посетить поместье для выявления фактов, которые могли бы быть использованы для его защиты. Судья справедливо решил, что Дюпон, располагая такими финансовыми средствами, мог просто скрыться от правосудия. Тем не менее защите удалось добиться отсрочки официального предъявления Джону обвинения в суде, поскольку обе стороны принялись ожесточенно спорить о том, дееспособен ли он для того, чтобы вообще находиться под судом.

Я не разбирался в юридических тонкостях, но даже мне было понятно, что адвокаты Дюпона пытались избежать судебного преследования своего клиента или отсрочить его, чтобы подготовить обоснование невменяемости Джона. В любом случае было крайне неприятно осознавать, что богатство Джона обеспечивает ему существенные преимущества для его защиты. Чтобы держаться на должном уровне, окружному прокурору пришлось нанять двух человек, чьей задачей было поддерживать контакты со средствами массовой информации и разбираться с жалобами защиты.

Окружной прокурор принял также решение отказаться от требования смертной казни для подсудимого. Считалось, что обвинительный вердикт более вероятен, если подсудимому не грозит смертная казнь. Я был полностью согласен с этим

решением. Я желал лишь, чтобы остаток своей жизни Дюпон провел в тюрьме.

Вместе с тем я не хотел, чтобы он оказался в больнице штата, потому что там условия были бы легче, чем в тюрьме. Джон утопал в роскоши, однако для него этого было мало. Он хотел большего. Поэтому мне хотелось, чтобы остаток своей жизни он провел с минимальными удобствами. Но даже тюремное заключение Дюпона и лишение его всего, что он имел, не шло ни в какое сравнение с тем, что он отнял у нашей семьи.

* * *

Невозможно свыкнуться с мыслью о потере брата. Для меня смерть Дэйва была схожа с утратой судном якоря, после чего судно оказывается брошенным на произвол судьбы и бесцельно болтается по морю. Дэйв всегда был для меня надежным якорем.

Поскольку мы росли то у одного из родителей, то у другого, именно Дэйв был в моей жизни постоянной величиной. Он всегда был рядом, готовый помочь мне советом и успокоить меня. Мы были похожи на секту в составе двух человек: он был моим лидером, а я – его последователем.

Когда Джон убил Дэйва, он украл у меня моего брата и мое счастье.

Восемь лет мне не давала покоя мысль о завершении моей борцовской карьеры. В книге Уэйна Бомана «Борьба: на ковре и за ним» автор обсуждал, насколько важно уйти победителем. Больше всего на свете я хотел выиграть Олимпийские игры 1988 года и уйти чемпионом. Однако Дюпон отнял у меня такую возможность. Покинув поместье «Фокскэтчер», я каждый день думал о своей мечте, о Дюпоне и о том, как он поступил со мной.

Теперь, кроме этого, я каждый день думал также о том, как он поступил с моим братом.

Однажды мне позвонил мой тренер по джиу-джитсу Педро Зауэр. Он тренировал Дэйва Бенето («Опасного Дэйва») к предстоящему девятому турниру смешанных боевых единоборств «Городское сумасшествие», организуемому «Чемпионатом по боям без правил»[37] для платной трансляции на кабельном телеканале. Бенето был тяжеловесом, который занял второе место на отборочных соревнованиях канадской борцовской команды перед Олимпиадой, и Педро хотел, чтобы я поработал с ним.

Смешанные боевые единоборства – сочетание борьбы, болевых и удушающих приемов и кикбоксинга – появились в США в 1993 году, когда был создан «Чемпионат по боям без правил». В

течение короткого периода времени они стали чрезвычайно популярными. Борцы хорошо зарекомендовали себя в этих боях, поскольку здесь была востребована борцовская практика поддержания хорошей физической формы и броски, которые применяются в борьбе. В любом бою, за редким исключением, бойцы оказываются на земле. Бойцы, которые недостаточно уверенно владеют борцовской техникой захватов, находятся в невыгодном положении. Для борца не составляет труда перейти в смешанные боевые единоборства. Невозможно научить кикбоксера бороться, но вполне возможно научить борца технике кикбоксинга.

Бенето приехал в Прово, и мы тренировались с ним несколько недель. На одной из тренировок я провел сбивание, и Бенето, неудачно приземлившись на правую руку, сломал ее. Я отвез Дэйва к врачу, который предложил ему два варианта: либо сделать операцию по имплантации в кость пластины и, таким образом, сохранить возможность выступать на ринге, либо наложить на руку гипс, но в этом случае он в ближайшее время не сможет выступать и пропустит девятый турнир «Чемпионата по боям без правил».

Когда мне было тридцать пять, я отрабатывал со своим тяжеловесом в «Би-Уай-Ю», Майком Болстером, ударную технику в полный контакт. Хотя я не верил, что Дэйв решит пропустить свой бой, я все же сказал ему, что если он из-за травмы будет вынужден отказаться от встречи, вместо него могу выйти я.

Как я и ожидал, Дэйв выбрал операцию и в соответствии с планами приехал в Детройт для боя с Гари Гудриджем («Большим папашей»). Накануне турнира я тоже прилетел в Детройт, чтобы помогать Бенето в его углу.

Вечером накануне боев состоялась обычная для таких турниров пресс-конференция с участием всех бойцов, промоутеров, судей, врачей и тренеров. После ответа на вопросы журналистов Бенето попросил врача осмотреть его сломанную руку, и тот сказал ему, что он не может драться. Я разыскал промоутера и поинтересовался у него, могу ли я драться вместо Дэйва. Ему понравилась эта идея, и мы начали обговаривать финансовый аспект.

Мне предложили 25 000 долларов. Я попросил вдвое больше. Промоутер выдвинул контрпредложение: 25 000 долларов, если я проиграю, и 50 000 долларов, если выиграю. Я ответил, что приму решение на следующее утро.

Я плохо спал в ту ночь. При росте метр девяносто два и весе 111 килограммов «Большой папаша» был выше меня на 13 сантиметров и тяжелее на 18 килограммов. На предыдущем

турнире «Чемпионата по боям без правил» «Давид против Голиафа», который был организован именно в формате турнира, а не с заранее спланированными поединками, он занял второе место. В четвертьфинале он одержал победу нокаутом, а в полуфинале – техническим нокаутом.

В 6.30 утра раздался звонок от промоутеров, интересовавшихся моим ответом. Не выспавшись, я чувствовал себя весьма дерьмово и сказал им, что мне необходимо еще время. Стоило только мне заснуть, как меня разбудил очередной звонок от промоутеров. Я дал тот же ответ и вернулся спать. Они вновь перезвонили. Но решение еще не было принято. В 10.30 утра промоутеры позвонили и сказали, что либо они прямо сейчас получают от меня ответ, либо они найдут кого-то другого.

Я позвонил Педро и попросил его спуститься со мной в вестибюль отеля. Промоутеры ждали меня там, контракт лежал на столе перед ними. Я попросил подождать еще одну минуту, прошел в угол, стал на колени и обратился с просьбой к Богу подсказать мне, как мне поступить.

Я подождал так, наверное, минуты три, пока у меня не появилось совершенно очевидное чувство, что если бы Дэйв был жив, он бы посоветовал мне драться. Я встал и вернулся из своего угла. Педро и те, кто был с ним, смотрели на меня.

– Я согласен, – объявил я.

До боя оставалось восемь часов, а из одежды у меня с собой был только костюм с галстуком и шорты для тренировок.

Я прошел необходимый тест на СПИД, а затем купил капу. Бенето дал мне свою паховую раковину. Один из студентов Педро одолжил мне свои борцовки (хорошо, что у нас оказался одинаковый размер), а шорты я надел те, которые мне дали на Олимпиаде в Лос-Анджелесе.

Перечень правил для турнира «Чемпионата по боям без правил» был коротким. Бои проводились без перчаток, на восьмиугольной площадке, обнесенной сеткой. Было запрещено кусаться, выдавливать глаза, наносить удары сжатыми кулаками. Если боец предпочитал драться в обуви, а не босым, то ему запрещалось наносить удары ногами. Все остальное было разрешено. Можно было наносить удары головой, проводить прием «рыболовный крючок» (разрывать сопернику рот пальцами или руками), наносить удары в пах, тянуть за уши, душить, ломать суставы или проводить приемы для того, чтобы вывихнуть их, ломать кости, царапаться, сворачивать сопернику шею или ломать ее, а также все, что только можно было еще придумать. Бои длились двенадцать минут, при необходимости мог быть добавлен трехминутный раунд.

Политики во главе с сенатором Джоном Маккейном ожесточенно критиковали организованный турнир, добиваясь изменения правил боев или даже их запрета, поскольку в ходе их проведения проявлялось насилие и жестокость. Чтобы избежать возможной отмены турнира, его организаторы в день проведения боев объявили о запрете этим вечером наносить удары сжатыми кулаками. Когда Педро сообщил мне эту новость, она пришлась мне по душе: «Отлично! Гудридж не может дубасить меня кулаками!»

Судья, Джон Маккарти («Большой»), пришел ко мне в раздевалку где-то за полчаса до боя, чтобы поставить меня в известность о новом запрете на удары сжатыми кулаками. Он попросил меня показать ему сжатый кулак. Я сделал это. Тогда он попросил меня показать ему открытый кулак. Я раскрыл ладонь так, словно хотел нанести рубящий удар каратиста.

– Нет, открытый кулак – это вот так, – поправил меня «Большой» Джон, раскрыв передо мной кулак и отогнув большой палец.

Он предупредил, что если кто-либо из нас нарушит запрет, мы будем оштрафованы на пятьдесят долларов за каждое нарушение, и этот штраф будет взыскан, скажем так, в любом случае. Другими словами, мы могли наносить удары, как нам хотелось.

Гудридж чертовски хорошо владел ударной техникой, но не имел навыков борьбы, и я знал, что мог сбить его с ног. Я полагал, что у него не было возможности накрыть меня сверху, откуда он мог бы наносить мне удары рукой и локтем, и даже если бы ему удалось сделать это, я был уверен, что мое мастерство как борца не позволило бы ему надолго удержать это положение.

Поначалу мы оба осторожничали. Затем я провел первый прием, в результате которого где-то через тридцать секунд сбил его на ковер, бросившись ему на грудь и сделав захват его обеих ног. На Гудридже было дзюдоги, свободно сидящее кимоно для занятий такими боевыми единоборствами, как карате и дзюдо. Схватив его за дзюдоги, мне стало проще выдернуть на себя его ноги и произвести бросок, как только я смог упереться ему в грудь. Это был для меня самый простой бросок, который мне когда-либо доводилось проводить. С тех пор участники смешанных боевых единоборств перестали носить дзюдоги.

Гудридж одной рукой обхватил мою голову, а другой схватил себя за дзюдоги. Он держал мою голову так крепко, что я чуть было не потерял сознание. Я в ответ уперся подбородком ему в ребра, и теперь чем сильнее он стискивал меня, тем глубже мой

подбородок вдавливался в его ребра.

Я начал чувствовать легкое головокружение. Понимая, что скоро в результате его захвата я могу потерять сознание, я заставил его ослабить хватку, добравшись левой рукой ему до горла и сдавив его большим пальцем. Я мог серьезно покалечить его и, возможно, даже убить, если бы я приложил все свои силы и сломал ему трахею. После того как Гудридж отпустил меня, я несколько раз ударил его по голове.

В ходе боев без правил судья может остановить схватку, если соперники бездействуют, и возобновить ее после того, как те поднимутся на ноги. После того как я освободился и мы некоторое время продолжали удерживать друг друга в захвате, «Большой» Джон решил вмешаться и велел нам подняться.

Я снова сбил Гари на ковер и нанес ему несколько сильных ударов кулаком, что привело к рассечению около его правого глаза. Судья остановил нас, чтобы проверить это рассечение, после чего вновь поднял нас на ноги и возобновил бой. Я опять свалил Гудриджа, уселся на него и несколько раз ударил его по лицу, целясь в рассечение около глаза.

Я находился в таком положении около десяти секунд, прежде чем начать драться, и смотрел Гари в глаза. Полагаю, мы оба знали, что все закончено. Я мог бы нанести ему несколько ударов локтем или провел бы болевой захват руки, однако я знал, что у него есть дети.

«Так ли уж это нужно?» – спросил я себя.

Основное время боя истекло.

Не знаю, врач ли остановил бой в связи с рассечением у Гудриджа или Гари сам прекратил схватку, но на дополнительный раунд он не вышел.

Я был рад, что бой закончился. Я тренировался, но не ради участия в турнире, и мои приемы были далеки от совершенства.

Тот вечер явился для меня моментом духовного прозрения. Не случайно Дэйв Бенето получил травму. Не случайно я поехал в Детройт. Не случайно врач запретил Бенето драться.

После того вечера я больше не дрался. Вскоре после боя у меня обнаружили грыжу позвоночника. Я целую неделю не мог ходить и был вынужден лечь в больницу. Моя спортивная карьера на этом завершилась, и я ушел из «Чемпионата по боям без правил» с показателем 1:0.

Эта единственная победа стерла восемь лет боли и предотвратила еще неизвестно сколько лет душевных страданий. После Олимпиады 1988 года я чувствовал себя проигравшим, но в тот вечер в Детройте все изменилось. Я ушел победителем. У меня было такое чувство, словно я громко и отчетливо сообщил

Джону Дюпону, что он проиграл в своем стремлении сделать меня таким же несчастным и обделенным, как он сам. Я выиграл, а он остался проигравшим.

По существу, я вновь стал победителем, как только я вошел в этот восьмиугольник. Я доказал, что могу войти в эту клетку и драться там в принципе без правил. Я дрался с крутым чуваком, который был крупнее меня, и значительно, и являлся признанным бойцом.

Всю свою жизнь я стремился к тому, чтобы стать мастером боевых единоборств. Думаю, что все эти годы борьба как раз и была для меня боевым единоборством. В свое время джиу-джитсу открыло мне глаза и показало, что я ограничил себя рамками Национальной ассоциации студенческого спорта и Международной федерации объединенных стилей борьбы. Их правила заставляли меня уделять основное внимание поддержанию хорошей физической формы и изучению того, как обеспечить позиционное превосходство над соперниками. Джиу-джитсу научило меня новой технике. И когда мне пришлось выступать в смешанных боевых единоборствах, где правила были другими, я смог продемонстрировать, какие навыки я приобрел и кем я стал.

После Олимпиады в Сеуле прошло уже восемь лет, но я был уверен, что получил подтверждение со стороны самого жестокого единоборства, какое только существует: я был способен заставить людей признать мое превосходство.

16 мая 1996 года ко мне вернулось чувство счастья.

Оставалось только, чтобы восторжествовала справедливость.

* * *

Первые слова Дюпона после совершенного им убийства, которые стали всеобщим достоянием, были произнесены им через две недели после девятого турнира «Чемпионата по боям без правил», на отложенном официальном предъявлении ему обвинения в суде.

С совершенно седой, неопрятной бородой (я подозревал, что он пытался таким образом *выглядеть* сумасшедшим) Дюпон вновь заявил, что он не понимает тех обвинений, которые выдвинуты против него.

Его адвокат спросил у Джона, кто он. И тот ответил суду:

– Далай-лама.

Это было спустя чуть более четырех месяцев после смерти Дэйва, и в конечном итоге со стороны защиты Дюпона было

сделано заявление о невиновности обвиняемого. Создалось впечатление, что дело вернулось к исходной точке. Для стороны защиты настало время принимать решение о том, целесообразно ли прибегать к версии о невменяемости.

31 августа в Атланте состоялась церемония вручения борцам олимпийских медалей. У команды США не было медали в весовой категории Дэйва. В тот день я просто не мог не думать о мечте Дэйва завоевать эту медаль после своего возвращения в спорт. Он бы завоевал ее. Вне всякого сомнения.

Спустя три недели после Олимпиады версия государственного обвинения против Дюпона получила весьма странный поворот. Судья, который вел это дело с самого начала, находясь под давлением со стороны врачей обеих сторон и двух адвокатов Дюпона, принял решение о возможной недееспособности Дюпона и направил его в больницу штата на обследование. Через два месяца врачи должны были сообщить, может ли он предстать перед судом.

Прокуроры утверждали, что Дюпон притворяется недееспособным для того, чтобы обеспечить отсрочку судебного процесса. Я был согласен с этим. У Дюпона был слишком богатый опыт интриг и манипулирования окружающими.

Решение о возможной недееспособности Джона касалось лишь тактики защиты его адвокатов, но отнюдь не его психического состояния в целом. Джон, находясь в тюрьме, продолжал управлять своим поместьем. В частности, он одобрил закупку грузовика для своего хозяйства.

Поместье было обнесено забором с колючей проволокой, была также установлена табличка: «Тюремное поместье Фокскэтчер». На мой взгляд, это было отчаянной попыткой со стороны Джона превратить свое поместье в тюрьму, куда он мог бы переехать, чтобы в комфорте дожить остаток своей жизни.

Наряду с этим весьма интересен тот факт, что родственники Дюпона подали гражданский иск с просьбой признать Дюпона психически недееспособным, чтобы семья могла получить опеку над Дюпоном и обеспечить себе контроль над его поместьем. На одном судебном процессе адвокаты Джона утверждали, что с учетом его психического состояния они не могли рассчитывать на его помощь. Однако если бы иск семьи не был отложен, на другом судебном процессе его адвокаты были бы вынуждены утверждать, что он все еще способен управлять своим имуществом и финансами. Иск был отложен.

В конце концов в декабре судья постановил, что Дюпон дееспособен, чтобы предстать перед судом в январе. Основной адвокат Дюпона, Томас Бергстром, заявил судье, что он намерен

добиваться признания своего клиента невиновным по причине его невменяемости.

Это заявление было решающим, поскольку, согласно исследованию, проведенному в то время журналистами, аргумент о невменяемости обвиняемого фигурировал менее чем в одном проценте уголовных дел. И только в четверти случаях такая тактика имела успех.

Однако с учетом двух свидетелей убийства у стороны защиты, по существу, просто не было другого выбора.

Жюри присяжных, которое должно было принять решение по этому делу, было выбрано на предпоследней неделе января. Из семидесяти пяти кандидатов в присяжные заседатели были выбраны шесть мужчин и шесть женщин преимущественно среднего возраста. С учетом того, что суд, как ожидалось, продлится четыре недели, были выбраны также шесть заместителей для них.

Вопрос о признании подсудимого невменяемым сводился для присяжных заседателей к принятию решения: когда Джон стрелял в Дэйва, осознавал ли он, что его действия противоречили закону?

Глава 19
Правосудие

В понедельник 27 января 1997 года в зале заседаний суда округа Делавэр под председательством судьи Патрисии Дженкинс начались прения сторон. Я не присутствовал на суде. Последние новости о нем я постоянно узнавал от своих родителей, друзей, таких как Дэн Чэйд, и из средств массовой информации, освещавших этот процесс в Интернете.

В ходе предварительных судебных заседаний прокуратура попросила меня дать свидетельские показания о том, что Джон принимал кокаин. Сначала мне не хотелось делать этого. Были и другие борцы, которые видели, как Джон пользовался кокаином. Я же последнее время жил в штате Юта и с 1989 года не видел его под кайфом от «кокса». Кроме того, меня беспокоило то, что признание в употреблении «кокса» может стоить мне работы в «Би-Уай-Ю». Мне также не нравилось то, что тем самым я могу оказать услугу юристам Дюпона, которые получат возможность обосновать его действия чем-то вроде ограниченной дееспособностью.

Я нанял адвоката, который переговорил с прокурорами и сообщил им, что я не хочу давать свидетельских показаний.

Однако вероятность того, что сторона защиты заявит о невменяемости клиента, изменила ситуацию. Свидетельство об употреблении Дюпоном кокаина стало необходимым, чтобы опровергнуть это утверждение.

Я прилетел в Филадельфию и сообщил прокурорам, что мне было известно об употреблении Дюпоном наркотиков и о том, что в 1989 году Джон несколько раз принимал «кокс». Когда меня спросили, готов ли я свидетельствовать об этом, я ответил согласием, отдавая себе отчет в том, что это может сломать мою карьеру. Но по ряду причин судья не позволила мне выступить со свидетельскими показаниями, и в течение всего судебного разбирательства я оставался в штате Юта.

В первый день суда на Джоне был надет спортивный костюм команды «Фокскэтчер»: сине-желтая куртка и синие брюки. Он был одет в это же самое на протяжении всего судебного процесса. Прекрасно зная о его наплевательском отношении к гигиене, я был готов поспорить, что Джон наверняка каждый день надевал *именно этот* костюм.

Первой давала показания жена Дэйва. Она подробно рассказала о том, как была свидетелем убийства. В ходе

перекрестного допроса защита обратила внимание на ее фразу, которую она произнесла, позвонив в службу спасения «911». Нэнси заявила, что Джон открыл стрельбу, и когда оператор службы спасения спросил, почему Дюпон стрелял в Дэйва, она ответила: «Он невменяем».

Обвинению не составляло труда возразить, что заявление Нэнси вовсе не являлось медицинским заключением. Но уже тогда возникло впечатление, что сторона защиты вынуждена использовать в своих интересах малейшую возможность.

Из всех свидетелей обвинения защита, судя по всему, наиболее тщательно изучила Пэта Гудейла. Он был единственным человеком, который слышал, как Джон спросил Дэйва: «У тебя возникли проблемы со мной?» – до того, как сделать первый выстрел. Это была важная фраза, которая свидетельствовала о наличии умысла, поэтому сторона защиты делала все возможное, чтобы только подорвать доверие к Гудейлу.

Джозеф МакГеттиган, второй прокурор, который вместе с прокурором Деннисом МакЭндрюсом представлял сторону обвинения, попросил Гудейла подробно изложить все события в течение проведенного им вместе с Дюпоном времени до начала стрельбы, около тридцати пяти минут. Тем самым он хотел установить, что Дюпон, как обычно, занимался повседневными делами вплоть до того момента, пока не выставил пистолет в окно автомобиля.

Гудейл раньше работал в охранной фирме, к услугам которой Дюпон обращался. Он начал работать у Дюпона за несколько недель до убийства в связи с тем, что Джону захотелось установить на своем танке 12,7-миллиметровый пулемет. Бергстром попытался представить дело так, будто бы Гудейл и фирма, в которой он раньше работал, решили воспользоваться богатством Дюпона, чтобы ввести его в ненужные расходы и излишние траты. Ну конечно, ведь каждый старался воспользоваться богатством Дюпона. Даже борцы. Подозреваю, что среди прочих причин Джона привлекало в борцах то, что, даже с учетом нашего стремления выжить в финансовом отношении, в отличие от большинства тех, кто окружал его, наш основной интерес заключался в каких-то истинных ценностях, которые не носили материального характера.

Поскольку защита пыталась доказать невменяемость клиента, список свидетелей включал целую вереницу психиатров, четверо из которых свидетельствовали в интересах стороны защиты и двое – в интересах стороны обвинения. Первые дали показания о том, что Дюпон страдал параноидальной шизофренией.

Показания свидетелей завершились через тринадцать дней, в

четверг, 13 февраля. После длинных выходных во вторник обе стороны выступили с заключительным словом, и судьба Дюпона была передана в руки присяжных заседателей.

Как я мог понять, обвинение достаточно четко изложило свою позицию. Защита, похоже, смогла набрать очки в вопросе об употреблении Дюпоном кокаина. Анализ волос, ради которого Дюпон вновь отрастил их, подтвердил вероятность того, что Джон не употреблял кокаин последние пятнадцать месяцев.

Если бы обвинение доказало, что Дюпон употреблял кокаин, это помогло бы ему дать другое объяснение поведению Джона, кроме его невменяемости. Были достаточно свидетелей, чтобы доказать привычку Дюпона к кокаину, но сторона защиты смогла нейтрализовать попытки прокуроров увязать употребление Джоном кокаина до конца января 1996 года с тем, что наркотики могли явиться определяющим фактором в совершении убийства.

Присяжные заседатели, которые до этого момента не уходили из зала заседаний, удалились на совещание.

Как и в любом громком деле, те вопросы, которые судья поставила перед присяжными заседателями, вызвали в прессе волну домыслов о том, к какому решению склонится жюри. Присяжные совещались семь дней. Для моих родителей это были семь долгих, напряженных дней, наполненных ожиданием и вопросами о том, что сейчас обсуждают присяжные заседатели, молитвами о том, чтобы справедливость восторжествовала, и надеждами, что богатство Дюпона не позволит ему в очередной раз откупиться и что убийца Дэйва сполна понесет то, что он заслужил.

Мои родители были там в течение всего процесса, но последняя неделя была для них обоих особенно мучительна. Мне также тяжело дались эти дни ожидания в штате Юта. У меня, правда, было то преимущество, что я должен был, так сказать, «отвлекаться» на работу, на повседневные заботы, на тренировки своей команды. Вместе с тем я был готов к тому, что в любой момент меня могут позвать, чтобы сообщить о том, что оглашается вердикт. Но я, по крайней мере, был чем-то постоянно занят. Я не могу себе представить, что пришлось пережить моим родителям, когда они были вынуждены там просто сидеть и ждать.

Во второй половине дня двадцать пятого числа, во вторник, жюри уведомило судью о том, что оно вынесло свой вердикт. Зал суда был заполнен, но когда вердикт зачитывали, стояла полная тишина. Приговор гласил: жюри установило, что Джон Дюпон был виновен в убийстве третьей степени, но при этом психически больным. Он был также признан виновным, но психически

больным по меньшему по тяжести обвинению в нападении без отягчающих обстоятельств, когда направлял оружие на Пэта Гудейла. Решением жюри Дюпон был признан невиновным по тому же обвинению, когда он направлял оружие на жену Дэйва.

Формулировка «третьей степени» означала признание присяжных, что Дюпон не собирался убивать Дэйва. Формулировка «но психически больной» означала, что присяжные поверили показанию психиатров стороны защиты, которые определили у Дюпона параноидальную шизофрению. Приговор обеспечивал Дюпону возможность пройти в больнице штата курс лечения от психического заболевания до того, как сесть в тюрьму, чтобы отбывать оставшийся по приговору срок.

Срок приговора мог быть от пяти до сорока лет.

Услышав вердикт, я испытал смешанные чувства. Попытка защиты доказать невменяемость Дюпона не удалась, так что с точки зрения закона он нес ответственность за убийство. Каждый раз, когда он нажимал на курок, он знал, что он делал. Он знал, что убивал Дэйва. Но в то же время признание его душевнобольным обеспечивало Дюпону некоторое снисхождение. Я желал бы видеть Дюпона в тюрьме, а не в больнице штата. Я не хотел, чтобы отныне он мог насладиться хоть единым мигом свободы.

Я задался вопросом: возможно, присяжные решили выбрать нечто усредненное между убийством первой степени, невменяемостью и непредумышленным убийством. Основным результатом их решения было то, что теперь настала очередь судьи определять степень наказания.

Приговор был вынесен через два с половиной месяца, 13 мая. В этот день я был в зале суда, чтобы выступить с заявлением потерпевшего[38].

Я не узнал Джона в этом пожилом человеке. Длинные, сальные волосы и спутанная борода, которые были у него во время судебного процесса, исчезли. Теперь его волосы были обычной длины, борода была аккуратно подстрижена. Его зубы были также приведены в порядок. Я слышал, как его адвокат утверждал, что работа стоматолога обошлась Джону в девять тысяч долларов. Но его очевидная игра в «Я невменяем!» продолжалась.

Один раз мы с Джоном встретились взглядами. Он сидел, откинув голову назад и уставив на меня свой огромный крючковатый нос. Его рот был открыт, как у рыбы, выброшенной на берег, и он так и держал его открытым почти все время при вынесении приговора.

Когда настала моя очередь обратиться к суду, я поделился

тем, что видел, как Дюпон употреблял кокаин, и сказал, что не верю, будто бы он невменяем. Однако в основном я говорил о брате, о том, каким он был замечательным человеком.

Было не просто сидеть там и рассказывать о Дэйве в такой обстановке. Вообще-то я не плакса. На людях я плакал только два раза: на панихиде и в тот день в зале суда. И все же я не пытался сдержать слез. Я знал, что чем больше эмоций я проявлю, тем суровей может оказаться наказание для Дюпона. Мне не пришлось притворяться или утрировать свои душевные переживания, они были подлинными и глубокими. Мне просто хотелось выплеснуть наружу то, что я чувствовал в себе.

Прежде чем объявили приговор, слово дали Дюпону. Он сказал, что когда он убил Дэйва, он был болен. Он также извинился за неудобства, доставленные жене и детям Дэйва. *Неудобства?* Он не пытался извиниться передо мной или нашими с Дэйвом родителями. Но это было только к лучшему, поскольку я не поверил ни единому его слову.

Он знал, что, возможно, остаток своей жизни он проведет в тюрьме. Его деньги обеспечили ему выдающуюся команду адвокатов (Томас Бергстром, вероятно, добился для своего клиента такого мягкого вердикта, на который вряд ли могли рассчитывать большинство адвокатов), но его деньги не пошли ему на пользу. Отсутствие спортивных способностей явилось причиной того, что он не смог осуществить свою спортивную мечту. Теперь остаток своей жизни ему оставалось провести, лишь сожалея о содеянном и возлагая вину за это на кого угодно, только не на самого себя. Хотя повинен в случившемся был только он сам, жадный интриган, способный на все, чтобы получить желаемое.

Судья Дженкинс приговорила Дюпона за убийство Дэйва к тюремному заключению на срок от тринадцати до тридцати лет и за нападение без отягчающих обстоятельств на срок от трех до шести месяцев. Джону в то время было пятьдесят восемь лет.

* * *

После вынесения приговора я вернулся в «Би-Уай-Ю». Прово был для меня хорошим местом. Моя личная жизнь никогда не была такой стабильной, какой она стала после переезда в Прово и присоединения к Церкви Иисуса Христа святых последних дней.

Город и университет были ухоженными, чистыми, а присоединение к Церкви заставило меня также привести в порядок свои поступки и свою жизнь. В университете я получил

степень магистра в области физической культуры со средним академическим баллом 3,7.

В «Би-Уай-Ю» у нас было хорошее здание для борцовского центра. Когда в 1994 году я стал главным тренером, стало известно, что центр находится под угрозой закрытия университетом. В 1995 году на должность спортивного директора университета был назначен Рондо Фелберг. Рондо занимался борьбой в «Би-Уай-Ю» в конце 60-х и начале 70-х годов. Рондо был трехкратным чемпионом ассоциации университетов, становился чемпионом Панамериканских игр, был внесен в список Зала спортивной славы «Би-Уай-Ю». Рондо поддержал наш борцовский центр.

Наша команда каждый сезон выступала все лучше. Мы также заботились об учебных показателях: три раза у нашей команды был самый высокий средний балл среди всех борцовских команд страны, еще три раза мы были на втором месте. Мне просто повезло, что в то время я оказался там. У нас в борцовском центре были очень хорошие парни.

Однако изменения в университетском руководстве во время пребывания Рондо в должности спортивного директора в конечном счете привели к закрытию нашего центра. В 1999 году университет объявил о планах поэтапного свертывания в течение следующего учебного года борцовской и гимнастической программ. В качестве причины приводилась необходимость соответствия требованиям Статьи IX Поправок к Закону об образовании, однако суть заключалась в отсутствии прибыли, потому что борьба всегда была неприбыльным видом спорта.

В это же время у меня проходила весьма трудная процедура развода. Этот был длительный процесс, необходимость присутствовать на судебных заседаниях не позволяла мне выезжать из штата Юта, пока не были решены все необходимые вопросы. Это мешало мне получить работу тренера по борьбе в других штатах, хотя количество имевшихся рабочих мест продолжало сокращаться.

В результате развода я потерял своих детей, свои накопления и дом, который я построил собственными руками. К тому времени у меня не было возможности успешно пройти собеседование и устроиться на работу ни в одном из университетов.

Потеря работы и развод серьезно выбили меня из колеи, но я оправился от этого удара, поскольку смог доказать самому себе, что вполне могу преодолеть все невзгоды. Ведь я был бойцом.

Команда «Фокскэтчер» пришла в упадок еще до убийства Дэйва и осуждения Дюпона. Мне неизвестны точные цифры, но в

самый успешный период по всей стране можно было насчитать несколько десятков борцов, представлявших эту команду. На момент убийства, я полагаю, в ее составе было около пятнадцати борцов, и, насколько мне известно, в настоящее время лишь четверо по-прежнему живут и тренируются на территории поместья.

Большинство остальных членов команды «Фокскэтчер» разожгли костер и сожгли свою форму после ареста Дюпона.

На состоявшихся в США отборочных соревнованиях к Олимпийским играм 1996 года, которые были проведены в июне, то есть менее чем через пять месяцев после смерти Дэйва, несколько борцов все еще финансировались Дюпоном и носили форму команды «Фокскэтчер», оскорбляя тем самым тех членов команды, который покинули ее в знак протеста против совершенного убийства.

– Вышвырните оттуда этого парня из «Фокскэтчер»! – крикнул Дэн Чэйд во время одной из борцовских схваток.

Тренер Дэн Гейбл заявил журналистам, что он рекомендовал борцам отказаться от этой формы. Один из борцов команды «Фокскэтчер» заявил, что он надел фирменное трико, чтобы почтить память Дэйва, и сменил его после первого периода.

Брайан Дольф, который был в команде «Фокскэтчер» вместе с Дэйвом, сделал себе на запястье одной из рук татуировку инициалов Дэйва, и всякий раз, когда он поднимал эту руку в знак победы, были видны эти инициалы. Другие бывшие члены команды боролись в трико с черными пятнами.

Федерация спортивной борьбы США выделила гранты для оказания временной помощи тем борцам, которые финансировались Дюпоном. Вдова Дэйва создала борцовский клуб имени Дэйва Шульца, основной задачей которого являлась помощь бывшим борцам команды «Фокскэтчер» в продолжении участия в соревнованиях. Такая помощь была оказана, среди прочих, и чемпиону Олимпийских игр 1996 года Курту Энглу.

В 1999 году Нэнси выиграла у Дюпона судебный процесс о смерти в результате противоправных действий. Сумма, выплаченная в соответствии с судебным решением, не была разглашена, но в прессе сообщалось, что она была самой крупной, которая когда-либо выплачивалась одним человеком в истории США. Борцовский клуб имени Дэйва Шульца просуществовал до 2005 года.

В борцовском мире предпринимались также и другие шаги, чтобы почтить память Дэйва и признать его вклад в спорт.

Национальный зал борцовской славы учредил национальную премию «За заслуги» имени Дэйва Шульца, которая ежегодно

вручается талантливому борцу старшего класса средней школы. Именем Дэйва была также названа Премия самых талантливых борцов, которая ежегодно присуждается на чемпионатах средних школ штата Калифорния. Лауреат этой премии получает памятный подарок с изображением Дэйва, выгравированным на стекле.

Федерация спортивной борьбы США стала ежегодно проводить в Олимпийском тренировочном центре в Колорадо-Спрингс международный турнир – «Мемориал Дэйва Шульца». Этот турнир и в настоящее время широко известен среди ведущих борцов вольного стиля и греко-римской борьбы международного уровня.

В 1997 году Дэйв был введен в Национальный зал борцовской славы в Стиллуотере, штат Оклахома, – честь, которой я сам был удостоен двумя годами ранее. В 2010 году я, взволнованный, стоял рядом с Александром и Даниэль на церемонии введения нас с Дэйвом в Зал спортивной славы в Сан-Хосе, штат Калифорния. Мы были введены туда в качестве лучших борцов-братьев в истории Соединенных Штатов.

* * *

Дюпон впервые подал прошение о досрочном освобождении в декабре 2009 года. После вынесения приговора он три месяца проходил курс лечения в больнице штата, затем был переведен в тюрьму штата для дальнейшего отбытия срока своего наказания.

Я как-то позвонил в его тюрьму, чтобы узнать, каковы условия его содержания. Мне сказали, что он вместе с другим заключенным находился в камере размером 2,5 на 3 метра. Его камера располагалась в специальном крыле, где на одной стороне содержались пожилые заключенные, а на другой – педофилы. Эти две группы заключенных чаще всего подвергались насилию со стороны других зэков, поэтому их держали в более безопасном месте. Каким же идиотом надо было быть, чтобы обменять десятки миллионов долларов на такое существование!

В ходе судебного разбирательства я не был согласен с утверждением, что Дюпон являлся параноидальным шизофреником. Мне также не понравилось то, что прокуроры согласились с этим диагнозом. Я был уверен в том, что Дюпон был порочным, себялюбивым наркоманом. Но теперь я был готов согласиться с тем, что Джон был психически болен. Он не был невменяемым, как утверждали его адвокаты, однако, должен признать, он действительно был болен.

Когда Джон получил право на досрочное освобождение, я написал письмо в комиссию по досрочному освобождению с просьбой отказать ему в таком прошении. Я не считал, что его могли выпустить, но, учитывая, что можно было бы провернуть с его деньгами, никогда нельзя было быть слишком уверенным в чем-либо, что касалось Джона.

Ранее он нанял частного детектива, который пришел ко мне домой в штате Юта и спросил, готов ли я помочь Джону выйти из тюрьмы. Я поставил видеокамеру на запись, открыл дверь и спросил детектива, чего он хочет. Когда он задал мне свой вопрос, я закрыл дверь и отправил видеозапись в прокуратуру округа Делавэр.

Дюпону было отказано в досрочном освобождении.

9 декабря 2010 года, в четверг, я получил известие, что Джон скончался. Он был обнаружен недвижимым в своей камере рано утром. У него была тяжелая форма эмфиземы[39] и хроническая обструктивная пневмония.

Когда Джон умер, ему было семьдесят два года.

Согласно завещанию Дюпона его похоронили в красном борцовском трико команды «Фокскэтчер». Он завещал восемьдесят процентов своего состояния Валентину Йорданову и членам семьи Валентина.

Смерть Дюпона была для меня совершенно незначительным событием. Думаю, об этом лучше всего выразился мой отец, когда он сказал журналисту относительно Джона, что тот умер в день убийства Дэйва.

Со смертью Джона я осознал лишь то, что теперь об одной вещи можно было не беспокоиться. Я опасался, что если бы он когда-либо вышел из тюрьмы, он мог заказать убийство кого-нибудь из нашей семьи.

Если не считать этой мысли, я совершенно не думал о Джоне.

Он сломал спортивную карьеру моего брата и мою карьеру, но я смог в 1996 году одержать над Джоном безусловную и окончательную победу, выиграв в «Чемпионате по боям без правил».

Дюпон недооценил меня как бойца. Он никогда не воздавал мне должное в полной мере. Он не осознавал, кем я был на самом деле. Он не понимал, что я непобедим. А теперь Джон был мертв. Он был частью моего прошлого, к которой я утратил интерес и которая для меня теперь также была мертва.

И все же иногда, когда я думаю о своем брате, вспоминая счастливое время, которое мы прожили вместе, и невзгоды, с которыми мы боролись и которые преодолевали, как вместе, так и каждый из нас самостоятельно, когда я сожалею, что Дэйва уже

нет и он не может испытать чувство гордости за меня, я ловлю себя на мысли о том, что я вспоминаю и его убийцу.

И мне становится жаль, что Джон Дюпон вообще жил на этом свете.

Я скучаю по тебе, Дэйв.

Эпилог

Не знаю, как много людей будет знакомиться с историей моей жизни, изложенной в фильме «Охотник на лис», или же читать о ней в этой книге. Мне остается надеяться, что речь будет идти о миллионах.

А ведь все началось с желания моих детей узнать о жизни своего отца.

Я начал писать историю своей жизни после проведенного мной поединка на турнире «Чемпионата по боям без правил», когда из-за проблем со спиной я знал, что моя спортивная карьера завершена. Мои дети родились после того, как я закончил заниматься борьбой, и в связи с тем, что после моего развода мы жили порознь, я знал, что у меня не будет возможности, как мне бы хотелось, сидеть рядом с ними и рассказывать о карьере их отца. Поэтому я стал писать.

История моей жизни уместилась на шестидесяти страницах с одинарным интервалом между строками. Я не стал много рассказывать об убийстве Дэйва. В то время воспоминания об этом были слишком свежи и суд еще не состоялся. Однако я подробно описал о том, как мы с Дэйвом росли и о наших борцовских достижениях.

Завершив работу, я просто ради шутки послал ее по электронной почте нескольким приятелям. Одним из них был Бен Охай, мой друг из «Би-Уай-Ю», один из тех парней, на которого всегда можно положиться и который, наряду с Аланом Олбрайтом и Ларри Наджентом, дал мне утешение в первые дни после смерти Дэйва. Бен сказал мне, что прочитал мою работу одним залпом. Джаред Коулман, один из моих знакомых борцов в «Би-Уай-Ю», показал рукопись своему брату Майку. Я познакомился с Майком, и он сказал мне, что, имея некоторые связи, он мог бы, как он полагает, сделать из моего произведения фильм.

Честно говоря, я не был удивлен. Когда я описывал историю своей жизни, я, конечно, не рассчитывал на то, что это станет фильмом, но, вспоминая свое детство, я задавался вопросом, как могли бы смотреться различные эпизоды моей жизни, если они были показаны на экране. То есть уже тогда я пытался оценить свою жизнь с точки зрения ее показа на экране. Хотя именно Майк был тем, кому принадлежала идея превращения моей рукописи в фильм.

Майк весьма увлекся этой идеей. Он встретился с кинопродюсером Томом Хеллером (который, в частности, был продюсером фильма «Сокровище»), и Том предложил этот проект

паре киностудий, которые отклонили его.

Где-то в 2002 или 2003 году Том был на автограф-сессии на презентации новой книги, на которой присутствовал Беннетт Миллер. Беннетт являлся режиссером и продюсером документального фильма «Круиз», ряда рекламных роликов и музыкальных клипов. Том положил мою рукопись перед Беннеттом и сказал ему: «Это фильм, который ты должен сделать». Беннетт ответил, что он сейчас слишком занят рекламными роликами, и отодвинул рукопись в сторону.

После автограф-сессии Беннетт взял рукопись с собой. Позже он сказал мне, что, прочтя первый абзац, он понял, что Том был прав: мое произведение действительно было тем фильмом, который он должен был сделать.

За последнее десятилетие я узнал, что дела в Голливуде делаются очень, очень медленно. Но когда Том положил мою рукопись перед Беннеттом, процесс воплощения истории моей жизни в фильм пошел.

Беннетт был режиссером игрового фильма «Капоте», который вышел на экран в 2005 году. Фильм получил пять номинаций на соискание премии Американской киноакадемии, в том числе Беннетт был номинирован как лучший режиссер, а Дэн Футтерман получил номинацию за лучший адаптированный сценарий. Хороший друг Беннетта, Филип Сеймур Хоффман, получил премию за лучшую мужскую роль, роль Трумена Капоте.

Беннетт уже работал над своим следующим фильмом – «Человек, который изменил все». Завершив его съемки, он обратился к фильму «Охотник на лис».

Я прилетел в Голливуд для встречи с Беннеттом и Дэном в студии звукозаписи «Studio B». Дэн спросил, почему они должны снимать обо мне фильм. Убийство Дэйва было лишь небольшой частью моей рукописи, поэтому я рассказал о том, что мой брат был застрелен самым богатым в истории США убийцей, о том общественном резонансе, который получили и убийство, и судебный процесс в связи с финансовым положением Джона, а также о том, каким образом я так близко познакомился с Дюпоном. Как только они услышали все это, они принялись за сценарий.

Мы с Беннеттом постоянно поддерживали связь через электронную почту и по телефону. Беннетт задавал мне множество конкретных вопросов по поводу написанного мной. Похоже, чем больше он узнавал от меня, тем больше возрастал его интерес к этому проекту. В сентябре 2011 года он пригласил меня на премьеру фильма «Человек, который изменил все», на которой я встретился с Филипом Сеймуром Хоффманом и Брэдом

Питтом.

«Человек, который изменил все» был замечательным фильмом. Когда он закончился, я аплодировал, наверное, громче всех, потому что знал, что означает для будущего фильма «Охотник на лис» такой громкий успех этой премьеры.

На последующем банкете у меня была замечательная возможность пообщаться с голливудскими знаменитостями. Для Беннетта и его друзей была организована большая зона отдыха с огромным П-образным диваном. Всем известным актерам были также предоставлены свои зоны отдыха.

После выхода на экран фильма «Человек, который изменил все» я осознал, что фильм «Охотник на лис» действительно может начать идти в кинотеатрах. Отзывы о фильме «Человек, который изменил все» были очень хорошими, и я понял, что Беннетт, создав такой шедевр, стал знаменитостью первой величины. Его фильм был номинирован на шесть премий Американской киноакадемии. Беннетта обидели, дав премию за лучшую режиссуру Мишелю Хазанавичусу (фильм «Артист»), но та репутация, которую он приобрел как режиссер фильмов «Капоте» и «Человек, который изменил все», обеспечила ему славу выдающегося режиссера.

* * *

Беннетта как-то спросили, трудно ли было подобрать актера на мою роль. Он ответил:

– Я не мог найти никого, кто сыграл бы Марка Шульца. И когда я нашел Ченнинга Татума, я понял, что фильм получится.

Когда я узнал, что меня будет играть Ченнинг, я в восторге закричал: «Да!» Он сыграл во многих фильмах и готовился сниматься в фильме «Штурм Белого дома». Его послужной список был впечатляющим, и будем откровенны: кто не хотел бы, чтобы его сыграл тот, кто так замечательно смотрится?

До начала съемок «Охотника на лис» Ченнинг был назван журналом «Пипл» «самым сексуальным мужчиной из ныне живущих». Я был бы весьма рад утверждать, что мы совершенно похожи. Мне, однако, придется довольствоваться признанием, что между нами было некоторое сходство, когда я был помоложе. На время съемок Ченнингу сделали зубные протезы, чтобы челюсть у него выступала так же, как у меня. Ему также изготовили протез носа, поскольку из-за занятий борьбой мой нос был шире и не таким прямым: его сломали. Кроме того, Ченнинг был вынужден смириться с тем, что его ушам придали уродливую форму

цветной капусты. Только после этого он стал похож на настоящего борца.

Ченнинг – один из самых уникальных, талантливых и неординарных людей, которых я только знал в своей жизни. Я впервые встретился с ним в Нью-Йорке. Он попросил меня прилететь туда на встречу с ним, и мы вместе поужинали: я, Ченнинг, Беннетт и Марк Руффало, который играл Дэйва. Ченнинг вел себя достаточно скромно. Я бы сказал, что он тщательно изучал мои привычки, особенности и манеры. Марк сказал мне, что он занимался борьбой в средних и старших классах средней школы, поэтому за ужином мы много говорили о борьбе.

Ченнинг пригласил меня на три дня в Монреаль, где он снимался в фильме «Штурм Белого дома». Мне там довелось встретиться с Джеймсом Вудсом. В фильме есть сцена, в которой герой Ченнинга в Овальном кабинете убивает героя Вудса. Сцена снималась в складском помещении, и я во время съемок этой сцены находился рядом, всего в нескольких метрах, за кадром.

Ченнинг упорно работал над тем, чтобы сыграть меня. Я подсказал ему, какие необходимы упражнения, чтобы нарастить такие же мышцы спины, как у борца. Они у него получились весьма накачанными, плюс ко всему он добился клинообразной формы верхней части тела. Он очень быстро овладевал борцовскими навыками. Они с Марком тренировались пять или шесть месяцев до начала съемок, и я принимал участие в их тренировках.

Ченнинг владел боевыми искусствами, но борьба – это особый вид спорта даже для тех, кто знаком с ними. Я обучал Ченнинга и Марка борьбе так же, как меня обучали гимнастике: я показывал им движение или прием и заставлял их повторять его снова и снова, пока его исполнение не становилось идеальным. После этого мы приступали к отработке другого движения или приема. Ченнинг весьма преуспел в этих тренировках. Он работал до седьмого пота и во время тренировок, и на съемочной площадке.

В сцене об отборочных соревнованиях к Олимпийским играм 1988 года, где я должен был в течение девяноста минут сбросить пять с половиной килограмм, Ченнинг, как мне кажется, провел в велотренажере для съемочных дублей больше времени, чем это пришлось делать мне. Когда Ченнинг крутил педали, я дал ему совет расслабить мышцы челюсти, поскольку знал, что, начиная тренироваться, я сам достаточно широко открывал рот, чтобы глубже дышать.

Ченнинг в точности скопировал мою походку, когда одна

ступня ставится точно перед другой. Я сам перенял ее у Гленна Каннингема. Ченнинг обращал внимание на каждую деталь. Он старался сыграть свою роль таким образом, чтобы воздать должное мне и Дэйву. Я высоко ценю это.

Ченнинг – талантливый спортсмен, разносторонний актер, одаренная личность. Если применять известные мне критерии, то он является чемпионом мира в индустрии развлечений. Я был очень благодарен ему за то, что он решил сыграть роль «Марка Шульца». Я получил огромное удовольствие, тренируя его и общаясь с ним.

Съемки фильма «Охотник на лис» начались в январе 2013 года в Питтсбурге. Первоначальный план предполагал организацию съемок в районе Филадельфии, но у трудового договора, в котором говорилось о Питтсбурге, был ряд преимуществ. Заехав туда, я попал на съемку сцены с участием Энтони Майкла Холла, который сыграл роль одного из помощников Дюпона.

В общей сложности я посетил, очевидно, десять разных съемочных площадок, в том числе с особняком, который был очень похож на особняк Дюпона, с частным аэропортом и самолетом бизнес-класса, с целым университетом, который сдали в аренду. Везде, где проходили съемки, были огромные грузовики с необходимым оборудованием, везде стояли камеры и обогреватели. И еда! Много, много еды. Это выглядело так, как будто чье-то войско захватило город. Я позвонил отцу и сказал ему: «Ты даже не поверишь, какие здесь грандиозные масштабы!»

Беннетт дал мне в фильме яркую эпизодическую роль. Как я понял, официально она называлась так: «Чиновник номер 1 на взвешивании». Во время съемок я встретил Ли Кемпа, который боролся с Дэйвом. Его роль называлась проще: «Чиновник на взвешивании». Кроме того, я был помощником продюсера.

Я появлялся на экране на несколько секунд в сцене с взвешиванием борцов на отборочных соревнованиях в Олимпийским играм 1988 года и должен был произнести пару реплик. Меня спрашивали, как скоро должен будет взвешиваться Ченнинг (или это речь шла обо мне?), я смотрел на часы и отвечал: «Через девяносто минут». И затем, когда Ченнинг возвращался для взвешивания, я говорил: «Все в порядке, у тебя все в пределах нормы».

С учетом этого факта я добавил в свое актерское резюме строку «Чиновник номер 1 на взвешивании». Ранее в моем актерском резюме значилось лишь «Призрак в спектакле “Макбет”». Это относилось к тому время, когда моя мама работала на Шекспировском фестивале в штате Орегон.

Я встретил также Стива Кэрелла, который на съемочной площадке *очень талантливо* перевоплотился в Дюпона. Это было жуткое впечатление, поскольку со смерти Дэйва прошло уже семнадцать лет, и мне казалось, что все эмоции, которые мне пришлось испытать, уже улеглись. Но когда я впервые краешком глаза увидел Стива, когда он был одет, как Дюпон, я понял, что он выглядел и ходил совершенно так же, как Джон. Я почти сразу же осознал, что это был Стив, но на какую-то долю секунды я почувствовал себя не в своей тарелке, поскольку мне показалось, что Дюпон вдруг воскрес из мертвых.

Стив был талантливым парнем, и ему удалось передать все манеры Дюпона, от его манеры разговаривать до мимики и презрительного взгляда на тебя поверх клювообразного носа. Стив использовал объемно-скульптурный грим, чтобы увеличить нос, но, думаю, у Дюпона он был еще больше.

Когда я поделился с Беннеттом тем, что Стив выглядит и разговаривает совсем как Дюпон, он попросил меня самому пойти и сказать это Стиву. Я так и поступил, и все кончилось тем, что мы проговорили, я думаю, где-то около трех часов. Он поделился своим опытом в шоу-бизнесе, и у нас получилась очень интересная беседа.

Испытывая к Дюпону чувство жалости, должен признать, что его маразмы и эксцентричность позволили создать на экране яркого киногероя. Роль Дюпона дала Стиву возможность раскрыть свой актерский талант в очень хорошей роли.

Я любил общаться с актерами в их трейлерах. Было очевидно, что они занимались любимым делом и что к ним хорошо относились. Они были одними из самых счастливых людей на планете, которых я только встречал.

Когда я находился на съемочной площадке, меня беспокоила боль в коленях. У меня была с собой противовоспалительная мазь, которую я втирал, чтобы облегчить боль. Однажды, когда я, наклонившись, невольно поморщился, Марк Руффало подошел и предложил: «Позволь мне сделать это за тебя». Это было здорово, что он так поступил. Он – знаменитый актер, а эти ребята привыкли, что для них все делают, однако он увидел, что мне больно, и захотел прийти мне на помощь. Это было очень благородно.

Кроме того, Марк как-то сказал то, что наиболее отчетливо запомнилось мне из всего процесса производства фильма от написания шестидесятистраничной рукописи до конечного результата.

Все актеры и актрисы хотели как можно полнее понять реальных персонажей, которых они играли. Мы разговаривали о

Дэйве, и Марк сказал:

– Твой брат по-настоящему любил тебя.

– Я знаю, – ответил я. – И я по-настоящему любил его.

* * *

Первый раз я увидел конечный результат в мае 2014 года на Каннском международном кинофестивале во Франции, где фильм «Охотник на лис» был номинирован на престижную «Золотую пальмовую ветвь», награду за лучшую кинокартину.

В течение этих двух дней во Франции продюсеры заставили меня почувствовать себя знаменитостью. В частности, меня привезли из аэропорта, приставили ко мне телохранителя (не знаю, правда, зачем), поселили меня в роскошном отеле и обеспечили меня смокингом для премьеры.

Фестиваль проходил во Дворце фестивалей и конгрессов на бульваре, протянувшемся вдоль побережья Средиземного моря. Вид на залив был ошеломляющим.

В кинозале мне выделили боковое место, с которого я мог видеть актеров и продюсеров, направлявшихся к своим местам в центральной секции, отгороженной канатом. Я достал видеокамеру, шагнул в проход и начал снимать. Я был единственным, кто поднялся со своего места, и служащий попросил меня вернуться.

– А вы знаете, кто я? – спросил я его.

Он этого не знал. Не знала этого и актриса рядом со мной, которая поднялась и спросила:

– И кто же вы?

Я назвал ей свое имя. Не думаю, чтобы оно ей о чем-то сказало.

Когда фильм начался, вначале на экране появилась заставка: «Снят на основе шокирующей, подлинной истории».

– Да, это моя подлинная история, – сказал я чуть громче, чем следовало.

Женщина, сидевшая передо мной, шикнула на меня и попросила вести себя тихо.

Я же с трудом удерживался от того, чтобы не вскочить и не приняться аплодировать во время фильма. Это было просто потрясающе!

В прошлом году я уже видел несмонтированный фильм, поэтому знал, чего ожидать. Однако в процессе окончательного монтажа Беннетт смог подчеркнуть в характере моего героя некоторые комичные элементы. Я старался быть забавным, как

мой отец, и полагаю, что этого у меня как раз не хватало в ранней версии фильма. Было также переработано музыкальное сопровождение, это усилило в фильме драматическую атмосферу.

Когда я смотрел фильм первый раз, я уделял основное внимание тому, как играл Ченнинг (меня) и Стив (Дюпона). Они были восхитительны. Но в Каннах я уже больше, чем раньше, следил за тем, как Марк играл Дэйва. Он был так же хорош, как Ченнинг и Стив. Все трое великолепно исполнили свои роли.

Две сцены заставили меня от души повеселиться.

В первой я лечу на вертолете вместе с Дюпоном, и тот объясняет мне, как следует представлять его на одном из банкетов по случаю его награждения, которое он сам организовал: «Когда будешь представлять меня, говори: «Филантроп, орнитолог, филателист». Зрители много смеялись, когда Ченнинг снова и снова вслед за Стивом отрабатывал этот набор слов: «Филантроп, орнитолог, филателист…» Попробуйте сами быстро произнести эти три слова раз десять подряд!

Во второй сцене съемочная группа документального фильма о Дюпоне пытается снять, как Дэйв рассказывает, каким талантливым руководителем и тренером является Джон, но Дэйв не может заставить себя выдавить эти слова. Марк в этой сцене сыграл просто великолепно. Это было безумно смешно, поскольку Дюпону так хотелось услышать эти слова про себя, но никто не мог их искренне произнести.

Моей любимой сценой является финальная, но я не стану описывать ее, чтобы не испортить впечатления тем, кто еще не видел фильма.

Самым трудным было смотреть сцену, в которой убивали Дэйва. Когда я первый раз видел это на экране, у меня текли слезы. В Каннах я был уже готов сдержать свои эмоции, но все равно было нелегко пережить это вновь.

Когда фильм закончился, зал взорвался аплодисментами, зрители встали. Овации продолжались более шести минут. Когда они начинали стихать, Беннетт подошел ко мне, схватил за руку и провел меня к центральной секции зала к актерам и продюсерам.

Всем было интересно узнать, кто я такой. Ченнинг взял мою руку и поднял ее, словно я выиграл схватку. Я точно так же поднял руку Беннетта. Овации возобновились с прежней силой. Тогда я крепко обнял Беннетта, Стива, Ченнинга и Марка. Беннетт поднял обе руки Меган Эллисон, продюсера кинокомпании «Аннапурна пикчэз», которая приняла участие в финансировании нашего фильма. Затем Ченнинг и Марк подняли Беннетта вверх. Овации длились целых десять минут.

Прежде чем мы покинули кинозал, актриса, которая

интересовалась, кто же я такой, подошла ко мне и несколько раз извинилась за то, что не узнала меня. Это было забавно. А я ведь так и не узнал, кто она!

На выходе я смог присоединиться к Ченнингу, Стиву, Марку, Беннетту, Меган и продюсеру Джону Килику на красной ковровой дорожке, вдоль которой толпилось, без сомнения, более двухсот фотографов. Мы спустились по дорожке, обнявшись, а затем каждый из нас позировал для фотографов отдельно. Я довольно долго снимался вместе с Ченнингом. В какой-то момент он крикнул фотографам: «Это настоящий Марк Шульц!» И я крикнул в ответ: «Это настоящий Ченнинг Татум!»

Покинув Дворец фестивалей и конгрессов в своих лимузинах, мы провели несколько часов на банкете в зале для особо важных персон, а затем нас пригласили провести время на борту яхты соучредителя корпорации «Майкрософт» Пола Аллена. Точнее было бы сказать: «На борту корабля», поскольку яхта была огромной! Мы совершили экскурсию по ней, осмотрев, в частности, подводную лодку и вертолет. Я смог посидеть с Антонио Бандерасом и несколько минут поговорить с ним.

Мне неловко за то, что я так фамильярно упоминаю известные имена, но для меня знакомство с ними было незабываемым впечатлением. К концу дня я так устал, что, вернувшись в свой отель, рухнул в постель как подкошенный и провалился в сон.

Когда по завершении фестиваля были объявлены победители, оказалось, что фильму «Охотник на лис» «Золотая пальмовая ветвь» не досталась. Ее завоевал турецкий фильм «Зимняя спячка». Однако Беннетт получил награду за лучшую режиссуру, и я был очень горд за него.

Я прочитал множество отзывов и посмотрел множество передач о Каннском кинофестивале – и с радостью убедился в том, что подавляющему большинству критиков наш фильм понравился. Я ознакомился с многочисленными отзывами, которые предлагали удостоить фильм премии «Оскар», прежде всего за талантливую игру Ченнинга, Стива и Марка.

* * *

Еще когда я был ребенком, мне хотелось, чтобы моя жизнь была как в кино, но я даже представить себе не мог того, как все обернулось в связи с моей рукописью. Она вышла далеко за рамки изложения истории моей жизни моим детям.

Я так долго упорно работал, встречаясь с финансовыми

трудностями. Я не собираюсь разбогатеть, но мне хотелось бы, чтобы все поняли, что мне пришлось пережить. В мире много горя и боли. Страдания можно встретить везде. Я лишь надеюсь, что моя жизнь является примером того, что, кроме невыносимых страданий и жертв, случаются также и высокие дары судьбы. Мне пришлось испытать на своем пути достаточно несчастий, но жизнь подарила мне немало и счастливых моментов. И свою жизнь я не променяю ни на какую другую.

Я верю в Бога и в то, что все происходит с какой-то целью, не просто так. Как мне кажется, иногда нам приходится сталкиваться с дурными людьми прежде, чем нам посчастливится познакомиться с хорошими, и мне довелось повстречать хороших людей, которые помогли мне рассказать историю своей жизни в фильме и в этой книге.

Я верю, что вся боль и все страдания, которые я пережил, в конце концов окупятся, потому что на примере своей собственной судьбы я совершенно твердо понял: когда упорно работаешь, свершаются чудеса.

Библиография

"An Eccentric Heir's Wrestle With Death". *Newsweek*, February 5, 1996. http://www.newsweek.com/eccentric-heirs-wrestle-death-179902 (accessed June 29, 2014).

Buckley, J. Taylor, and Gary Fields. "John du Pont's life a clash of contradictions". *USA Today*, February 5, 1996.

Gensler, Howard. "Yarnall Resigns As Villanova Wrestling Coach". *The Philadelphia Inquirer*, February 15, 1987. http:// articles.philly.com/1987 – 02–15/news/26180898_1_du-pont-high-school-wrestler-team-foxcatcher (accessed June 29, 2014).

"Heir Trigger". *Daily News* (New York), January 29, 1996.

Koury, Renee. "Du Pont case: Accused killer of wrestler lived in Atherton". *San Jose Mercury News*, February 1, 1996.

Longman, Jere, Pam Belluck, and Jon Nordheimer. "A Life In Pieces: For du Pont Heir, Question Was Control". *The New York Times*, February 4, 1996.

Neff, Craig. "Fatal Obsession". *Sports Illustrated*, February 5, 1996.

Ordine, Bill, and Ralph Vigoda. "Fatal Match: Inside the Mind of Killer Millionaire John du Pont". *New York: Avon Books*, 1988.

Ordine, Bill, and Ralph Vigoda. "Loved ones mourn slain wrestler". *The Philadelphia Inquirer*, February 12, 1996.

Ordine, Bill, and Ralph Vigoda. "Prosecutors: Du Pont still runs things". *The Philadelphia Inquirer*, July 21, 1996.

Plaschke, Bill. "Unwelcome mat". *Los Angeles Times*, June 9, 1996. http://articles.latimes.com/1996 – 06–09/sports/sp-13287_1_dave-schultz-wrestling-club (accessed June 29, 2014).

Pucin, Diane. "Schultz is gone, but still dominating Olympic Trials". *The Philadelphia Inquirer*, June 9, 1996.

Schaefer, Mari A. "John du Pont was buried in his wrestling singlet". *The Philadelphia Inquirer*, February 16, 2011.

notes

Примечания

1

В сентябре 2014 года конгресс Международной федерации объединенных стилей борьбы (Federation Internationale des Luttes Associees, FILA) утвердил смену названия организации, которая стала называться «Объединенный мир борьбы» (United World Wrestling, UWW). – *Прим. пер.*

2

Категория до 59 кг. В международной классификации соответствует полулегкому весу. – *Прим. ред.*

3

По международной классификации соответствует категории полусреднего веса. – *Прим. ред.*

Соответствует легкой весовой категории. – *Прим. ред.*

5

Неолимпийская категория до 70 кг, легкий вес. – *Прим. ред.*

6

Категория до 75 кг; первый средний вес по международной классификации. – *Прим. ред.*

Всю многозначность этого выражения в русском переводе передать чрезвычайно сложно. Помимо приведенного здесь значения, выражение One and done означает и студента колледжа, переходящего из университетского в профессиональный спорт всего через год учебы в университете. Есть у этого выражения и ряд других значений, прямого отношения к истории братьев Шульц в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса не имеющих. – *Прим. ред.*

8

Весовая категория, применяющаяся в американском университетском спорте. В международной классификации весовых категорий такой (до 68 кг) не существует; она примерно соответствует легкому весу. – *Прим. ред.*

9

Весовая категория, применяющаяся в американском университетском спорте. В международной классификации весовых категорий такой (до 72 кг) не существует; она примерно соответствует промежуточной категории между легким и полусредним весом. – *Прим. ред.*

10

Спортивная династия – успешная команда, превосходящая соперников на голову, способная постоянно побеждать, диктующая стиль, формирующая тенденции развития спорта в целом.

11

Медведь – спортивный символ Калифорнийского университета Лос-Анджелеса. – *Прим. ред.*

12

Юниорские весовые категории – до 74 и 84 кг соответственно. – *Прим. ред.*

13

Типичное для борцов и боксеров повреждение ушного хряща, называемое «цветной капустой» из-за характерного вида. – *Прим. ред.*

14

Дотации, которые выплачивают из федерального бюджета студентам из семей с низкими (а теперь и со средними) доходами на оплату высшего образования. Названа именем сенатора от штата Род-Айленд Клэйборна Пелла, по инициативе которого эти дотации были введены в 1973 году. – *Прим. пер.*

15

Юниорская весовая катеогрия, принятая в американском университетском спорте. – *Прим. ред.*

16

«Большая восьмерка» – объединение студенческих спортивных ассоциаций центральных штатов США. – *Прим. ред.*

17

Ныне уже не существующая весовая категория. Примерно соответствует второму среднему весу по международной классификации. – *Прим. ред.*

18

Современные весовые категории отличаются от тех, что были приняты во времена братьев Шульцев. На Олимпиаде в США Дэйв боролся в категории до 74 кг (полусредний вес), Марк – в среднем весе (до 82 кг). – *Прим. ред.*

19

Некоторая передержка: Рональд Рейган родился в Иллинойсе. – *Прим. пер.*

20

Рональд Макдональд – клоун, являющийся символом продукта питания компании «Макдоналд»; одна из его отличительных черт – густые неестественно ярко-красные волосы с пробором посередине. – *Прим. пер.*

21

Марк Хэрмон – американский актер кино, телевидения и театра, неоднократно номинированный на премии «Эмми» и «Золотой глобус»; в 1986 году журналом «Пипл» был признан самым сексуальным мужчиной года. – *Прим. пер.*

22

Вэлли Форедж (штат Пенсильвания) – место зимовки армии Вашингтона в 1777–1778 гг., которое вошло в историю как символ испытаний, выпавших на долю плохо обученной, раздетой и разутой армии; немногие выдержавшие это испытание положили начало регулярной армии. – *Прим. пер.*

23

1—3 июля 1863 года при Геттисберге (штат Пенсильвания) произошло самое кровопролитное сражение в ходе Гражданской войны в США, которое явилось ее переломной точкой. – *Прим. пер.*

24

Понятие любительской (или спортивной) борьбы объединяет вольную и греко-римскую борьбу; несмотря на свое название, любительская (спортивная) борьба является, по существу, именно борьбой в полном смысле этого слова, в отличие от рестлинга. – *Прим. пер.*

25

Фильм «Экипаж» – драма режиссера Роберта Земекиса по сценарию Джона Гэйтинса, премьера в США и в России состоялась в ноябре 2012 года. – *Прим. пер.*

«Кокс» – кокаин на сленге. – *Прим. пер.*

27

Международная христианская спортивная организация «Атлеты в действии» – организация, ставящая своей целью обеспечить распространение христианства через спорт; один из методов деятельности – проведение служения на различных чемпионатах. – *Прим. пер.*

28

Университет Бригэма Янга (Brigham Young University, читается как «Би-Уай-Ю») – третий по величине частный университет США, 98 % студентов которого являются мормонами. – *Прим. пер.*

Церковь мормонов. – *Прим. пер.*

30

«Книга Мормона» (полное название: «Книга Мормона: свидетельства, написанные рукой Мормона на листах, взятых из листов Нефия») – религиозный документ, содержащий, по мнению верующих, писания древних пророков, живших на Американском континенте приблизительно с 2200 г. до н. э. по 421 г. н. э.; впервые опубликован Джозефом Смитом в 1830 г. – *Прим. пер.*

31

Бразильское джиу-джитсу – боевое искусство и международное спортивное единоборство, основой которого является борьба в партере, а также болевые и удушающие приемы. – *Прим. пер.*

32

«Треугольник» – вид удушающего приема, при котором шея и рука захватываются ногами, образуя фигуру, похожую на треугольник. Поскольку при проведении данного приема сдавливается сонная артерия, это может привести к потере сознания у противника. – *Прим. пер.*

33

Сериал сценариста Рода Серлинга, в котором действие каждой серии происходит в мире паранормальных явлений, чудес и мистики. – *Прим. пер.*

34

Исторически «Запретным городом» назывался дворцовый комплекс китайского императора в Пекине. – *Прим. пер.*

35

О. Джей Симпсон – знаменитый американский футболист и актер, получил скандальную известность после того, как в 1994 году был обвинен в убийстве своей бывшей жены и ее друга (был оправдан, несмотря на наличие веских улик). – *Прим. пер.*

36

Согласно законодательству штата Пенсильвания, под убийством первой степени понимается умышленное убийство без смягчающих вину обстоятельств, под убийством третьей степени – убийство, разновидности которого не конкретизированы в законе, в том числе неумышленное. – *Прим. пер.*

37

«Чемпионат по боям без правил» (Ultimate Fighting Championship, UFC) – базирующаяся в Лас-Вегасе спортивная организация, проводящая бои смешанных боевых единоборств. – *Прим. пер.*

38

Заявление потерпевшего – заявление лица, близкого потерпевшему, которое оказалось под влиянием данной ситуации; делается в случае гибели непосредственно потерпевшего. – *Прим. пер.*

39

Эмфизема – заболевание легочных путей, которое характеризуется патологическим расширением альвеол с последующим разрушением их стенок. – *Прим. пер.*